

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 4 (35) 2019

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 4 (35) 2019

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2019
© Tomsk State University, 2019

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 4 (35) 2019

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2019
© Томский государственный университет, 2019

CONTENTS

No 4 (35) 2019

Maria P. Bezenova, Ilya B. Itkin, Svetlana I. Pereverzeva. Reflection of iotated vowels in the Udmurt manuscript “Christian admonition of Saint Tikhon in the Votyak language” revisited.....	7
Polina Berezovskaya. Comparison constructions in Nenets: about a language that has degrees and also uses them	18
Evgeniya V. Budennaya. Subject reference in Votic and Ingrian: on the history of one contact-induced change	36
Aigul N. Zakirova, Nikita A. Muravyev. Preverbs <i>nõχ</i> and <i>jõχi</i> in the Northern Khanty dialects: aspectual and discourse analysis	53
Iuliia N. Zubova. Variations in the use of modal particles in standard Udmurt and Beserman Udmurt.....	71
Egor V. Kashkin. Khanty manuscript “Sacred History” (Tobolsk, 1900): some peculiarities of verbal morphology.....	91
Timofey V. Timkin. Reflection of the consonant system of the Salym dialect of Khanty in the graphics of the dictionary by A. Sjögren	107

DISCUSSIONS

László Honti. Remarks on the stock of dental fricatives in Proto-Uralic/Proto-Finno-Ugric/Proto-Ugric	119
Yulia V. Normanskaya. A polemic note to the article “Remarks on the stock of dental fricatives in Proto-Uralic/Proto-Finno-Ugric/Proto-Ugric”	136

PERSONALIA

Firdaus G. Hisamitdinova. Anna V. Dybo as an outstanding turkologist and altaist (in honor of the 60 th anniversary of the member of the Russian Academy of Sciences Anna V. Dybo).....	138
Style sheet	142

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4 (35) 2019

М. П. Безенова, И. Б. Иткин, С. И. Переверзева. Еще раз об отражении йотированных гласных в удмуртском памятнике «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке».....	7
П. Березовская. Сравнительные конструкции в ненецком: о языке, который имеет степени сравнения и использует их	18
Е. В. Буденная. Субъектная референция в ижорском и водском языках: из истории одного заимствования.....	36
А. Н. Закирова, Н. А. Муравьев. Провербы <i>пõх</i> и <i>јõхi</i> в западных диалектах хантыйского языка: аспектуальный и дискурсивный анализ	53
Ю. Н. Зубова. Вариации в использовании модальных частиц в литературном удмуртском языке и в бесермянском диалекте	71
Е. В. Кашкин. Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): некоторые особенности морфологии глагола	91
Т. В. Тимкин. Отражение консонантизма салымского диалекта хантыйского языка в графической системе словаря А. М. Шегрена.....	107

ДИСКУССИИ

László Honti. Bemerkungen zum Bestand der dentalen Spiranten der U/FU/Ug Grundsprache.....	119
Ю. В. Норманская. Дискуссионная заметка к статье Л. Хонти “Bemerkungen zum Bestand der dentalen Spiranten der U/FU/Ug Grundsprache”	136

ПЕРСОНАЛИИ

Ф. Г. Хисамитдинова. А. В. Дыбо — выдающийся тюрколог, алтаист (к 60-летию члена-корреспондента РАН А. В. Дыбо)	138
Требования к оформлению статей.....	142

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Еще раз об отражении йотированных гласных в удмуртском памятнике «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке»*

1. Вступительные замечания

В недавней статье одного из авторов настоящей работы [Безенова 2016а], посвященной анализу удмуртского памятника «Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз. Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (Казань, 1891; далее — «Зеч кыльёс»), значительное внимание уделено проблеме отражения йотированных гласных [там же: 11—13]. Сводная таблица, учитывающая все случаи употребления йотированных гласных [там же: 12], создает впечатление царящего в памятнике графического разнобоя, едва ли не хаоса. Сам автор также приходит к выводу «об отсутствии сложившейся графической нормы» [там же: 13].

Дальнейшее исследование памятника, однако, привело нас к мысли о том, что, хотя графической системе «Зеч кыльёс» действительно свойственна вариативность, данные, приведенные в статье [Безенова 2016а], нуждаются в определенной реинтерпретации, позволяющей придать им более системный характер.

В статье [Безенова 2016а] рассматривались, среди прочего, сочетания вида /jV/. Они были разделены на четыре группы в зависимости от гласной в позиции V — /je/, /jo/, /ja/, /ju/; для каждой группы отмечались все представленные в памятнике способы записи. В настоящей работе основным объектом исследования служат сочетания вида /V₁jV₂/, и их классификация производится на другом основании, а именно в соответствии с тем, какой способ записи используется для этих сочетаний — йотовый с буквой *i* (V₁iV₂), йотовый с буквой *й* (V₁йV₂) или безйотовый (V₁V₂). Такое представление данных имеет некоторые преимущества, поскольку позволяет обнаружить, что в «Зеч кыльёс» действуют достаточно сильные тенденции выбора между конкурирующими способами записи рассматриваемых сочетаний.

От этих тенденций, однако, имеется несколько отклонений, связанных в основном с написанием буквы *й* на месте ожидаемой *i*. Природа этих отклонений не вполне ясна. Кажется вероятным, что по крайней мере часть из них могла возникнуть под влиянием более раннего удмуртского памятника «Ўгет. Святой Тихон дышетэм зеч кыльёс. Наставление христианское св. Тихона» (Казань, 1878; далее — «Ўгет»), на текст которого, вероятно, в той или иной степени ориентировались авторы «Зеч кыльёс». Для проверки этой гипотезы мы изучили систему записи сочетаний с йотированными гласными в «Ўгет» и сравнили места, в которых в «Зеч кыльёс» представлены отклонения от основных правил, с параллельными местами в «Ўгет».

2. Сочетания с йотированными гласными в памятнике «Зеч кыльёс»

Согласно [Безенова 2016а], в «Зеч кыльёс» представлены следующие гласные буквы: *a*, *я*, *э*, *e*, *o*, *ё*, *y*, *ю*, *ы*, *и*, *й*, *ö*, *i*.

Буквы *ö*, *ё* и *ю* в соседстве с гласными буквами в памятнике не встречаются. Буква *ё* употребляется после согласных, а в позиции после гласной вместо нее используется сочетание *io* (редко *йo*).

Гласные *y* и *й* могут встречаться перед другими гласными (но не после них!) и выступать как варианты друг друга (ср. *луоз* ~ *лйоз* ‘будет’, *шует* ~ *шйет* ‘он сказал, оказывается’). Такие сочетания всегда записываются единообразно — как *yV* или *йV*, возможно, потому что в них нет звука [j] (ср. *шует* ~ *шйет* ‘он сказал, оказывается’ — литер. *шует*, *вйез* ‘воду’ — литер. *вуэз*, *лйе* ‘бывает’ — литер. *луэ* и т. п.).

Гласная *и* в соседстве с гласной буквой встретила в памятнике только один раз — в словоформе *виш* ‘убивающий’ (с. 5). Возможно, здесь между *i* и *и* не произносился [j], ср. литер. *вишь*, но об этом трудно судить с уверенностью, поскольку в «Зеч кыльёс» запись *iV* может обозначать сочетания как с

* Авторы выражают искреннюю благодарность В. В. Напольских за ценные консультации, С. А. Максимова за помощь в предварительном исследовании вопроса о диалектной принадлежности удмуртского памятника «Ўгет...» (1878), а также анонимному рецензенту журнала «Урало-алтайские исследования» за доброжелательные критические замечания.

[j], так и без него (см. раздел 2.П). Далее мы не будем рассматривать этот пример по причине его единичности и недостаточной ясности.

Таким образом, в графической системе памятника в сочетаниях вида $/V_1jV_2/$ возможны только буквы $a, я, э, е, о, ы, i$. Позиции, в которых они встречаются, приведены в таблице 1 (числа обозначают количество вхождений данного сочетания в тексте памятника; например, сочетание $a + я$, записанное тем или иным способом, встречается в общей сложности 2 раза, сочетание $a + е$ — 23 раза и т. д.).

Таблица 1

	<u>а</u>	<u>я</u>	<u>е</u>	<u>о</u>	<u>ы</u>
<u>а</u>		2	23	11	11
<u>я</u>			1		
<u>е</u>			8	43	40
<u>э</u>		2	7		1
<u>о</u>			30	25	3
<u>ы</u>		4	23	2	7
<u>і</u>	2	48	10	>100	11

Для передачи таких сочетаний в «Зеч кыльёс» используется один из трех способов — V_1iV_2 , V_1jV_2 или V_1V_2 . Назовем первые два способа написания «йотовыми», а третий — «безйотовым». Буквы e и $я$, в соответствии с традицией, будем называть йотированными, а прочие гласные буквы — не йотированными.

Чтобы описать распределение этих трех способов, разделим все сочетания интересующего нас типа на следующие группы:

Ia. V_1 — любая гласная, кроме i ; $V_2 = я, е, о$;

Iб. V_1 — любая гласная, кроме i ; $V_2 = ы$;

II. $V_1 = i$; V_2 — любая гласная.

Ia. Сочетания вида «любая гласная, кроме i , + $я, е, о$ »

(1) Если V_2 — не йотированная гласная (т. е. если $V_2 = о$), используется йотовая запись с i (V_1io):

ао

атаіос ‘отцы’ (24)¹, *книгаіос* ‘книги’ (21), *книгаіосыз* ‘книги (вин. п.)’ (8, 16, 21), *пайдаіо* ‘полезный’ (5, 11, 19, 20*3)

ео

кыльымтеіос ‘не слушавшие’ (47), *макеіос* ‘существа’ (7, 13, 14, 24*2, 35, 60), *макеіослиç* ‘от существ’ (5, 9, 30, 42, 55), *макеіослы* ‘существам’ (24*3, 34), *макеіостэ* ‘что-то твое’ (20), *макеіосыз* ‘существа (вин. п.)’ (8*2, 10, 11*2, 13*3, 14, 18, 24, 26, 29, 36, 42, 43, 60, 62), *макеіосызлы* ‘его существам’ (32), *мокеіоссэ*² ‘его существа’ (13), *ыцеіосыз* ‘таких (вин. п.)’ (44)

Исключения: *макейос* ‘существа’ (6), *макейослиç* ‘от существ’ (10)

эо

мынымтэіос ‘не последовавшие’ (47), *улымтэіос* ‘не прожившие’ (47)

оо

лүлоіосыз ‘организмы (вин. п.)’ (36), *нылкышноіослиç* ‘от женщин’ (15), *пудоіосме* ‘мой скот’ (14), *пудоіосылы* ‘моему скоту’ (13-14, 14), *соіос* ‘они’ (11, 13, 18, 24, 41, 47*2), *соіослиç* ‘от них’ (13, 24, 47), *соіослы* ‘им’ (47), *соіосыз* ‘их’ (14, 18*2, 45, 52), *тыло-бурдоіосыз* ‘птиц’ (36)

Исключения: *святойос* ‘святые’ (8), *святойослиç* ‘от святых’ (9), *сойослы* ‘им’ (52)

ыо

иңтыіосын ‘в местах’ (28), *выіоми* ‘(я) объелся’ (32)

¹ В скобках после примера перечисляются (в порядке возрастания) страницы в «Наставлении...», на которых встречается этот пример. Если на одной странице пример встречается n раз, то после номера страницы ставится помета «* n ». Если номер страницы записан как, например, «13-14», это значит, что пример переносится со с. 13 на с. 14.

² Вероятно, опечатка вместо *макеіоссэ*.

Комментарии

1. Очевидно, э + о (*мынымтэіос, улымтэіос*) — вариант сочетания е + о, ср. *кылзымтеіос* ‘не слушавшие’ (47).

2. Об исключениях, приведенных в этом и следующих пунктах, см. ниже, раздел 4.

(2) Если обе гласные V_1 и V_2 — йотированные (т. е. в случае сочетаний я + е или е + е; сочетания я + я и е + я в памятнике не представлены), используется только безйотовая запись (V_1V_2):

е_е

дүңңее ‘в мир’ (14, 15, 29) ~ *дүңңее* (28), *дүңңеез* ‘мир (вин. п.)’ (13), *дүңңеейк* ‘в мир же’ (29), *макеед* ‘что-то твое’ (38), *макеез* ‘что-то (вин. п.)’ (28)

я_е

Евангелияе ‘в Евангелие’ (50)

(3) Если V_2 — йотированная гласная, а V_1 — не йотированная, наблюдаются колебания между написаниями V_1iV_2 и V_1V_2 с преобладанием йотовой записи:

а_е

V_1iV_2 : *ажлаіезлиç* ‘от прежнего’ (60), *Атаіезлы* ‘его отцу’ (50), *книгаіе* ‘в книгу’ (16, 21, 22) ~ *кңигаіе* (21), *коркаіез* ‘его дом’ (17, 32), *коркаіе* ‘мой дом’ (32), *маіе* ‘что (вин. п.)’ (31, 33), (*кот*) *маіеке* ‘все’ (4, 13, 14, 18), *нужнаіен* ‘с нуждой’ (35)

V_1V_2 : *книгаез* ‘книгу; его книга’ (3*2, 16), (*кот*) *маеке* ‘все (вин. п.)’ (42), *нужнаен* ‘с нуждой’ (36)

Исключения: *анайедлиç* ‘у твоей матери’ (10), *атайеныд* ‘твоим отцом’ (10)

о_е

V_1iV_2 : *кужәіез* ‘его хозяин’ (35*2), *күңмоіезлы* ‘его бытию в трех лицах’ (23), *Соіе* (= *соіе*) ‘его, это (вин. п.)’ (4, 5, 6, 8, 11, 12*2, 15, 17, 20*2, 22, 23, 35, 36, 39, 55, 57, 58), *уробоіе* ‘моя телега’ (32), *уробоіез* ‘его телега’ (32), *ушаноіез* ‘тот, который нравится’ (20)

V_1V_2 : *кужәое* ‘мой хозяин’ (41), *кышноедлиç* ‘от твоей жены’ (10), *сое* ‘его (вин. п.)’ (39), *укәоез* ‘деньги (вин. п.)’ (57)

Исключение: *Соіе* ‘Его (вин. п.)’ (10)

ы_е

V_1iV_2 : *иңтыіе* ‘в место’ (18, 27*2, 29, 30*2, 31, 33*2, 35*2, 47*3, 48*2, 57, 61), *иңтыіез* ‘место (вин. п.)’ (54, 56)

V_1V_2 : *иңтые* ‘в место’ (26), *пытыетим* ‘по моему следу’ (46)

Исключение: *шундыйез* ‘солнце (вин. п.)’ (10)

э_я

V_1iV_2 : *кулэія* ‘по необходимости’ (28)

V_1V_2 : *кулэя* ‘по необходимости’ (35)

ы_я

V_1iV_2 : *иңтыіяз* ‘на его месте’ (48*2), *иңтыіямы* ‘в нашем месте’ (41)

V_1V_2 : *иңтыяз* ‘на его месте’ (12)

При этом если V_1 и V_2 передают одинаковые гласные, то есть в случае сочетаний э + е, а + я, безйотовая запись встречается несколько чаще, чем йотовая:

э_е

V_1iV_2 : *кулэіез* ‘нужное (вин. п.)’ (5, 22, 62)

V_1V_2 : *вөсяскымтэен* ‘из-за того, что не молишься’ (52), *косымтэез* ‘запретное (вин. п.)’ (6), *кулэез* ‘нужное (вин. п.)’ (46), *кулэезія* ‘в должной мере’ (40)

а_я

V_1V_2 : *ваяли* ‘дай-ка’ (39), *нужнаямы* ‘в нашу нужду’ (50)

Комментарии

Возможно, меньшее число написаний с *i* по сравнению с написаниями без *i* в сочетаниях э + е и а + я — чистая случайность (примеров на такие сочетания очень мало), а возможно, на это повлияло предпочтение безйотовой записи для одинаковых йотированных букв (е + е).

Иб. Сочетания вида «любая гласная, кроме *i*, + *ы*»

Для этой группы используется только йотовая запись. Все сочетания группы Иб записываются как *Ййы*, за исключением сочетаний *ы + ы*: для них наблюдается вариативность *ыйы ~ ыы*:

а_ы

бакчайын ‘в саду’ (26), *бакчайыс* ‘из сада’ (27), *вайыны* ‘привести’ (12), *вайыса* ‘принеся’ (28, 46), *книгайын* ‘в книге’ (22), *книгайыс* ‘из книги’ (16) ~ *книгайысь* (22*2), *майын* ‘с чем’ (49, 53)

е_ы

дүңңейын ‘в мире’ (10*2, 24, 25, 26, 28, 29, 42, 44, 46*2) ~ *дүңңейын* (28, 48), *дүңңейыс* ‘из мира’ (6, 17, 24*3, 25, 26, 27, 28*4, 29*4, 30*2, 31*2, 33, 34, 35, 42, 60*2) ~ *дүңңейыс* (8)

э_ы

валамттэйысқызы ‘из-за их непонимания’ (31)

о_ы

сойыз ‘тот’ (39), *Сойын* (= *сойын*) ‘с ним’ (16, 37)

ы_ы

выжжыйыс ‘из рода’ (12), *иңтыйын* ‘в месте’ (19)
иңтыйыс ‘в месте’ (62), *иңтыйыс* ‘из места’ (54, 55, 56), *тырмыыс* ‘из тюрьмы’ (54)

Комментарий

Как видно, между вариантами *ыйы* и *ыы* обнаруживается строгое распределение: если первый из них встречается только ближе к началу текста (с. 12, 19), то второй — только в конце (с. 54—56, 62).

II. Сочетания вида «гласная *i* + любая гласная»

В отличие от сочетаний групп Ia и Иб, сочетаниям группы II в современном удмуртском могут соответствовать сочетания, содержащие только одну гласную (после /j/). Дело в том, что современная удмуртская орфография различает сочетания вида /CjV/ (орфографически *СьVj*, ср. *кыльёс* ‘слова’, или *СьVj*, если С — палатальный согласный, ср. *израильёслы* ‘израильтянам’), /CijV/ (орфографически *СиVj*, ср. *сиён* ‘пища, еда’) и /CiV/ (орфографически *СиV*, ср. *кизилиос* ‘звезды’). Между тем графическая система «Зеч кыльёс» отражает все эти три вида сочетаний единообразно — как *СiV*, за исключением сочетания *i + ы*, при записи которого наблюдается колебание *йы ~ ийы*, обусловленное особенностями графической системы памятника (см. об этом ниже в комментариях):

ия

баҗтемезия ‘по мере его взятия’ (31), *виятыса* ‘пролив’ (41), *дырия* ‘во время; когда’ (3, 7, 8*5, 9*5, 11, 13, 19, 22, 25, 27, 30, 32*4, 33, 34, 40, 45*2, 58*2, 62), *дырияд* ‘в то время, когда ты’ (37, 52), *дырияз* ‘в то время, когда он’ (12-13, 27), *дыриямы* ‘в то время, когда мы’ (41, 58), *Евангелияе* ‘в Евангелие’ (50), *кулэзия* ‘в должной мере’ (40), *кылияд* ‘согласно твоему слову’ (57), *Мариялэн* ‘у Марии’ (15*2), *мылпотэмезия* ‘по его желанию’ (59), *нытияса* ‘взвалив на себя ношу’ (46), *уйиясқыса* ‘хвастая’ (40), *чебериясқыса* ‘прислуживаясь’ (6)

ие

арбериез ‘его вещь’ (32), *арбериен* ‘с вещью’ (6), *вие* ‘убивает’ (57), *лҗалчиез* ‘его батрак’ (35), *зарниен* ‘с золотом’ (53), *сиез* ‘его почет’ (28), *сиемзы* ‘их съедание’ (27), *сиңкилиеныд* ‘твоими слезами’ (38) ~ *сиңкилиеныд* (44), *ыжпиез* ‘его ягненок’ (15)

ио

арбериосыз ‘его вещи’ (31), *аламиос* ‘люди’ (60), *аламиосыз* ‘людей’ (60), *амалиос* ‘методы’ (25*2), *апостолоислис* ‘от апостолов’ (21), *апостолоислэн* ‘у апостолов’ (15), *Аслысқызюссэ* ‘Своих (вин. п.)’ (47), *ваңбурюсыд* ‘твои богатства’ (25), *ваңбурюсыз* ‘богатства (вин. п.)’ (25*2), *Израилюслы* ‘израильтянам’ (27), *кижжилюс* ‘звезды’ (13), *кижжилюсыз* ‘звезды (вин. п.)’ (10), *куаңериослы* ‘бедным’ (36), *кылюс* ‘слова’ (17, 22), *кылюссэ* ‘его слова’ (21*4, 22, 46) ~ *кыллиоссэ* тж. (16, 17), *кылюссэс* ‘их слова’ (21), *кылюстэ* ‘твои слова’ (16-17), *кылюсы* ‘мои слова’ (16), *кылюсыз* ‘слова (вин. п.); его слова’ (16*2, 17, 21, 22*2, 49), *лүлюсмес* ‘наши души’ (48*2), *(оло) марюсыз* ‘неизвестно что (вин. п.)’ (33), *номыриос* ‘черви’ (52), *обрюсиос* ‘иконы’ (14, 62), *обрюсиосыз* ‘иконы (вин. п.)’ (16), *өрыкчиосын* ‘с обманщиками’ (53), *пиңялюсыдлиц* ‘от твоих детей’ (10), *сион* ‘пищу’ (14, 20*3, 26, 32), *сионлиц* ‘от еды’ (32), *сионнёсыз* ‘ку-

шанья (вин. п.)' (27), *џіоно* 'съедобный, съедающий' (14, 52), *џіонэ* 'моя еда' (14), *џіонэз* 'пищу' (11), *ужіос* 'дела' (7*2, 10, 18*2, 23*2, 29, 44*2, 45, 49, 51, 55, 56*3, 57, 63), *ужіослиџ* 'от дел' (4, 7, 30, 61), *ужіослы* 'делаю' (23, 29, 35, 36, 56), *ужіослэн* 'у дел' (57), *ужіосмес* 'наши дела' (3), *ужіоссэ* 'его дела' (16, 38), *ужіоссэс* 'их дела' (60), *ужіоссыз* 'дела (вин. п.); его дела' (4, 5*2, 6*3, 7, 8*2, 18*2, 20, 23*2, 24, 29*2, 30, 31, 33, 41, 44, 56*4, 57, 60), *ужіосыдлы* 'твоим делам' (62), *ужіосызлиџ* 'от его дел' (59), *ужіосын* 'с делами' (35-36), *черіос* 'болезни' (39), *ыџіосы* 'мои овцы' (47*2), *ыџіоссыз* 'его овцы' (47)

Исключения: *ужйос* 'дела' (49, 52, 53), *ужйоссыз* 'дела (вин. п.)' (49)

і_ы

війса 'убив' (57), *Евангеліын* 'в Евангелии' (36, 40*2, 41)

війыны 'убить; умертвить' (6), *війса* 'убив' (45), *Евангелійын* 'в Евангелии' (34), *кійыз* 'его рука' (56), *кійыскыд* 'из твоей руки' (35), *сійса* 'съев' (27)

Комментарии

1. Отсутствие каких-либо альтернативных способов обозначения для сочетаний с любой V_2 , кроме *ы*, связано, во-первых, с невозможностью использования *ё* после гласной (то есть с невозможностью **іё*), во-вторых, с невозможностью сочетания **іі* (то есть с невозможностью **ііV₂*), в-третьих, с появлением сочетания *ій* только перед *ы* (то есть возможностью *ійV₂* только в случае *ійы*).

2. Наряду с написанием *ія* дважды встретилось написание *іа*: *изіан* 'урон, ущерб' (20), *дыріад* 'в то время, когда ты' (20). См. об этих примерах ниже, раздел 4.

3. Вероятно, колебание *іы* ~ *ійы* объясняется конфликтом двух тенденций: для любых сочетаний вида $i + V_2$ ($V_2 \neq ы$) используется только безйотовая запись, а для любых сочетаний вида $V_1 + ы$ — только йотовая с *й*.

2.1. О двух уникальных графических отклонениях

Обращает на себя внимание единичный пример *улицџіослы* 'живущим' (8), где написание *іо* вместо *о*, по-видимому, просто ошибка: более частотный вариант этой словоформы — *улицџослы* (8, 9, 28, 31, 45, 49), с ассимиляцией /џj/ > /џџ/ (ср. литер. *улицьёслы*).

О том, что в «Зеч кылёс» действует «ассимиляция в сочетаниях типа -Сй-», также упоминает М. П. Безенова, см. [Безенова 2016б: 59]. Для иллюстрации этого явления она приводит два примера: *музем* 'земля' — литер. *музьем*, *изьян* 'урон, ущерб' — литер. *изьян* [там же]. По этим примерам можно предположить, что в памятнике -Сй- регулярно переходит в -СС-, однако это не вполне так. В частности, при образовании множественного числа (т. е. при добавлении к исходной основе суффикса /jos/) действуют следующие правила ассимиляции:

-jos- > -џёс- (вариант: -џос-) после основ на носовые, ср. *закон* — *законџёсыз* 'законы', *косэм* — *косэмџёссэ* 'его веления'; в основе возможно смягчение -н > -н, ср. *џіон* — *џіонџёсыз* 'кушанья';

-jos- > -тёс- (вариант: -тос-) после основ на глухие смычные, ср. *мурт* — *мурттёс* 'люди', *пророк* — *пророктёсын* 'с пророками'; в основе возможно смягчение -т > -т, ср. *мурттёслэн* и *мурттёслэн* 'у людей';

-jos- > -лос- (вариант: -лёс-) обычно после основ на звонкие смычные, ср. *куд* — *кудлёсызке* 'которые', *лџечлыг* — *лџечлыглоссыз* 'благодати', *эсэб* — *эсэблос* 'мысли' (но ср. два случая на с. 11, когда суффиксу -лос- предшествует глухой -к: *лџечлыклоссэ* 'его благодати', *лџечлыклоссызлэн* 'у его благодатей');

-jos- > -џос- (вариант: -џёс-) после основ на -џ, ср. *иџмыџ* — *иџмыџссыз* 'с теми, кто на небесах', *диџ* — *диџссы* 'мои одежды';

после основ на -р, -л, -з, -ж суффикс -jos- не ассимилируется, ср. *ваџбуріоссыз* 'богатства (вин. п.)', *амаліос* 'методы', *Аслыскызіоссэ* 'Своих (вин. п.)', *ыџіосы* 'мои овцы'.

Еще один пример отклонения, внешне сходный с предыдущим, представляет собой словоформа *кылліоссэ* (16, 17) 'его слова', ср. правильный вариант *кыліоссэ* (21*4) и литер. *кылёссэ*. Возможно, здесь «незаконное» удвоение *л* — это своего рода «память» о сочетаниях, в которых /j/ полностью ассимилируется с предшествующим согласным, но более вероятно, что оно возникло как предвосхищение последующего двойного *сс*.

2.2. «Зоны нестандартности»

Перечислим еще раз все примеры, в которых для обозначения йотированного гласного вместо *і* аномальным образом используется *й*, расположив их в порядке следования от начала книги к ее концу:

макейос ‘что-то’ (6), *святойос* ‘святые’ (8), *святойослиц* ‘от святых’ (9), *Соие* ‘Его (вин. п.)’ (10), *атай-еныд* ‘твоим отцом’ (10), *анайедлиц* ‘у твоей матери’ (10), *макейослиц* ‘от чего-то’ (10), *шундыйез* ‘солнце (вин. п.)’ (10), *ужйос* ‘дела’ (49), *ужйосыз* ‘дела (вин. п.)’ (49), *сойослы* ‘им’ (52), *ужйос* ‘дела’ (52), *ужйос* ‘дела’ (53). Обращает на себя внимание тот факт, что абсолютно все эти примеры сконцентрированы на двух сравнительно небольших отрезках текста: на с. 6—10 и 49—53 (там и там — вперемежку с правильными написаниями через *i*).

Является ли третьей «зоной нестандартности» с. 20, неясно. С одной стороны, именно на этой странице встретились единственные на всю книгу написания с *ia*: *дыриад* ‘в то время, когда ты’, *изян* ‘урон, ущерб’. С другой стороны, эти два примера, вообще говоря, устроены неодинаково: для *дыриад* конкурирующим является написание *дыриад* (37, 52), для *изян* — написание *иззян* (58*4, 59*3) с ассимиляцией [з’j] > [з’з’].

2.3. Результаты

Результаты исследования графической системы памятника «*Зеч кыльёс*» удобно представить в виде таблицы 2 (написания с *й* на месте *i*, относящиеся к «зонам нестандартности», взяты в угловые скобки).

Таблица 2

	<u>я</u>	<u>е</u>	<u>о</u>	<u>ы</u>
a_	ая (2)	аie (16) ае (5) <айе (2)>	аio (11)	айы (11)
я_		яе (1)		
e_		ее (8)	еio (41) <ейо (2)>	ейы (40)
э_	эя (1) эя (1)	эie (3) эе (4)		эйы (1)
o_		oie (25) oe (4) <ойе (1)>	oio (22) <ойо (3)>	ойы (3)
ы_	ыя (3) ыя (1)	ыie (20) ые (2) <ыйе (1)>	ыio (2)	ыйы (2) ыы (5)
i_	ия (48) (?) ia (2)	ie (10)	io (> 100) <йо (4)>	ийы (6) йы (5)

2.4. Гипотеза о влиянии на «*Зеч кыльёс*» более раннего памятника

Картина, наблюдаемая в «*Зеч кыльёс*», очевидным образом непохожа на эффект нарастания ошибок от начала к концу текста, описанный, в частности, в [Зализняк 2008: 133—139]. Как кажется, она вообще едва ли может быть отнесена на счет исходной рукописи. Более вероятным представляется, что текст «*Зеч кыльёс*» диктовался наборщикам и подвергался последующей сверке.

Как уже говорилось выше, весьма правдоподобной кажется гипотеза о влиянии на «*Зеч кыльёс*» (1891) более раннего памятника «*Ўгет*» (1878; см. о нем, в частности, [Насибуллин 2008]). Как и «*Зеч кыльёс*», «*Ўгет*» представляет собой перевод на удмуртский язык русского текста «Наставления Христианского» св. Тихона Задонского, написанного предположительно в 1770-х гг. На первый взгляд, текст «*Зеч кыльёс*» в два раза превышает по объему текст «*Ўгет*» (63 vs. 30³ страниц), однако приблизительный подсчет знаков в обоих памятниках показывает, что в действительности более поздний текст длиннее более раннего всего лишь примерно на 10%. Разница в количестве страниц обусловлена, во-первых, разным форматом изданий, во-вторых, тем, что авторы «*Зеч кыльёс*» стремились, по-видимому, в большей степени приблизиться к русскому оригиналу, чем авторы «*Ўгет*», опускавшие при переводе некоторые фрагменты русского текста.

³ Объем «*Ўгет*» — 35 страниц, но последние пять страниц занимают тексты, не входящие в «Наставление...» св. Тихона.

Два памятника различаются и в языковом отношении. Как было показано в [Безенова 2016б], «Зеч кыльёс» написан на малмыжско-уржумском говоре, современным продолжением которого является шошминский говор. Диалектной основой «Ўгет», судя по устройству его вокалической системы, которая включает огубленный гласный верхнего подъема передне-среднего ряда y , может являться периферийно-южный диалект. Однако определить, какой именно из периферийно-южных говоров лег в основу «Ўгет», до проведения тщательного анализа графических и фонетико-морфологических особенностей языка памятника сложно.

Мы не беремся судить, что именно стало причиной появления «второй редакции» удмуртского текста (потребность в более точной передаче оригинала, необходимость перевода на другой диалект или нечто иное). Точно так же мы не можем знать наверняка, было ли переводов только два или существовали и другие, неизвестные на сегодняшний день удмуртские переложения «Наставления...». Однако можно с высокой долей уверенности предположить, что переводчики «Зеч кыльёс» были знакомы с работой своих предшественников и учитывали ее при подготовке нового издания.

3. Сочетания с йотированными гласными в памятнике «Ўгет»

3.1. Сочетания вида $/V_1jV_2/$

Система записи сочетаний с йотированными гласными в «Ўгет» значительно проще, чем в «Зеч кыльёс». Такие сочетания отображаются двумя способами — V_1jV_2 (йотовый способ) или V_1V_2 (безйотовый способ). Йотовый способ используется в том случае, если V_2 — не йотированная гласная (o или y), безйотовый способ — если V_2 — йотированная гласная (y или e). Таким образом, в обоих рассматриваемых нами памятниках в сочетаниях с не йотированной V_2 применяются йотовые способы записи — V_1jV_2 в «Ўгет», V_1jo и V_1jy в «Зеч кыльёс» (что вполне естественно), а в сочетаниях с йотированной V_2 в «Ўгет» (кроме четырех примеров, о которых см. ниже) представлены только безйотовые написания, тогда как в «Зеч кыльёс» абсолютно преобладают написания с i .

В таблице 3 представлены все обнаруженные нами сочетания вида $/V_1jV_2/$ с указанием, сколько раз данное сочетание встречается в памятнике.

Таблица 3

	_я	_е	_о	_ы
а_	ая (1)	ае (19) <айе (4)>	айо (15)	айы (22)
я_		яе (4)	яйо (1)	
е_		ее (21)	ейо (16)	ейы (7)
э_	эя (1)	эе (2)		
о_	оя (2)	ое (53)	ойо (34)	
ы_	ыя (2)	ые (4)	ыйо (4)	ыйы (6)
і_	ія (7)	іе (21)	іо (26)	
		+ ойё в <i>көйён</i> (12)		
		+ ыё в <i>интыё</i> (5)		

Как видно из таблицы, разные способы записи допускает только сочетание $a + e$. Приведем полный список словоформ с этим сочетанием:

айе

анайетлиц ‘у твоей матери’ 6, *Атайез* ‘его отец’ 20, *Атайезлы* ‘его отцу’ 25, *атайеныт* ‘твоим отцом’ 6

ае

багадаез ‘обещание (вин. п.); ‘его обещание’ 25*2, *балаез* ‘его горе’ 27, 28*2, *дөнңае* ‘в мир’ 8, 9, 14, 17, *дөнңаез* ‘мир (вин. п.)’ 16, 35, *казнаез* ‘его казна’ 14, *киңгае* ‘моя книга’ 11, *киңгаез* ‘его книга’ 5, 9, 11, *коркае* ‘мой дом’ 16, *коркаез* ‘его дом’ 9, 16

Очевидно, йотовый способ записи применяется только в тех случаях, когда согласный y входит в основу слова (ср. *атай* ‘отец’, *анай* ‘мать’). В прочих случаях используется безйотовая запись *ае*. Таким образом, в орфографии «Ўгет» основа слова сохраняется в неизменном виде.

3.2. Сочетания вида /CjV/

В отличие от памятника «Зеч кыльёс», в котором, напомним, сочетания вида /CjV/, /CijV/ и /CiV/ записываются единообразно (*CiV*), в графической системе «Ўгет» одинаково отображаются только сочетания вида /CijV/ и /CiV/. Для сочетаний вида /CjV/ используется один из следующих способов записи:

1) *CjV* — только если $V = o$ и только в случае показателя мн. ч. *-йос* (сочетаний вида *Cjo*, не привязанных к показателю *-йос*, нам не встретилось), ср. *алдаҕйос* ‘обманщики’ 25, *Египетйослиҕ* ‘от египтян’ 14, *кылчиҕйос* ‘ангелы’ 5 и т. д.

2) *CъV*, если V — йотированная гласная буква (*e* или *я*):

Cъe — в формах слова *муз* ‘земля’:

музьем ‘земля’ 26, *музьеме* ‘на землю’ 5, 7*2, 8, 13*2, 31, *музьемез* ‘его земля’ 8, *М/музьемиз* ‘земной’ 5*2, 17, *музьемын* ‘в земле’ 8*2, 11, 21, 22*4, 30

Ср. *музьэмын* ‘в земле’ 22 — единственный пример вида *Cъэ*. Вероятно, как и в «Зеч кыльёс...», буква *э* используется как вариант буквы *e*.

Cъя — в словах на *гожъя-*, *дыръя-*, а также в слове *изъян*:

гожъям ‘записанный’ 11, *дыръя* ‘во время; когда’ 5*2, 6*7, 7, 8, 11, 14, 17*3, 20, 21, 22*4, 25, 28, 30*3, 32, 34*2, *дыръям* ‘в то время, когда я’ 34, *дыръя* ‘во время; когда’ 5*3, 6*2, 16, 17, 19, 23, 25, 26, 28*2, 30*2, 34*2, *дыръяд* ‘в то время, когда ты’ 19, 25, *изъян* ‘урон, ущерб’ 10, 20

Ср. *ушьяҕкиҕ* ‘хвалящийся’ 20 — единственный пример вида *Cъя*.

3) *CъjV* — очень редко (3 примера), только если $V = o$ и только в показателе мн. ч. *-йос*. Для всех этих примеров есть дублиеты вида *Cjo*:

иманъйос ‘молитвы’ 9 (ср. *иманйос* ‘молитвы’ 9, 29),

кыльйос ‘слова’ 9 (ср. *кыльйос* ‘слова’ (титульный лист)),

ужъйосыз ‘их дела (вин. п.)’ 4 (ср. *ужйосыз* ‘дела (вин. п.)’ 4, 6, 12, 15*2, 17, 22*2).

Сочетания вида /CijV/ (ср. литер. *сиён* ‘пища, еда’) и вида /CiV/ (ср. литер. *кизилиос* ‘звезды’) отражаются как *CiV*, ср. *ҕион* ‘еда’ 8*2, 13, 34, *киҕилиос* ‘звезды’ 8.

4. Сравнение «зон нестандартности» в памятнике «Зеч кыльёс» с параллельными местами в памятнике «Ўгет»

4.1. «Зона нестандартности» на с. 6—10:

1) *макейос* ‘что-то’ («Зеч кыльёс», с. 6) = *арбери* ‘вещь’ («Ўгет», с. 5):

«Зеч кыльёс»: ...*сойын но Солы дуңҕейыҕ макейос одиг но кулэ бвёл* ‘и поэтому Ему что-либо из мира нисколько не нужно’

«Ўгет»: ...*дбнҕеиҕ арбери солы одик но кулэ бвёл*... ‘из мира вещь ему нисколько не нужна’

Возможно, *й* в *макейос* появился под влиянием двух предшествующих слов с «законным» *й* (*сойын*, *дуңҕейыҕ*).

2) *святойос* ‘святые’ («Зеч кыльёс», с. 8) = *святойос* («Ўгет», с. 5):

«Зеч кыльёс»: ...*Солэҕ ҕимзе кылчиҕҕёс но, святойос но курдаса гынэ бадзым каро*... ‘Его имя и ангелы, и святыи лишь со страхом восхваляют’

«Ўгет»: *солиҕ ҕимзе кылчиҕйос но святойос но курдаса бйдзым каро*... ‘его имя и ангелы, и святыи со страхом восхваляют’.

В данном случае у нас есть все основания предполагать графическое заимствование из более раннего памятника (в котором сочетание *ойо* было стандартным) в более поздний: как видно, удмуртские тексты здесь почти дословно совпадают и при этом достаточно сильно отходят от русского оригинала, ср. «...имя Бога, ⟨...⟩ Ангелам и святым душам досточтимое, любезное и сладкое...» [Наставление].

3) *святойослиҕ* ‘от святых’ («Зеч кыльёс», с. 9) = *изгиолиҕ* («Ўгет», с. 6)

«Зеч кыльёс»: *Иңмар туж лҕечлиҕ но лҕеч, святойослиҕ но мултэс святой*. ‘Бог — лучшее из лучшего, самый святой из святых’

«Ўгет»: *Иңмар жеслиҕно жес изгиолиҕ но изгио*. ‘Бог — лучшее из лучшего, святой из святых’.

4) *Сойе* ‘Его (вин. п.)’ («Зеч кыльёс», с. 10) = *сое* («Ўгет», с. 6),

атайеныд ‘твоим отцом’ («Зеч кыльёс», с. 10) = *атайеныт* («Ўгет», с. 6),

анайедлиҕ ‘у твоей матери’ («Зеч кыльёс», с. 10) = *анайетлиҕ* («Ўгет», с. 6)

«Зеч кылъёс»: ...*Соје атайеныд анайедлиç* но мултэс лараты... ‘Возлюби Его сильнее твоего отца и твоей матери’

«Ўгет»: ...*сое атайеныт анайетлиç* мултес лараты... ‘Возлюби его сильнее твоего отца, твоей матери’

В «Ўгет» слова *сое* ‘его’, *атайеныт* ‘твой отцом’, *анайетлиç* ‘у твоей матери’ написаны в соответствии с графической системой этого памятника (см. выше). По всей вероятности, нестандартные йотовые написания *атайеныд* и *анайедлиç* в «Зеч кылъёс» были заимствованы из «Ўгет». Что касается формы *Соје*, то не исключено, что наличие в ней *й* может быть обусловлено формами *атайеныт* и *анайетлиç*, непосредственно следующими за ней.

5) *макейослиç* ‘от чего-то’ («Зеч кылъёс», с. 10) — отсутствует в параллельном месте «Ўгет».

«Зеч кылъёс»: *Иңмарлэн кылдытэм макейосыз ваңмызык лжечес; ваңмызлиç* но мултэс лжеч *Иңмар Ачыз, Солэн лжечлыгез ваң макейослиç* но мултэс ‘У Бога все созданные им существа (*макейосыз*) хороши; и гораздо лучше всех Сам Бог, и Его доброта превосходит [доброту] всех существ (*макейослиç*)’

«Ўгет»: *Иңмар лестем макейос ваңмыз но жес; тек ваң макелиç* но жес *Иңмар, Иңмарлен жеслыгез ваңмызлиç* но мултес (7-8) ‘И все те, что (*макейос*) созданы Богом, хороши; и лучше всех их (*макелиç*) Бог, доброта Бога превосходит [доброту] всех’

В приведенном фрагменте «Зеч кылъёс» содержатся две формы слова *маке* ‘существо; что-то’ — (1) правильно написанная словоформа *макейосыз*, соответствующая в «Ўгет» также правильно написанной форме *макейос* ‘что-то (мн. ч. им. п.)’, и (2) словоформа *макейослиç*, написанная с *й* на месте ожидаемого *и* и отсутствующая в «Ўгет».

6) *шундыйез* ‘солнце (вин. п.)’ («Зеч кылъёс», с. 10) — отсутствует в параллельном месте «Ўгет».

...*тыныд дугыт қариç шундыйез, толэжес, кижиліосыз алжыскод, тонэ шунтыса улиç, шыддэ няңдэ пыжыса пöстыса улиç тылэз алжыскод*... ‘делающие тебе светло солнце, луну, звезды видишь, тебя согревающий, твой суп, твой хлеб пекущий и варящий свет видишь’

Здесь переводчики «Зеч кылъёс» точнее следовали оригиналу, чем переводчики «Ўгет», по неизвестным причинам оставившие этот фрагмент без перевода, ср. «...видишь солнце, луну и звезды Его, которые тебе светят; видишь огонь, который согревает тебя и варит тебе пищу...» [Наставление].

4.2. «Зона нестандартности» на с. 49—53:

7) *ужйос* ‘дела’ («Зеч кылъёс», с. 49), *ужйосыз* ‘дела (вин. п.)’ («Зеч кылъёс», с. 49) — соответствующие формы с последовательностью /V₁jV₂/ отсутствуют в параллельном месте «Ўгет».

«Зеч кылъёс»: ...*ачымелы лжеч ужйос ужаны кулэ; лжеч ужйосыз туж өжыт ужаçкомы*... ‘нам хорошие дела делать нужно; хорошие дела очень мало делаем’

«Ўгет»: ...*жес уж ужаны кулэ, ужаломы*... ‘хорошее дело делать нужно, будем работать’

Слово *уж* ‘дело’ представлено в «Ўгет» в ед. ч., а в параллельном месте «Зеч кылъёс» — во мн. ч. (*ужйос*). Небольшой фрагмент с формой *ужйосыз* (*лжеч ужйосыз туж өжыт ужаçкомы* ‘хорошие дела очень мало делаем’) не находит соответствия не только в «Ўгет», но и в оригинале, ср. «Мы непременно должны добрые дела творить, будучи христианами, но спасения должны от единого Христа просить и ожидать» [Наставление].

8) *сойослы* ‘им’ («Зеч кылъёс», с. 52) = *çойослиç* («Ўгет», с. 25)

«Зеч кылъёс»: ...*сойослы Христослэн судит кароназ туж чурит курдан луоз*... ‘им в совершении Христова суда очень твердый страх будет’

«Ўгет»: *çойослиç Христослэн текшыроназ туж чурит луаçкоз*... ‘С них на Христовом суде очень твердо спросится’

9) *ужйос* ‘дела’ («Зеч кылъёс», с. 52) = *ужйос* («Ўгет», с. 25)

«Зеч кылъёс»: ...*лжеч ужйос ужаса улод* ‘Хорошие дела делая, будешь жить’

«Ўгет»: ...*жес ужйос лестыса улод* тж.

Как и в случае *святойос* ‘святые’ на с. 8 «Зеч кылъёс», здесь можно предполагать, что написание через *й* и слова *сойослы*, и слова *ужйос* было заимствовано из «Ўгет».

10) *ужйос* ‘дела’ («Зеч кылъёс», с. 53) — отсутствует в параллельном месте «Ўгет».

«Зеч кылъёс»: ...*лжеч ужйос ужаса улыны кучкы*... ‘Хорошие дела делая, жить начни’

«Ўгет»: ...*жес улыны куçкы* ‘хорошо жить начни’.

4.3. Итоги сравнения

Выше мы отмечали случаи, когда нестандартные написания с *й* в «Зеч кыльёс», скорее всего, были заимствованы из «Ўгет» (*святойос, атайеныд анайедлиц, сойослы, ужйос* (с. 52)), и случаи, когда графические отклонения могли быть обусловлены ближайшим контекстом (*макейос, сойе*). Однако иногда причина нестандартных написаний не столь очевидна. Так, слова *святойослиц, макейослиц* и *шундыйез* (первая «зона нестандартности»), а также *ужйос* (с. 49, 53) и *ужйосыз* (вторая «зона нестандартности») не имеют аналогов в параллельных местах «Ўгет». Тем не менее, заслуживает внимания то обстоятельство, что 11 отклоняющихся примеров из 13 следуют орфографической системе «Ўгет». Основываясь на этом, мы можем предложить следующее (безусловно, на данный момент сугубо гипотетическое) объяснение: вероятно, существовал «черновой» текст «Зеч кыльёс», в значительной мере наследовавший графические особенности «Ўгет», но исправленный в соответствии с требованиями той графической системы, которая предстает перед нами в «чистовом» варианте издания 1891 г. По какой-то причине с. 6—10 и с. 49—53 подверглись менее тщательной правке, чем большая часть памятника, однако и не остались вовсе без редактуры: так, во второй «зоне нестандартности» наряду с вариантом *ужйос* (предположительно исходным) встречается и «законный» вариант *ужіос* (с. 49, 51).

5. Заключение

Анализ сочетаний с йотированными гласными в удмуртском памятнике «Зеч кыльёс» дает все основания полагать, что, решая вопросы графической передачи удмуртских словоформ, создатели этого памятника следовали очень сложной и при этом в целом достаточно строгой системе правил и ограничений. Какое-то количество отклонений от этой системы, по-видимому, должно было появиться в тексте уже просто в силу ее сложности. Однако выявление в «Зеч кыльёс» двух «зон нестандартности», на которые приходится большая часть таких отклонений, и сравнение отмеченных в этих зонах «неправильных» написаний с написаниями, представленными в более раннем памятнике «Ўгет», позволяют предположить, что по крайней мере одним из возмущающих факторов, приведших к некоторой непоследовательности в выборе между графемами *i* и *й*, было влияние графической системы более раннего памятника на позднейший.

Сокращения

С — согласный звук (согласная буква)	ед. ч. — единственное число
V — гласный звук (гласная буква)	им. п. — именительный падеж
V _ј — йотированная гласная буква	мн. ч. — множественное число
вин. п. — винительный падеж	литер. — литературный удмуртский

Литература

Безенова 2016а — *Безенова М. П.* «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»): графические и вокалические особенности // Урало-алтайские исследования. 2016, 1 (20). С. 7—40. {*Bezenova M. P.* The Udmurt written monument “Christian admonition of Saint Tikhon in the Votyak language” of 1891 («Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»): graphic and vocalic features // *Ural-Altai studies*. 2016, 1 (20). P. 7—40.}

Безенова 2016б — *Безенова М. П.* «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»): особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. 2016, 3 (22). С. 46—63. {*Bezenova M. P.* The Udmurt written monument “Christian admonition of Saint Tikhon in the Votyak language” of 1891 («Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»): consonant features // *Ural-Altai studies*. 2016, 3 (22). P. 46—63.}

Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М., 2008. {*Zaliznyak A. A.* The Tale of Igor’s Campaign: A Linguist’s Perspective. 3rd ed. M., 2008.}

Насибуллин 2008 — *Насибуллин Р. Ш.* Грецизмы удмуртского языка: индекс письменных памятников // Удмуртский научно-культурный информационный портал «Удмуртология», www.udmurt.info, 2008. {*Nasibullin R. Sh.* Graecisms in Udmurt: A Written Monuments Index // Udmurt Scientific and Cultural Information Portal, www.udmurt.info, 2008.}

Наставление — Святитель Тихон Задонский. Наставление христианское // Православная энциклопедия «Азбука веры», https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/nastavlenie-hristianskoe, 2019. {Saint Tikhon of Zadonsk. Christian

admonition // Orthodox encyclopedia “ABC-book of faith”, https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/nastavlenie-hristianskoe, 2019.}

Ўгет 1878 — Ўгет. Святой Тихон дышетем жеҥ кылйос. Наставление христианское св. Тихона. Казань, 1878. {Christian admonition of Saint Tikhon. Kazan, 1878.}

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена проблеме отражения йотированных гласных в удмуртском памятнике «Зеч кылёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кылёсыз. Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891 г.). Подробно рассматривается распределение трех способов записи сочетаний с йотированными гласными, представленных в тексте памятника, — в виде V_1iV_2 , $V_1\ddot{u}V_2$ и V_1V_2 . Показано, что все случаи использования графемы $\ddot{u}$ на месте ожидаемого i приходятся на две небольшие «зоны нестандартности», первая из которых охватывает с. 6—10, вторая — с. 49—53. Выдвигается предположение о том, что отклоняющиеся написания отдельных слов в этих зонах обусловлены влиянием более раннего памятника «Ўгет Святой Тихон дышетэм зеч кылёс. Наставление христианское св. Тихона» (1878 г.), представляющего собой перевод того же русского текста, что и «Зеч кылёс», на другой удмуртский говор. Для проверки этой гипотезы изучаются правила отражения сочетаний с йотированными гласными в памятнике «Ўгет» и производится сравнение написаний, встретившихся в «зонах нестандартности» в памятнике «Зеч кылёс», с параллельными местами в «Ўгет». По результатам предпринятого исследования делается вывод о том, что графическая система «Зеч кылёс» является в целом более упорядоченной, чем предполагалось ранее.

SUMMARY

The article is dedicated to the problem of the reflection of iotated vowels in the Udmurt monument “Christian admonition of Saint Tikhon in the Votyak language” (1891). We consider in detail the distribution of the three ways of recording combinations with the iotated vowels presented in the text of the monument — as V_1iV_2 , $V_1\ddot{u}V_2$, and V_1V_2 . It is shown that all the usages of the grapheme $\ddot{u}$ in the place of expected i fall into two small “non-standard zones”, the first one covers p. 6—10, the second one — p. 49—53. We assume that the deviating spellings of some words in these zones were influenced by an earlier monument “Christian admonition of Saint Tikhon” (1878), the translation of the same Russian text into another Udmurt dialect. To check this hypothesis, we study rules of reflection of iotated vowels in the monument of 1878 and compare the spellings in the “non-standard zones” in “Christian admonition...” of 1891 with parallel places of the earlier monument. The analysis allows to conclude that the graphical system of the “Christian admonition ...” (1891) is generally more orderly than previously thought.

Ключевые слова: памятники удмуртского языка, графическая система, нестандартные написания, йотированные гласные

Keywords: monuments of the Udmurt language, graphic system, non-standard spellings, iotated vowels

Безенова Мария Петровна, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск); Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

María P. Bezenova, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk); Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); mary_kaj@mail.ru

Иткин Илья Борисович, Институт востоковедения РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Ilya B. Itkin, Institute of Oriental Studies, RAS; National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Переверзева Светлана Игоревна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); P_Sveta@hotmail.com

Svetlana I. Pereverzeva, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); P_Sveta@hotmail.com

Comparison constructions in Nenets: about a language that has degrees and also uses them

1. Introduction

Data from original fieldwork on Tundra Nenets, an underrepresented Samoyedic language from the Uralic language family, shows that this language has developed a grammar that integrates degrees into its semantics. This paper provides data on Nenets comparison constructions from original fieldwork and uses what is called the ‘standard degree approach’ (cf. e.g., [von Stechow 1984; Heim 1985, 2001; Beck 2011]) in formal semantic theory to analyze the data. As far as we can see, no systematic description or analysis of Nenets comparison constructions exists so far. Language-specific grammars such as [Décsy 1966; Терещенко 1947; Nikolaeva 2014], among others, provide grammatical information on different aspects of comparison constructions, however, a detailed and complete account is missing. This paper sets out to fill this gap. The paper is structured as follows: section 2 lays out the theoretical background, namely the ‘standard approach’ to degree semantics and the cross-linguistic parameters of variation in degree constructions by Beck et al. [Beck et al. 2009]. Section 3 briefly addresses the fieldwork methodology that has been applied. The quintessence of the paper is found in section 4 in which contemporary comparison in Nenets is discussed by first briefly addressing the role of the suffix *-rka* in comparisons in 4.1. In subsection 4.2, we analyze the marking of comparatives standard in Nenets, and finally we discuss how Nenets fits into the cross-linguistic picture from Beck et al. [Beck et al. 2009] in subsection 4.3. Section 5 deals with a diachronic question related to an interesting data point collected during my fieldwork. Section 6 concludes the paper.

2. Theoretical background

2.1. Degree semantics

Proponents of the ‘standard approach’ assume degrees to be primitives in the semantic ontology. They can be considered as being reconstructed from equivalence classes of individuals [Cresswell 1976] according to the intuition that degrees are points on a scale. A new semantic type is introduced for degrees, namely *d*. It represents an abstract element on an ordered scale of degrees.

I will introduce the terminology and the important ingredients of the degree analysis with the help of the example in (1), while keeping the technical details to a minimum.

(1) *Masha is taller than Vanja.*

(1) is an example of a predicative comparative. In (1), ‘Vanja’ is the so-called **standard** of comparison. In English, this corresponds to everything that follows the *than*-phrase. ‘Masha’ is what I will refer to as the **associate** of comparison. The following ingredients are crucial to the ‘standard’ analysis of comparatives.

Ingredient 1: The dimension. The dimension is expressed by the gradable adjective, in our example (1) it is the adjective *tall*. In English, it is the gradable adjective that introduces the degree into the semantics. The basic meaning of the gradable predicate is that it relates individuals to sets of degrees. The semantic type of the gradable predicate is $\langle d, \langle e, t \rangle \rangle$. In (2), a lexical entry for the gradable adjective ‘tall’ is provided with the paraphrase of the meaning in prose underneath.

(2) $[[\textit{tall}]]$ = $\lambda d_d. \lambda x_e. \text{HEIGHT}(x) \geq d$
       = $\lambda d_d. \lambda x_e. x \text{ is } d\text{-tall}$ (simplified version)

In prose: The adjective *tall* takes a degree argument (type *d*) and an individual argument (type *e*) and relates the individual via the ‘greater than or equal to’-relation with sets of degrees, in this case the degrees of height that the individual reaches.

Note that in (2), ‘HEIGHT’ is a measure function of type $\langle e, d \rangle$. The task of the measure function is to assign a unique degree to an individual. Other examples of measure functions are:

- (3) a. $[[\textit{WEIGHT}]] = \lambda x_e. x$'s weight
 b. $[[\textit{STRENGTH}]] = \lambda x_e. x$'s strength

The lexical entry for the gradable adjective given in (2) is the semantics of the unmarked form of the adjective, not the positive form as in ‘Tom is tall’. The latter has been subject to much debate in the literature and is not investigated in this paper. We refer the interested reader to Bierwisch [Bierwisch 1989], Kennedy [Kennedy 2001] and von Stechow [von Stechow 1984].

Ingredient 2: Degree operators. The second “ingredient” of the standard degree framework are degree operators. In languages like English, German, Russian, these operators have a morphological reflex, i.e., they are expressed by degree morphology on the gradable adjective. A lexical entry of a degree operator is illustrated in (4). It is a phrasal comparative operator going back to [Heim 1985], i.e., an operator that works with phrasal standards of comparison (type *e* standards). In section 4.2 we will show that Nenets only has phrasal standards of comparison. This is why the illustration of just the phrasal comparative operator in (4) will suffice for the purposes of this paper. What this operator essentially does is take an individual (represented by ‘ λy_e ’) which is our standard of comparison, namely ‘Vanja’, a relation (represented by $\lambda R_{\langle d, \langle e, t \rangle \rangle}$) denoted by the gradable adjective ‘tall’ in our example, and yet another individual (represented by ‘ λx_e ’) which will turn out to be the associate of the comparison, namely ‘Masha’. It relates the associate and the standard to each other via the ‘greater than’-relation (represented by the greater sign ‘>’).

- (4) $[[-er_{\text{Heim}(1985)}]] = \lambda y_e. \lambda R_{\langle d, \langle e, t \rangle \rangle}. \lambda x_e. \text{MAX}(\lambda d. R(d)(x)) > \text{MAX}(\lambda d'. R(d')(y))$

The reader might wonder at this point what the operator MAX stands for. It is the maximality operator and its job is to pick the maximal degree from a given set of degrees. A formalized version is in (5).

- (5) $\text{MAX}(P) = \text{id}: P(d) = 1 \ \& \ \forall d' [P(d')=1 \rightarrow d' \leq d]$ (from [Beck 2011: 1344])

In prose: The maximality operator MAX takes a set (P) as its argument, picks out the unique degree *d* of which the predicate is true and states that for all other degrees *d'* of which the predicate is true, *d'* will be smaller than or equal to *d*.

Ingredient 3: Two individuals. In our example, the two individuals are represented by the associate and the standard of comparison, i.e., ‘Masha’ and ‘Vanja’. However, note that, for instance, in English, the standard of comparison can be clausal, i.e., the preposition *than* can be followed by a whole clause as in (6).

- (6) a. *It is sunnier today than [it was yesterday].*
 b. *Sonja is taller than [Fedja was at her age].*
 c. *Today it is warmer than [I thought].*

In this case, a different comparison operator is needed to analyze the sentence, namely the clausal one in (7):

- (7) $[[-er_{\text{clausal}}]] = \lambda D'_{\langle d, t \rangle}. \lambda D_{\langle d, t \rangle}. \text{MAX}(D) > \text{MAX}(D')$

The comparison operator in (7) differs from the one in (4) in that the former takes two sets of degrees (not individuals!) and, with the help of MAX relates the maximum degree provided by the matrix clause to the maximal degree provided by the standard clause. The distinction between the phrasal and the clausal status of the standard is a complex one (cf. [Berezovskaya 2019] for an in-depth discussion). For English, for instance, the syntactic status of the comparative standard has been discussed in [Hankamer 1973; Lechner 2001, 2004; Bhatt, Takahashi 2011; Beck, Hohaus, Tiemann 2012]. A thorough discussion is beyond the scope of the present paper. As will become clear in section 4, Tundra Nenets is a language that does not have clausal standards, i.e., the degree operator in (7) will not be needed. Instead, we will make use of the phrasal degree operator in (4).

Having now introduced the theoretical basis of degree semantics, we can proceed to look at formal semantic research on comparison constructions cross-linguistically. This will enable us to locate Nenets on the cross-linguistic map.

2.2. Comparison constructions cross-linguistically

The cross-linguistic investigation of comparison constructions is a thriving field in generative grammar. To date a large body of work has evolved dedicated to the topic. A crucial early contribution is Stassen’s (1985) “Comparison and Universal Grammar” [Stassen 1985]. Further typological studies include [Ultan 1972] and [Bobaljik 2012]. These studies concentrate on the morpho-syntactic characteristics of comparison constructions, predicates and gradability in the world’s languages.

However, it is only recently that researchers have started to look at the topic from a formal theoretical perspective. A major contribution to this has been provided by Beck et al. [Beck et al. 2009]. The authors have investigated 17 languages from different language families, some of them underrepresented in formal semantic literature. Beck et al. [Beck et al. 2009] identified three dependent parameters in the grammar of degree constructions that I will address below.

There is a growing body of work on degree constructions in individual (some of them underrepresented) languages within a formal theoretical framework: among others, there is work by Galant [Galant 1998] on Spanish and San Lucas Quiaviní Zapotec, by Pearson [Pearson 2010] on Fijian, by Hohaus [Hohaus 2010, 2012, 2015] on Samoan, by Bochnak [Bochnak 2013] on Washo, by Bogal-Albritten [Bogal-Albritten 2013] on Navajo, by Howell [Howell 2013] on Yoruba, by Berezovskaya [Berezovskaya 2014] and Berezovskaya & Hohaus [Berezovskaya, Hohaus 2015] on Russian, by Bowler [Bowler 2016] on Warlpiri, by Kapitonov [Kapitonov, to appear] on Kunbarlang and many more. This paper seeks to contribute Tundra Nenets to the cross-linguistic picture.

Coming back to [Beck et al. 2009], the authors identified three dependent parameters in the grammar of degree constructions based on data from 17 languages. These parameters help in determining in how far a language has developed a grammar of degrees. The parameters are illustrated below:

Degree Semantics Parameter (DSP):

A language {has}/ {does not have} gradable adjectives (of the semantic type $\langle d, \langle e, t \rangle \rangle$ and related).

Example: Are there predicates such as $[[tall]] = \lambda d. \lambda x. HEIGHT(x) \geq d$ in the language that introduce a degree into the semantics?

Degree Abstraction Parameter (DAP), cf. [Beck, Oda, Sugisaki 2004]:

A language {has}/ {does not have} binding of degree variables in the syntax.

Example: Is there a Logical Form (henceforth LF) with the following constellation (a degree quantifier that has moved)?

$[_{DegP}^1 \langle \langle d, t \rangle, t \rangle [\lambda d [\dots t_d \dots]]]$

Degree Phrase Parameter (DegPP):

A language {can}/ {cannot} overtly fill the degree argument position of a gradable predicate.

Figure 1 illustrates the languages investigated by Beck et al. [Beck et al. 2009], as well as the diagnostics for every parameter, respectively, and the dependencies between the parameters.

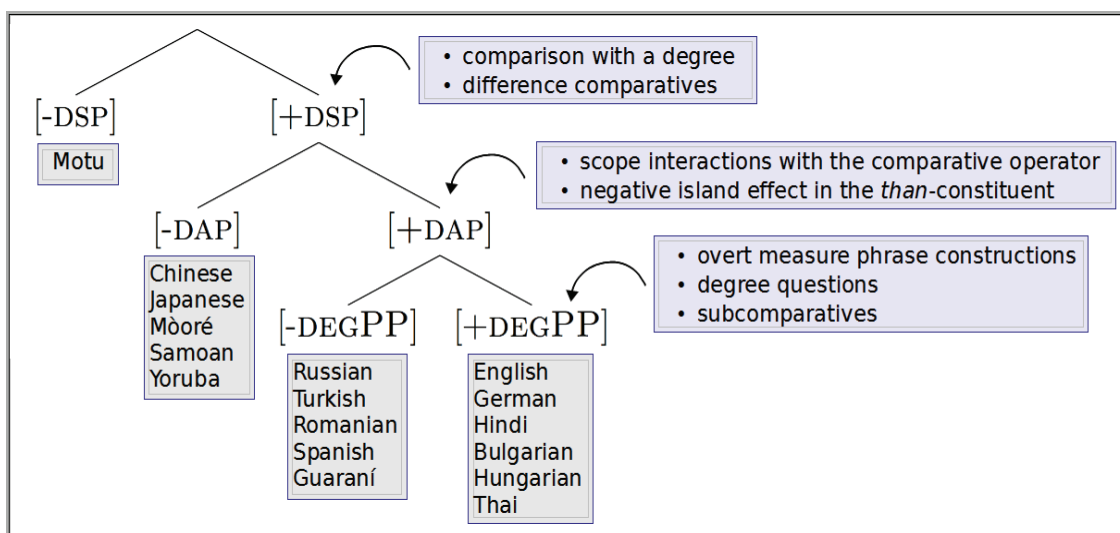

Figure 1. Parameters of Variation [Hohaus 2010: 67]

The examination of the collected data yielded very clear and *prima facie* quite unexpected clusters. The following cluster patterns were found for the 17 languages: DiffC (Differential Comparative) and CompDeg (Comparison with a Degree) clustered together, Scope Interaction (Scope) and Negative Island Effects (NegIs)

¹ DegP stands for Degree Phrase that is headed by Deg that carries the respective comparative operator.

clustered together where they were applicable. Degree Questions (DegQ), Measure Phrases (MPs) and Subcomparatives (SubC) also generally clustered together, where applicable. Besides, the following dependencies were found: only languages that have a degree ontology in place display degree abstraction, i.e. only if the setting of the first parameter is [+DSP] do we need to look into the setting of the DAP. If the setting is [-DSP], it will also be [-DAP]. Also, DegPs can only occur if the language allows degree abstraction, i.e. has the setting [+DAP].²

The constructions that clustered together in the Beck et al. study [Beck et al. 2009] can be considered diagnostics for the relevant parameter setting: comparisons with a degree (CompDeg) and difference comparisons (DiffC) serve as diagnostics for the setting of the DSP-parameter. The relevant examples are given in (8-a) and (9-a) with the LF sketched in b.³ and the paraphrased truth conditions in c.

- (8) a. *Olga is taller than 1,60m.* —COMPARISON WITH A DEGREE (COMPDEG)—
 b. [_{IP} [DegP _{er}_{clausal} than 1,60m] [_(d,t) 1 [Olga is _{t_{1,d}}-tall]]]⁴
 c. The maximal height degree that Olga reaches exceeds 1,60m.
- (9) a. *Olga is 2cm taller than Tanja.* —DIFFERENTIAL COMPARATIVE (DIFFC)—
 b. [_{IP} [DegP [_(d,t) [2cm] [-er_{clausal} [than how₁ [Tanja is _{t_{1,d}}-tall]]]]] [_(d,t) 2 [Olga is _{t_{2,d}}-tall]]]⁵
 c. The maximal degree of height that Olga reaches is 2cm plus the maximal degree of height that Tanja reaches.

The DSP boils down to the question of whether or not the language has degree-introducing expressions and thus also degrees in the grammar. Note that the morpho-syntactic realization of the comparative in the form of a comparative suffix, for instance, does not, on its own, determine the parameter setting of the parameter in question. The crucial diagnostics here are DiffCs since only in languages that allow differential measure phrases like *2cm* in (9) can the delineation analysis that does not use degrees in the semantic ontology (cf. [Klein 1980, 1982]) be excluded (cf. [Hohaus, Bochnak, to appear]) for discussion and illustration of this problem). Importantly, for Nenets we will see in subsection 4.3 that DiffCs exist.

Beck et al. [Beck et al. 2009] further suggest that languages systematically vary in that they either do or do not allow the degree argument position to be overtly filled, i.e. in the setting of the DegPP-parameter. Pronominal Measure Phrases (PMPs) are a good example of the degree argument slot being overtly filled:

- (10) (Accompanied by a gesture showing the size of the bird)
The reindeer was this big. —PRONOMINAL MEASURE PHRASE—
 The reindeer was [_{AP} [DegP this] [_A big]]

In (10), the deictic *this* overtly fills the Spec,AP position. The diagnostics from Beck et al. [Beck et al. 2009] in order to determine the setting of the DegPP are in (11)–(13). The surface structure of each construction is in b., the LF is in c. and the paraphrase of the truth conditions is in d. for each example, respectively.

- (11) a. *Petja is exactly 1,80m tall.* —MEASURE PHRASE (MP)—
 b. [Petja is [_{AP} [exactly 1,80m] [_A tall]]]
 c. The maximal height degree that Petja reaches is 1,80m.
- (12) a. *How tall is Petja?* —DEGREE QUESTION (DEGQ)—
 b. [_{CP} [_{AP} How [_A tall]]]₁ is₂ Petja _{t₂} _{t₁}
 c. For which degree *d*: Petja is *d*-tall?
- (13) a. *The bridge is higher than the pole is long.* —SUBCOMPARATIVE (SUBC)—
 b. The bridge is higher [than [how₁ [_{IP} the pole is [_{AP} _{t₁} [_A long]]]]].
 c. The maximal degree of height that the bridge reaches exceeds the maximal degree of length that the pole reaches.

² The dependency between DAP and DegPP has been, however, contested by Beck, Hohaus and Tiemann [Beck, Hohaus, Tiemann 2012] based on the existence of pronominal measure phrases (pronominal MPs), for example in Mandarin Chinese. Different from explicit MPs, pronominal MPs do not require a [+DAP] setting. Therefore, in Chinese the parameter setting is [+/-+] suggesting that the DegPP can no longer be seen as semantically dependent on the [+DAP]-setting.

³ Explanation of syntactic phrases: CP = Complementizer Phrase, IP = Inflectional Phrase, AP = Adjectival Phrase, DegP = Degree Phrase.

⁴ I work within the compositional framework of [Heim, Kratzer 1998] that uses lambda abstraction and rules of composition such as Predicate Abstraction, Functional Application and Predicate Modification.

⁵ The composition in the *than*-clause here requires a slightly modified degree operator in order to account for the differential degree. See [Beck 2011] for discussion and further references. I leave this issue aside since it is not of importance for the present paper.

English has MPs, DegQs and SubCs. Therefore, the Spec,AP is filled in every case, by a measure phrase in (11), by a *wh*-word *how* in (12) and by a trace in (13) (cf. elements in bold in b.). Thus, English has the positive setting of the DegPP parameter. In subsection 4.3, we will see that Nenets has the negative setting of this parameter, just as many other languages in the sample of Beck et al. [Beck et al. 2009], as can also be seen in Figure 1.

Finally, Beck, Oda & Sugisaki [Beck, Oda, Sugisaki 2004], as well as Beck et al. [Beck et al. 2009] suggest that languages can also vary with respect to quantification, i.e. abstraction, over the degree argument. In (12), we already see an example of abstraction assuming a quantificational analysis of question words. The two diagnostics from Beck et al. [Beck et al. 2009] that I will briefly illustrate here are scope interactions (Scope) and negative island effects (NegIs). A detailed discussion of scope ambiguities can be found in [Heim 2001]. She explores the idea that degree operators are genuine quantifiers which can undergo Quantifier Raising (henceforth QR), as well as interact with other scope-bearing elements, for example with modals like ‘require’, cf. (14).

(14) (**Context:** The draft is ten pages long.) [Heim 2001: 224, ex. (28)]

The paper is required to be exactly five pages longer than that.

Reading (a): sketched LF: required [[exactly 5 pp -er than that] [1 the paper be $t_{1,d}$ -long]]

Truth conditions: $\forall w \in \text{Acc} \rightarrow \text{MAX}(\lambda d. \text{the paper is } d\text{-long in } w) = 15\text{pp}$

In prose: The paper is exactly 15 pages long in every acceptable world (which means it is not allowed to be longer than 15 pages).

Reading (b): sketched LF: [exactly 5 pp -er than that] [1 required [the paper be $t_{1,d}$ -long]]

Truth conditions: $\text{MAX}(\lambda d. \forall w \in \text{Acc} \rightarrow \text{the paper is } d\text{-long in } w) = 15\text{pp}$

In prose: The paper is exactly 15 pages long in those acceptable worlds where it is shortest (leaving it open that it might also be allowed to be longer than that).

—MINIMUM REQUIREMENT READING—

In reading (a) the degree phrase (DegP) takes narrow scope with respect to the necessity operator, whereas in reading (b), the DegP takes wide scope with respect to the necessity operator. The latter reading is sometimes referred to as the “minimum requirement reading”. Predicate Abstraction created by QR is what is needed in order to account for these scope ambiguities under the degree analysis. Therefore, if a language shows such scope ambiguities, there is reason to assume that there is abstraction over degrees and thus the [DAP]-parameter should be set to positive. This is the case in English, for instance.

A point of grammatical variation is derived from examples like (15) where for English we find a negative island effect, whereas, for instance, in Japanese this construction is judged grammatical (cf. [Beck et al. 2009: 11] for the relevant data point on Japanese). NegIs arises, when a negative element appears in the *than*-clause:

(15) **Mary bought a more expensive book than nobody did.*

According to von Stechow [von Stechow 1984] and Rullmann [Rullmann 1995], who provide a semantic explanation for NegIs, the ungrammaticality is due to the fact that the maximum degree of the *than*-clause in (15) is undefined resulting in the unacceptability of the whole sentence:

(16) nobody bought a *d*-expensive book (the maximum is undefined!)

In Japanese, this sentence is judged grammatical, because the *than*-clause does not describe sets of degrees, but rather sets of individuals, according to [Beck, Oda, Sugisaki 2004]. Importantly, in order to be able to test NegIs, there have to be clausal standards of comparison. Unless this prerequisite is met, this diagnostics is not applicable. The presence of degree abstraction as illustrated with the help of the example in (14) and the existence of the Negative Island Effect in English shows a positive setting of the DAP-parameter. As a result, English has the positive setting of all three parameters presented above, i.e. [+DSP], [+DAP], [+DegPP].

I will come back to the diagnostics presented here in subsection 4.3 when discussing their application to Nenets.

3. Fieldwork methodology

In this section, I will briefly address the methodology, provide details about my fieldwork and explain the annotation convention used.

The general elicitation techniques that were used are corpus examples, translation tasks, and acceptability judgment tasks as described in [Matthewson 2004, 2011; Bowerman 2008; Chelliah, de Reuse 2011]. These techniques can be considered the “gold standard” in theoretically motivated linguistic fieldwork. An extremely im-

portant and powerful tool for semantic data elicitation is acceptability judgment tasks. They enable researchers interested in semantics to get to the actual meaning of a certain construction. For these, a sentence is presented in a certain context. Then, the language informant is asked to evaluate the acceptability of the sentence in the context. Acceptability rating scales can be used additionally to get more fine-grained results. The context can, for instance, facilitate a certain reading of the sentence ensuring that a specific meaning is being conveyed. Picture contexts and storyboards can also be of great use, for example in combination with an acceptability judgment task. Methodological work specifically on the topic of elicitation of gradable predicates, comparison and degree constructions can be found in [Bochnak, Bogal-Albritten 2015].

The data presented in this paper were gathered in the course of four fieldwork trips from February 2014 to September 2016. The loci of my fieldwork trips were Archangelsk, Saint-Petersburg (where I worked with Nenets native speakers studying at the Herzen University), Narjan Mar and the village Krasnoje in the Nenets Autonomous Okrug, all in the Russian Federation.

In total, I have worked with 19 informants during different stages of the project. The informants were predominantly female (17 female and 2 male informants) their ages ranging between 19-77 years (mean age: 44 years). All my informants speak both Nenets and Russian. Some of them were only exposed to Russian after the age of six. The informants come from different regions and thus speak different (sub)dialects: in Narjan Mar and Archangelsk my language consultants spoke the dialects of Bol'shaya Zemlya and Malaya Zemlya, but also the dialects of the Kanin Peninsula and the Kolguyev Island. My student consultants from Saint-Petersburg were mainly representatives of the Yamal dialect. The productive strategy of building comparatives (by ablative marking of the standard and the optional addition of the suffix *-rka*) is present in all (sub)dialects. There were no grammatical differences between the (sub)dialects concerning this productive strategy of forming comparatives. Therefore, dialectal variation is neglected in the present paper. In my examples I mostly standardize the dialectal forms so that the written norm is usually chosen over the dialectal one. Importantly, I am interested in spoken Nenets as used in natural speech by my informants and not in some formal standard.

Concerning the annotation convention: the sign key I am using for glossing is added in the appendix of this paper for the reader's convenience.

4. Comparisons in contemporary Tundra Nenets

As previously mentioned, theoretical work and a systematic overview of the topic of Nenets comparison constructions is missing from the literature so far. When consulting [Castrén 1854], the reader will find a paragraph on comparisons. Castrén [Castrén 1854] reports that originally, any kinds of comparison degrees (“Comparationsgrade”, p. 187) were missing in Yurak Samoyed. I present the full citation in the following:

Comparationsgrade fehlen ursprünglich in allen Sprachen Finnischer und Tatarischer Abstammung. Einige unter ihnen haben jedoch nach und nach sowohl einen Comparativ als Superlativ entwickelt, während andere keine besondere Formen für diese Grade haben. Unter den Samojedischen Sprachen bildet keine einzige regelmässige Comparationsgrade, sondern diese werden hier wie in den meisten Finnischen und Tatarischen Sprachen theils durch einen Casus, theils durch Partikeln, theils auch durch Deminutivformen der Adjektive ausgedrückt [Castrén 1854/1966:187—188]⁶.

The question is how to interpret the term “Comparationsgrade” that Castrén uses. Judging from the whole quote, he believes that Nenets does not have the strategy of building comparatives and superlatives morphologically by using dedicated morphemes like, e.g., many Indo-European languages. That is why it is also important to determine what we mean when we talk about a language being able to integrate degrees into the grammar.

Integrating Degrees into the Semantics. Let us now first establish whether Tundra Nenets is plausibly a language that integrates degrees in its semantics. What it means for a language to integrate degrees into the grammar more concretely is to have gradable predicates of the following type:

(17) $[[\textit{tall}]]$ = $\lambda d.\lambda x.\text{HEIGHT}(x) \geq d = \lambda d.\lambda x. x \text{ is } d\text{-tall}$
(cf. (2) for the prose)

⁶ My English translation of the quote: “Comparative degrees are absent from all languages of Finnish and Tatar origin. However, some amongst them have gradually developed both a comparative and a superlative, others don't have any special forms for these degrees. Among the Samoyedic languages, there is not a single one that forms regular comparison degrees, they rather mark these as in most Finnish and Tatar languages partly by a case, partly by particles, partly also by diminutive forms of the adjectives.”

It is through the gradable adjective that the degree is introduced into the semantics. Remember from section 2.2 that the crucial diagnostics to establish this are CompDegs, but especially DiffCs. In contemporary Nenets, we find clear reference to degree in CompDeg as in (18) and DiffC as in (19) alongside comparisons containing individuals as standards, cf. ‘Masha’ in (20):

- (18) *Polka [sidnd'et ju" santim'etr-xad] jamb.*
shelf eight ten centimeter-ABL long
‘The shelf is longer than 80 cm.’

—COMPARISON WITH A DEGREE (COMPDEG)—

- (19) *Katja Masha-xad saml'ang santim'etra-nh pirc'a(-rka).*
Katja Masha-ABL five centimeter-DAT tall-(RKA)
‘Katja is 5 cm taller than Masha.’

—DIFFERENCE COMPARISON (DIFFC)—

- (20) *Katja Masha-xad pirc'a.*
Katja Masha-ABL tall
‘Katja is taller than Masha.’

These examples clearly show that there is a reference to degrees in contemporary Nenets grammar despite the fact that there is no morphological reflex of a comparative operator on the gradable adjective. But as already emphasized earlier, this is not surprising from a cross-linguistic point of view. There are many languages that incorporate degrees without marking it on the gradable predicate, like Turkish [Hofstetter 2009] and Samoan [Hohaus 2010, 2012], among many others.

4.1. Aside: the role of the suffix *-rka*

In this subsection, I want to briefly address the role of the suffix *-rka* in Nenets comparison constructions since it appears so prominently in comparison constructions and since there exists some controversy concerning its status in the descriptive literature. However, I will not give an analysis here, since this would clearly go beyond the scope of what is possible in this paper. Still, I will provide some of my fieldwork data and descriptively talk about its meaning.

As illustrated in (18), (19) and (20), the standard of comparison is always ablative-marked in Tundra Nenets. The gradable adjective stands in its basic form, though it can be marked by the suffix *-rka*. This suffix is reported to be optional in comparatives by Nikolaeva [Nikolaeva 2014], among others. Nikolaeva describes in her grammar that the affix *-rka* indicates comparison [Ibid.: 133]. However, later in the grammar, a contradictory claim is made:

In comparative and superlative constructions adjectives stand in their basic form, although they can take the comparative affix addressed in Chapter 6, Section 2.5. However, it is highly optional and cannot be analyzed as marking the comparative degree [Ibid.: 174].

Tereschenko [Терещенко 1947] marks what she takes to be the comparative form of the adjective with the suffix *-rka* as well. Décsy [Décsy 1966] classifies *-rka* as an adjectival suffix which can mark “incompleteness of quantity” (i.e., *veva* (‘bad’) — *vevarka* (‘slightly, somewhat bad’)) and which in addition can also be used for comparison. As a result, the status and meaning contribution of the suffix *-rka* is not clear in the literature.

My fieldwork data suggest that *-rka* is used if there is a small difference between the associate and the standard of comparison. This is illustrated in (21-a) and (21-b).

- (21) a. *Katja Masha-xad ηarka-vna pirc'a.*
Katja Masha-ABL large-ADV tall
‘Katja is much taller than Masha.’

- b. *Katja Masha-xad ηarka-vna #pirc'a-rka.*
Katja Masha-ABL large-ADV tall-RKA
‘Katja is much taller than Masha.’

Comment by informant: “If there is a big difference in height, you cannot use *-rka*.”

In (21-a), it is made explicit by *ηarkavna* that the difference between the associate and the standard is big. The sentence in (21-a) is perfectly well-formed. However, when we add the suffix *-rka* to the gradable adjective *pirc'a* as in (21-b), the sentence becomes infelicitous. A crucial example from my fieldwork is in (22). In the context, it is established that 5cm is, in fact, considered a small difference.

- (22) *Katja Masha-xad saml'anŋ santimetra-nh pirc'a-rka.*
 Katja Masha-ABL five cm-DAT tall-RKA
 'Katja is 5 cm taller than Masha.'

The example in (22) is a DiffC that contains an overt differential, namely 5cm. Without the suffix *-rka* this example is still perfectly grammatical. Since an explicit differential degree is present, *-rka* cannot itself be the differential degree. Whenever the difference in height was made big explicitly and it was made clear that the difference counts as big in the context, the use of *-rka* in this type of examples became infelicitous. This shows (i) that *-rka* is optional and that, moreover, (ii) it is used when there is a contextually small difference between the associate and the standard.

Another example that illustrates that in the presence of a comparative standard *-rka* expresses a small difference in height is in (23). For this example a picture context was provided and the difference in height between the reindeer and the dog was made explicitly small.

- (23) *Ty wen'eko-xod pirc'a-rka.*
 reindeer dog-ABL tall-RKA
 'The reindeer is a little taller than the dog.'

Interestingly, if the comparative standard is not provided explicitly, but just contextually as in the following example, some informants still accept the target sentence in (24) as being a contextual comparative, even though *-rka* is not present on the gradable adjective.

- (24) **Context:** Katja is 1,71m tall and Masha is 1,62m tall (i.e., Katja is taller than Masha.)
Katja pirc'a.
 Katja tall
 'Katja is taller.'

—CONTEXTUAL COMPARISON—

What is important here is that the gradable adjective in (24) is not marked by *-rka*, once again illustrating that it cannot be the morphological comparative marker corresponding to *-er* in English or German. However, since not all language consultants accept the unmarked form of the adjective, but rather prefer marking by *-rka*, the meaning of the unmarked adjective remains a puzzle. Also, in a positive context where we just want to state that Katja is tall, informants also accept (24). Therefore, it might be the case that the non-marked adjective is ambiguous between a positive and a comparative meaning, but I will leave this as an open question for future research.

Summarizing this subsection, we want to emphasize that the role of the optional suffix *-rka* is not the morphological marking of a comparison, i.e., that there is no overt morphological marking of the comparative in Nenets. What is its function? When there is the ablative marking of the standard of comparison, and the suffix *-rka* is also used, *-rka* has the meaning of 'a little'. In cases of a contextual comparison like (24), the role of *-rka* is still to be explored. My fieldwork data suggest that *-rka* is used if there is a small difference between the associate and the standard of comparison. For a formal semantic analysis of *-rka* in comparatives I refer the reader to [Berezovskaya 2019].

4.2. Phrasal analysis of comparison constructions in Nenets

First, let us turn to the question of how the standard of comparison is marked in Tundra Nenets since this is important for the compositional analysis that will be provided subsequently.

No Clausal Standards. According to my fieldwork data, the standard of comparison in Nenets cannot receive a clausal form. Clausal standards of any shape as found in English example (6) repeated in (25) are impossible in Nenets.

- (25) a. *It is sunnier today than* [_{CP} *wh_i it was d-warm yesterday*].
 b. *Sonja is taller than* [*Fedja was at her age*].
 c. *Today it is warmer than* [*I thought*].

I will provide (negative) evidence that shows that Nenets resists clausal standards thus blocking a clausal analysis with syntactic ellipsis. All attempts of eliciting a clausal standard (which corresponds to a CP in English) end in paraphrases or other rescue strategies such as the creation of another clause next to the first one as illustrated in examples (26) and (27).

- (26) *I-xina-n maŋa-dm t'uku jal'a iba-rka.*
 mind-LOC-POSS.1SG say-1SG this day warm-RKA

Literally: 'In my mind I say: this day is warmer.'

Intended: 'Today it is (a little) warmer than I thought.'

- (27) **Context:** This semester, Olja took more courses than usual. In addition to her studies, she also works in a bar. When talking to her friend, she complains about the huge workload and says the following:

Man' manzaja-mi tarsi-v sa''ŋa man'
 I work-POSS.1SG too.much-POSS.1SG(ACC) be.very.3SG I

tar'emh ni-vas' tasla-mb'u.
 so not-PST.1SG.OBJ>SG think-DUR.CONNEG

Literally: 'As for myself, my work is very much too much for me, I wouldn't have thought so'

Intended: 'For me it is harder than I thought to manage everything.'

Another example that has a clausal standard in English, but is phrasal in Nenets is in (28).

- (28) *Petja-h ŋaceky-da ty-xad-anda ŋoka.*
 Petja-GEN children-POSS.3SG reindeer-ABL-POSS.3SG many

Literally: 'Petja's children are more than his reindeer'

Intended: 'Petja has more children than reindeer'

The English example can be analyzed as being reduced from a clausal source:

- (29) *Peter has more children than* [CP *wh_i he has ~~d~~ many reindeer*].

However, the Nenets example in (28) is a predicative comparative with a nominal standard (*ty-xad-anda*).

The following sentence is inspired by examples from [Nikolaeva 2014]⁷. The ungrammaticality of (30) stems from the attempt to put an ablative marker on a nominalized verb.

- (30) **Vera sawa-rka-vna jaŋgerna Vanja-h tara-wa-xad.*
 Vera good-RKA-PROL sing Vanja-GEN dance-IMPF.AN-ABL

Intended: 'Vera sings better than Vanja dances.'

In (30), the action nominal *tarawa* receives an ablative marking making the sentence ungrammatical. Furthermore, an adverbial standard is also not possible⁸ as (31-a) shows. However, (31-b) is possible, because the standard of comparison is nominalized.

- (31) a. **T'uku jal'a* [_{ADV} *t'en'ana*] *t'et'e-rka.*
 this day yesterday cold-RKA
 Intended: 'Today it is colder than yesterday.'

- b. *T'uku jal'a* [_{NP} *tej-xad*] *t'et'e-rka.*
 this day yesterday's-ABL cold-RKA
 Literally: 'This day is colder than the yesterday's.'
 'Today it is colder than yesterday.'

In the grammatical example (31-b), the standard of comparison is nominalized with the ablative case added to the nominal stem. In the ungrammatical example (31-a), the adverb *t'en'ana* is inserted as the standard resulting in ungrammaticality.

⁷ These examples were pointed out to me by an anonymous reviewer. Here is the original example from [Nikolaeva 2014: 294]:

Wera səwa-rka-wna jaŋkerma [*Wan'a-h tara-wa-h p'iruwna*].
 Wera good-COMP-PROL sing Wanya-GEN dance-IMPF.AN.GEN compared
 'Wera sings better than Wanya dances'

In this original example, the word *piruwna* appears, which can be translated as "compared to". Hohaus [Hohaus 2015] treats this type of expressions as so-called "frame setters" that don't obey the same compositional principles as the type of comparisons we are interested in in this paper. There are good reasons to assume that with *compared to* the standard of comparison is not directly integrated in the composition, i.e. that the standard of comparison is not an argument of the comparative operator. This is different in the comparative constructions that we are considering in this paper and we therefore leave constructions with *piruwna* aside.

⁸ Again, I thank an anonymous reviewer for pointing out this type of example containing an adverbial standard.

The Analysis of Nenets Comparatives without *-rka*. The unavailability of clausal standards in Nenets points to a direct phrasal analysis under which all comparatives are analyzed as being interpreted directly as an NP and as not being reduced from a clausal source. There is an impressive amount of literature on the topic of direct and clausal analyses, e.g., [Bresnan 1973; von Stechow 1984; Heim 1985; Bhatt, Takahashi 2011], to name but a few. Crucially, I assume the direct analysis for Nenets under which you interpret what you see, i.e., the phrasal of comparison is all the semantic material you see which means that there is no syntactic ellipsis. As a result, we assume the phrasal comparative operator illustrated in (4) and repeated in (32).

$$(32) \llbracket -er_{\text{Heim}(1985)} \rrbracket = \lambda y_e. \lambda R_{(d,(e,t))}. \lambda x_e. \text{MAX}(\lambda d. R(d)(x)) > \text{MAX}(\lambda d'. R(d')(y))$$

In the following, we will sketch how the direct analysis works for a simple comparison structure as (20) using degree semantics from subsection 2.1 and the compositional rules of Functional Application, Predicate Abstraction and Predicate Modification as elaborated in Heim & Kratzer (1998).

The simplified input structure for the interpretation of (20) repeated in (33) is in (34).

(33) *Katja Masha-xad pirc'a.*
 Katja Masha-ABL tall
 'Katja is taller than Masha.'

(34) $[_{IP} \text{Katja} [_{AP} [_{\text{DegP}} -er_{\text{Heim}(\text{covert})} \text{Mashaxad}] \text{pirc}'a]]$

The ablative marking on the standard of comparison licenses the covert phrasal operator ($-er_{\text{Heim}(1985)}$). The compositional interpretation is shown in (35).

- (35) a. $\llbracket -er_{\text{Heim}(1985)} \text{Mashaxad} \rrbracket^g = \lambda R. \lambda x. \text{MAX}(\lambda d. R(d)(x)) > \text{MAX}(\lambda d'. R(d')(Masha))$
 b. $\llbracket \text{pirc}'a \rrbracket^g = \lambda d_d. \lambda x_e. \text{HEIGHT}(x) \geq d$
 c. $\llbracket -er_{\text{Heim}(1985)} \text{Mashaxad pirc}'a \rrbracket^g = \lambda x. \text{MAX}(\lambda d. \text{HEIGHT}(x) \geq d) > \text{MAX}(\lambda d'. \text{HEIGHT}(Masha) \geq d')$
 d. $\llbracket (20)/(33) \rrbracket^g = \text{MAX}(\lambda d. \text{HEIGHT}(\text{Katja}) \geq d) > \text{MAX}(\lambda d'. \text{HEIGHT}(\text{Masha}) \geq d')$

In prose: The maximal height degree that Katja reaches exceeds the maximal height degree that Masha reaches.

The outcome yields the desired truth conditions, namely that Katja's height exceeds Masha's height.

In this section, I have outlined a possible direct analysis of comparison constructions without taking into consideration the suffix *-rka*. Nenets comparison constructions with *-rka* require further investigation and are beyond the scope of the current paper.

To sum up, we can state that Tundra Nenets has no overt morphological marking of the standard of comparison. Clausal standards of comparison are disallowed. The comparative 'meaning' (i.e., the covert phrasal operator) is licensed by ablative marking in all comparison constructions except for contextual comparatives.

4.3. Back to the Cross-Linguistic Picture

In this subsection, I discuss the application of the diagnostics introduced in section 2.2 that will help us to determine the parameter setting in Nenets.

The [DSP]-parameter: Determining the setting of the first parameter amounts to the question of whether the language has a family of expressions that manipulate degree arguments, i.e., comparatives, superlatives, equative morphemes, items parallel to *too* and *enough* (intensional comparatives). The second relevant question is whether CompDeg and DiffC are available in the language under investigation. As has already been illustrated in examples (18) and (19), Nenets has both DiffC and CompDeg. Thus, Nenets passes the diagnostics for the [+DSP]-parameter.

The [DAP]-parameter. Moving on to the [DAP]-parameter, we focused on Scope and NegIs data which serve as diagnostics.

For Nenets, the NegIs-diagnostics is not applicable. The reason is that the prerequisite for testing NegIs, which is the existence of clausal standards of comparison, is not fulfilled. As I just showed in section 4.2, Nenets does not have clausal standards. As a result, all attempts of eliciting NegIs yielded ungrammatical, nonsensical sentences which I will not present here.

Let us now turn to the second diagnostics for the (non)-existence of degree abstraction which are scope interactions. Remember from (14) that in English, two readings are attested for the sentence 'The paper is required to be exactly five pages longer than that'. In this sentence, the scope of the comparative operator relative to the matrix clause quantifier (the modal *required* in this case) varies: either the comparative operator takes scope over the modal yielding the "minimum requirement reading" or the modal has scope over the comparative operator. According to [Beck, Hohaus, Tiemann 2012], minimum requirement readings are available with Heim's

phrasal comparative operator, the one that we assume in our analysis. However, in the following Nenets example, the minimum requirement reading is not attested.

(36) **Context:** The draft is 10 pages.

Padvemda" saml'aŋ-h stranica-h piruwna⁹ jamba-rka ŋebta tara.
written.thing five-GEN pages-GEN by.exactly long-RKA be must.3SG

'The article is required to be exactly five pages longer than that.'

= The article has exactly 15 pages. (required > -er)

≠ The article has 15 pages or more (er > required)

—MINIMUM REQUIREMENT READING—

The reasons for the absence of the minimum requirement reading could be manifold. One possible reason might be a methodological one: under my fieldwork setting, the metalanguage between my consultants and me is Russian. So, when translating the sentence in (14) into Russian, I encounter problems like the exact translation of the modal 'required'. Russian modals differ from the English ones (cf. e.g. [Krasikova 2010]). And then again, Russian modals might differ in their semantics from the Nenets ones. Therefore, even if the English sentence is accurately reproduced in Russian, the interpretation of the whole sentence might be different due to the different modals. Additionally, although the minimum requirement reading is well attested for English (cf. [Heim 2001; Beck et al. 2009]), it is notoriously hard to elicit even with English native speakers.

Because of these difficulties with sentences like (14), I additionally used another construction to determine the behavior of scope ambiguities in Nenets. In the following scenario, the comparative operator takes wide scope over an intensional verb. Example (37) illustrates that under a context that forces wide scope on the comparative operator over modal, we get the expected reading in Nenets.

(37) **Context:** Both Zina and Olga are 1.70m tall, respectively. Both of them want to become models and want to apply to two different agencies. Zina wants to get into the agency "Beauty Face", while Olga wants to get into the agency "Topmodel". The minimum height required for the agency "Beauty Face" is 1.80m and for "Topmodel" 1.75m.

Zina Olga-xad jamb-ŋe ŋebta tara.

Zina Olga-ABL long-ESS be must.3SG

'Zina has to be taller than Olga (has to be).' (-er > modal)

Scoping the comparative operator over the modal thus creating degree abstraction generates this reading in Nenets as shown in the truth conditions of (37) in (38).

(38) $\text{MAX}(\lambda d. \forall w \in \text{Acc} \rightarrow \text{Zina is } d\text{-tall in } w) > \text{MAX}(\lambda d'. \forall w \in \text{Acc} \rightarrow \text{Olga is } d'\text{-tall in } w)$

In prose: The maximal degree of height which Zina reaches in every acceptable world that is deontically available from the actual world is greater than the maximal degree of height which Olga reaches in every acceptable world that is deontically available from the actual world.

One might wonder whether the example in (37) is really a case of a scope ambiguity rather than an ambiguity stemming from antecedent choice as in the following examples from [Heim 2001: 232].

(39) John needs to drive faster than Mary does.

a. John needs to drive faster than Mary does ~~drive d-fast~~.

b. John needs to drive faster than Mary does ~~need to drive d-fast~~.

However, as already established in section 4.2, there is no option for syntactic ellipsis in the standard of comparison in Nenets, since we are dealing with phrasal comparative standards and not clausal ones that are possible in English. There is only "semantic ellipsis" [Heim 2001: 229 ff.]¹⁰.

In order to convince ourselves one more time that abstraction over degrees exists in Nenets, let us take a look at one more construction that also requires degree abstraction. In English, the sentence in (40) has two readings, the attributive internal (ATTR-INT) and the attributive external reading (ATTR-EXT).

⁹ In this context, *piruwna* is used as a postposition meaning 'by' as in 'by five pages'. According to Tereschenko's dictionary [Терещенко 1965], it can also mean 'as well as' (Russian: *наравне с кем-чем-л.*). My informants translated it as 'by exactly' which is reflected in the gloss.

¹⁰ A short explanation of "semantic ellipsis" is appropriate at this point. What Heim [Heim 2001] means by this is that there are not two parallel pieces of the LF which stand in an anaphor-antecedent relation. There is just a single piece which is, however, used twice in the semantic calculation yielding, for instance, the truth conditions in (38). Looking at the lexical entry of our phrasal operator in (4)/(32), it becomes clear that there is only one degree relation R, (type $\langle d, \langle e, t \rangle \rangle$) which is used twice in the calculation.

(40) *Paula saw a taller student than Max.*

Reading (a): Paula saw a taller student than Max is [a d-tall student].

—ATTRIBUTIVE INTERNAL READING—

Reading (b): Paula saw a taller student than Max saw [a d-tall student].

—ATTRIBUTIVE EXTERNAL READING—

According to [Beck, Hohaus, Tiemann 2012; Berezovskaya 2019], ATTR-INT does not require movement of the degree operator, while ATTR-EXT does. The LF for ATTR-EXT of (40) is in (41-a), the truth conditions are in (41-b).

(41) a. [Paula [-er_{Heim} [than Max]] [**3** [2 [a t_{3,d}- tall student] [1 [t_{2,e}- [saw t_{1,e}]]]]]]

b. [[(40)] = MAX (λd. ∃y[student(y) & saw(y)(Paula) & HEIGHT(y) ≥ d]) >

MAX (λd'. ∃z[student(z) & saw(z)(Max) & HEIGHT(z) ≥ d'])

In prose: The maximal degree of height that the student reaches whom Paula saw exceeds the maximal degree of height that the student reaches whom Max saw.

In (41-a), the index 3 (in bold) is left by raising the DegP via QR¹¹. This is the step that shows the necessity of degree abstraction. In Nenets, attributive external readings are available as shown by example (42).

(42) **Context:** Yesterday Julja told her friend Petja that she recently met a (female) boxer who won 5 matches.

Petja remembered that another (female) boxer who he met recently even won 7 matches (i.e. the boxer which Petja met is even stronger than the one whom Julja met).

Petja Julja-xad minta-rka boks'orsha-mh jadamta.

Petja Julja-ABL strong-RKA boxer-ACC meet.3SG

‘Petja met a stronger boxer than Julja (met).’

From this evidence I conclude that Nenets has degree abstraction. Thus, the diagnostics I applied show a positive setting of the [DAP].

Testing the [DegPP]-parameter: In order to determine the parameter setting of the last parameter, [DegPP], I looked at measure phrases (MPs), degree questions (DegQs) and subcomparatives (SubCs) in Nenets. Let us recall the wording of the parameter from section 2.2. “A language {can}/{cannot} overtly fill the degree argument position of a gradable predicate”. More concretely, repeating the explanation from section 2.2, this means that in English (and many other languages), the specifier position of the Adjectival Phrase (AP) can be filled in overt syntax by a trace in a SubC as in (38), by a *wh*-word in a DegQ as in (39) and by a measure phrase as in (40) (cf. also examples (11)—(13) from above).

(43) *The pole is higher than the bridge is wide.*

[than [how₁ [the bridge is [AP t₁ [wide]]]]]

—SUBC—

(44) *How wide is the bridge?*

[AP how [A wide]]

—DEGQ—

(45) *The bridge is exactly 3,55m wide.*

[the bridge is [AP [exactly 3,55m] [wide]]]

—MP—

When testing the DegPP in Nenets, a methodological challenge was presented by the fact that the English-like MPs, DegQs and SubCs are not available in Russian (Russian has the negative setting of the DegPP, cf. Figure 1). Translation tasks from Russian to Nenets were thus unavailable as a test method. Instead, I used acceptability judgment tasks after having already constructed the relevant target construction in advance. The Nenets target construction was then presented in a context and the informant was asked to judge the acceptability of that construction in the given context. The example in (46) provides negative evidence which shows that MPs are ill-formed in Nenets.

(46) **Polina jur" si"iv ju" ηopoj m'etr jamb.*

Polina hundred seven ten one meter long

Intended: ‘Polina is 1,71 m tall.’

Instead, my informants preferred the following nominalization:

¹¹ This is an instance of parasitic movement (cf. [Heim 1985; Beck, Sauerland 2000]).

- (47) *Polina ly-da jur si"iv ju" ȝopoj m'etr.*
 Polina height-POSS.3SG hundred seven ten one meter
 'Polina's height is 1,71 m.'

A similar problem can be observed with degree questions illustrated by the ungrammatical question in (48). All variants, no matter which word ordered, were considered bad by the informants. Again, degree questions of the English type also were not possible. Instead, nominalizations of the kind presented in (49) were applied.

- (48) **Context:** Jana bought a bed. You want to know from her the exact length of the bed.

- a. **S'an va"av-mi jamb?*
 how.much bed-POSS.1SG long
 Intended: 'How long is the bed?'
- b. **Va"av-mi s'an jamb?*
 bed-POSS.1SG how.much long
 Intended: 'How long is the bed?'

- (49) *S'an jambad xojka*
 how.much length bed
 'What is the length of the bed?'

Note that it is crucial here to also illustrate the negative evidence as in (48) and (46) in order to accurately rule out the possibility of the existence of such English-type constructions. At the same time, positive evidence as presented in (47) and (49) clearly shows that these things can be expressed but they use a different strategy. This is telling, if we regard it as an escape strategy avoiding a construction that would overtly fill a position that cannot be filled in the overt syntax in the respective language.

Last but not least, SubCs, not surprisingly, are not available in Nenets. The reason is that the prerequisite for constructing the SubC is not met, since, as I illustrated in subsection 4.2, there are no clausal standards in Nenets comparatives whatsoever. The closest that one can get to an English-type SubC in Nenets is the construction in (50). However, the meaning of the sentence is different from the original English-type example.

- (50) *Stol-vah pirc'a-rka, komod-vah ȝanih lata-rka.*
 table-POSS.1PL tall-RKA dresser-POSS.1PL whereas wide-RKA
 'The table is high, whereas the dresser is wide.'
 Intended: 'The table is higher than the dresser is wide.'

As we have seen, we get the following picture after applying the diagnostics from [Beck et al. 2009]. Nenets has the parameter setting [+DSP], [+DAP], [-DegPP].

To summarize, we found out that contemporary Tundra Nenets definitely incorporates degrees into its grammar (positive setting of the [DSP]-parameter) and has structures that require abstraction over degrees, i.e., a positive setting of the [DAP]-parameter. Concerning the [DegPP], Nenets has no English-type MPs, SubCs and DegQs pointing to its negative setting.

I am adding Nenets to the cross-linguistic picture by Beck et al. [Beck et al. 2009] in Table 1 (the table can be found on the next page).

Before concluding the paper, I will now come to an observation stemming from my fieldwork, namely the conjunctive strategy in forming comparatives. This strategy seems to be available for some speakers of Present Day Nenets.

5. The Conjunctive Strategy

The conjunctive strategy is reported in [Beck et al. 2009] for Motu and in [Bochnak 2013] for Washo among many others. Instead of having a comparative construction like (51-a), the comparison is formed indirectly, implicitly, as in (51-b).

- (51) a. *Mary is taller than Peter.*
 b. *Mary is tall, Peter is short.*

The conjunctive strategy in (51-b) does not require reference to degrees. Beck et al. [Beck et al. 2009] propose the Klein [Klein 1980, 1982] context-dependent basic lexical entry in (51) of a gradable adjective for Motu-type adjectives. This adjective has type $\langle e, t \rangle$, i.e., it is a predicate of individuals. Note that contrary to the scalar lexical entry in (2)/(17), in this delineation analysis (that was also mentioned in section 2.2), the adjective does not introduce any degree into the semantics. There is rather a partition between [tall individuals] and [not tall individuals].

Table 1. Beck et al.'s [Beck et al. 2009] sample with Nenets added

Lang	Constr.	DiffC	CompDeg	NegIs	Scope	DegQ	MP	SubC	Parameter setting
Motu		no	no	n.a.	n.a.	no	no	n.a.	[-DSP], [-DAP], [-DegPP]
Japanese		yes	%	no	no	no	no	no	
Chinese		yes	yes	no	no	no	no	no	[+DSP],
Mooré		yes	yes	n.a.	no	no	no	n.a.	[-DAP],
Samoan		yes	yes	n.a.	no	no	no	n.a.	[-DegPP]
Yorùbá		yes	yes	n.a.	no	no	no	n.a.	
Russian		yes	yes	yes	yes	no	no	no	
Turkish		yes	yes	n.a.	yes	no	no	n.a.	
Guaraní		yes	yes	yes	yes	no	no	no	[+DSP],
Romanian		yes	yes	yes	yes	no	no	no	[+DAP],
Spanish		yes	yes	yes	yes	no	no	no	[-DegPP]
Tundra Nenets		yes	yes	n.a.	yes	no	no	n.a.	
English		yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	
German		yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	
Bulgarian		yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	[+DSP],
Hindi-Urdu		yes	yes	n.a.	yes	yes	yes	n.a.	[+DAP],
Hungarian		yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	[+DegPP]
Thai		yes	yes	yes	yes	yes	yes	yes	

n.a. = not applicable

% = a percentage of speakers accepts the construction

(52) $[[tall_{Motu}]] = \lambda c. \lambda x. x$ counts as tall in c

In prose: The adjective takes a context and an individual and relates them to each other by saying that that individual counts as tall in c .

The following example from my fieldwork illustrates that the conjunctive strategy in (53) was available for some speakers of Nenets as an alternative to the productive “degree strategy” illustrated in (54).

(53) *Ty ηarka wen'eko n'oc'ko.*
reindeer big dog small

‘The reindeer is bigger than the dog.’

(54) *Ty wen'eko-xod ηarka.*
reindeer dog-ABL big

‘The reindeer is bigger than the dog.’¹²

When we apply the context-dependent lexical entry in (52) to the example in (53), we get the truth conditions in (55).

(55) $[[(53)]] = 1$ iff The reindeer counts as big in c & the dog counts as small in c

The following thoughts and suggestions are speculative, since, to my knowledge, no informed diachronic investigations into the grammar of degrees in former stages of Nenets have been conducted. If the conjunctive strategy is still available (and it is not a task effect of my fieldwork¹³), then Nenets comparative constructions might have looked like Motu or Washo at earlier stages of the language. If this strategy still exists, then it might be a pointer to an interesting development: Nenets presumably did not have any degrees in the semantic ontol-

¹² This is originally a sentence by Stassen [Stassen 1985: 118].

¹³ In one case, a picture context was presented to the informants, namely a big reindeer and a much smaller dog. The sentence in (54) was presented as a target sentence. Subsequently, the informant was to judge the acceptability of the sentence in this picture context. One informant accepted the sentence, but then suggested that she would rather say (53) to compare the reindeer and the dog.

ogy at some earlier stage and eventually integrated the degree strategy into the grammar. This development is not entirely surprising, since it has been reported for other languages as well, for instance for Samoan by Hohaus [Hohaus 2010]. Taking these synchronic data as a starting point, it might be interesting to test this hypothesis empirically. A possible method would be a thorough diachronic corpus study.

If this was true, the question then arises of how we could capture this alleged change in progress. Since the informants who accepted this conjunctive strategy were fifty years and older, one could consider age-stratified variation with respect to this linguistic phenomenon. This again may be indicative of language change in progress and is referred to as the **apparent-time hypothesis (ATH)** in the socio-linguistic literature. Here is an explanation of ATH by Dannenberg:

The widely utilized construct of apparent time, for example, predicts that, all other things being equal, generational differences among a particular group of speakers represent stages of language change at different points in time. In other words, it may be assumed that the heightened or reduced incidence of a particular language feature by young speakers vis-à-vis older speakers in a speech community at a particular point in time hypothetically signals a movement towards the eventual replacement of one language variant over another [Dannenberg 2000: 255].

The ATH in combination with the analysis of the picture that we see as change in progress would allow us to make sense of the age factor. More simply, it means that we see possible real-time change in progress in a certain language aspect (in our case a turn from a degree-less to a language employing degrees in its grammar) through the prism of differently aged informants. In other words, younger speakers do not employ and do not accept the conjunctive strategy to express comparison, while older ones do. However, remembering Castrén's earlier quote, namely that: "Unter den Samojedischen Sprachen bildet keine einzige regelmässige Comparationsgrade, sondern diese werden hier [...] **theils durch einen Casus**, theils durch Partikeln, theils auch durch Deminutivformen der Adjektive ausgedrückt", it becomes clear that the "productive strategy" as in (54) must have already been available in the 19th century in Tundra Nenets. By "Casus" Castrén most probably means the ablative marking on the standard of comparison. Therefore, it might be the case that both the conjunctive and the productive strategy existed both at the time of Castrén's investigations, i.e. in the 19th century.

As already pointed out, the speculation about the possibility of the conjunctive strategy existing alongside the productive strategy but slowly vanishing should be taken with a grain of salt. Much more thorough diachronic investigation would be necessary to provide enough empirical evidence for what is at this point speculation based on synchronic language data. Unfortunately, historical corpora are difficult to find in Nenets, since written Tundra Nenets is a relatively new development. However, I find this observation from my fieldwork worth mentioning and potentially stimulating for further research on the diachronic development of comparative constructions.

6. Concluding Remarks

In this paper, I argue that contemporary Tundra Nenets integrates degrees into its grammar. I provide a formal semantic analysis based on novel fieldwork data in section 4. I outline a phrasal analysis of comparison constructions based on the fact that Nenets robustly resists clausal standards. Although Nenets does not have overt morphological marking of the standard of comparison, the ablative marking on the standard licenses a covert phrasal operator.

Another achievement of the paper is that I also place Nenets on the cross-linguistic map of [Beck et al. 2009] parametric investigation. The possibility of having DiffC and CompDeg in modern Nenets convincingly shows that contemporary Nenets has degrees in its ontology. Evidence is also provided for degree abstraction in Nenets from negative island effects, scope interactions and external readings of attributive comparatives. Degrees are non-trivial types reconstructed from equivalence classes, i.e., it is a rather complex strategy which a language might or might not choose to have. Modern Nenets integrates degrees into its grammar. However, at this point it is not clear whether it has always done so or has come to do so in the contact situation with Russian, a language that also integrates degrees into its semantics. Looking at this issue from the diachronic perspective raises interesting questions regarding the possible coexistence of two different strategies in the semantics of the Nenets comparatives, a degree-less (conjunctive) one and one that integrates degrees. Only a thorough diachronic corpus investigation would be able to shed light on this question.

On a more global level, I am convinced to have not only contributed new data about an under-represented language to the scientific canon, but to also have shown that thorough investigation of individual phenomena in such a language tells us something about the theory. Namely, that the implicit assumption that sentence meaning in all natural languages are composed via the same mechanisms for constitution of meaning is on the right track. There is, of course, variation within the different phenomena; in our case, comparison constructions. However,

the variation is highly systematic. Therefore, our task is to uncover this variation and the parameters or mechanisms behind it through thorough theoretical and empirical work.

Acknowledgements

First and foremost, I would like to thank my dear Nenets informants for teaching me about Tundra Nenets. They have contributed to this project at various stages during my fieldwork trips for which I am deeply indebted. I thank Roza Kanjukova, Anastasija Zasuchina, Nina Chylma, Ekaterina Tajbarej, Matrena Taleeva, Albert Ardeev, Fedosija Kauz, Lidija Lagejskaja, Nechej Serotetto, Venera Jar, Ksenija Tibichi, Aleksej Salinder, Anna Serotetto, Olga Ader, Anna Zhdanova, Anna Sul'enteva, Anna Japtik, Nadezhda Taleeva, Inga Ardeeva: *Ҥарка вада!*

For valuable feedback and discussion I thank Sigrid Beck, Johannes Dellert, Lilian Gonzalez-Rodriguez, Vera Hohaus, Anna Howell, Manfred Krifka, Marina Ljublinskaya, Paula Menéndez-Benito, Konstantin Sachs, Moritz Igel, Wanda Rothe, Tapani Salminen, the audience of the Institute for Linguistic Studies in Saint-Petersburg and the audience of the 6th International Conference on Samoyedology at the Institute of Linguistics RAS, Moscow. Finally, I thank two reviewers whose valuable feedback helped to improve this paper.

The research reported in this paper was supported by the DFG grant to the SFB 833 “Construction of Meaning”, project C1 and a scholarship of the Studienstiftung des Deutschen Volkes.

Abbreviations

ABL — ablative	GEN — genitive
ACC — accusative	IMPF — imperfective
ADV — adverbial	LOC — locative
AN — action nominal	OBJ — object marking
COMP — comparative	POSS — possessive
CONNeg — connegative	PL — plural
DAT — dative	PROL — prolative
DUR — durative	PST — past
ESS — essive	SG — singular

References

- Beck 2011 — *Beck S.* Comparison Constructions // *An International Handbook of Natural Language Meaning*. Vol. 2 / Eds. Maienborn C., von Stechow K., Portner P. Berlin, Boston, 2011. P. 1341—1389.
- Beck et al. 2009 — *Beck S., Fleischer D., Gergel R., Hofstetter S., Krasikova S., Savelsberg C., Vanderelst J., Villalta E.* Crosslinguistic Variation in Comparison Constructions // *Linguistic Variation Yearbook 9*. Amsterdam, Philadelphia, 2009. P. 1—66.
- Beck, Hohaus, Tiemann 2012 — *Beck P., Hohaus V., Tiemann S.* A Note on Phrasal Comparatives // *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 22*. 2012. P. 146—165.
- Beck, Oda, Sugisaki 2004 — *Beck S., Oda T., Sugisaki K.* Parametric Variation in the Semantics of Comparison: Japanese vs. English // *Journal of East Asian Linguistics*. 2004, 13, 4. P. 289—344.
- Beck, Sauerland 2000 — *Beck S., Sauerland U.* Cumulation is needed: A Reply to Winter (2000) // *Natural Language Semantics*. 2000, 8, 4. P. 349—371.
- Berezovskaya 2014 — *Berezovskaya P.* Acquisition of Russian Degree Constructions: A Corpus-Based Study // *Proceedings of Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL) 22*. 2014. P. 1—22.
- Berezovskaya 2019 — *Berezovskaya P.* Comparing Comparatives — New Perspectives from Fieldwork and Processing. PhD thesis. 2019.
- Berezovskaya, Hohaus 2015 — *Berezovskaya P., Hohaus V.* The Crosslinguistic Inventory of Phrasal Comparative Operators: Evidence from Russian // *Proceedings of Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL) 23*. 2015. P. 1—19.
- Bhatt, Takahashi 2011 — *Bhatt R., Takahashi S.* Reduced and Unreduced Phrasal Comparatives // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2011, 29. P. 581—620.
- Bierwisch 1989 — *Bierwisch M.* The Semantics of Gradation // *Dimensional Adjectives* / Eds. Bierwisch M., Lang E. Berlin, 1989. P. 71—261.
- Bobaljik 2012 — *Bobaljik J. D.* Universals in Comparative Morphology. Cambridge, MA, 2012.

- Bochnak 2013 — *Bochnak R.* The Non-Universal Status of Degrees: Evidence from Washo // Proceedings of North-East Linguistics Society. Vol. 42 / Ed. Keine S., Sloggett S. Amherst, MA, 2013. P. 79—92.
- Bochnak, Bogal-Albritten 2015 — *Bochnak R., Bogal-Albritten E.* Investigating Gradable Predicates, Comparison, and Degree Constructions in Underrepresented Languages // Methodologies in Semantic Fieldwork / Eds. Bochnak R., Matthewson L. 2015. P. 110—113.
- Bogal-Albritten 2013 — *Bogal-Albritten E.* Decomposing Notions of Adjectival Transitivity in Navajo // Natural Language Semantics. 2013, 21. P. 277—314.
- Bowern 2008 — *Bowern C.* Linguistic Fieldwork: A Practical Guide. Houndmills, 2008.
- Bowler 2016 — *Bowler M.* The Status of Degrees in Warlpiri // Proceedings of the Semantics of African, Asian and Austronesian Languages (Triple A) 2. 2016. P. 1—17.
- Bresnan 1973 — *Bresnan J.* Syntax of the Comparative Clause Construction in English // Linguistic Inquiry. 1973, 4. P. 275—343.
- Castrén 1854/1966 — *Castrén M. A.* Grammatik der Samojedischen Sprachen. Bloomington, 1854/1966.
- Chelliah, de Reuse 2011 — *Chelliah S. L., de Reuse W. J.* Handbook of Descriptive Linguistic Fieldwork. New York, 2011.
- Cresswell 1976 — *Cresswell M. J.* A Semantics of Degree // Montague Grammar. New York, 1976. P. 261—292.
- Dannenberg 2000 — *Dannenberg C. J.* Sociolinguistics in Real Time // American Speech. 2000, 75, 3. P. 254—257.
- Décsey 1966 — *Décsey G.* Yurak Chrestomathy. Bloomington, 1966.
- Galant 1998 — *Galant M. R.* Comparative Constructions in Spanish and San Lucas Quiavini Zapotec. PhD thesis. 1998.
- Hankamer 1973 — *Hankamer J.* Why there are two *than*'s in English // Proceedings of the Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society (CLS) 9. 1973. P. 179—191.
- Heim 1985 — *Heim I.* Notes on Comparatives and Related Matters. Ms: University of Texas. Austin, 1985.
- Heim 2001 — *Heim I.* Degree Operators and Scope // *Audiatur Vox Sapientiae: A Festschrift for Arnim von Stechow.* Berlin, 2001. P. 214—239.
- Heim, Kratzer 1998 — *Heim I., Kratzer A.* Semantics in Generative Grammar. Blackwell, 1998.
- Hofstetter 2009 — *Hofstetter S.* Comparison in Turkish: A Rediscovery of the Phrasal Comparative // Proceedings of Sinn und Bedeutung 18 / Ed. Rieger A., Solstad T. 2009. P. 187—203.
- Hohaus 2010 — *Hohaus V.* The Semantics of Motion Verbs and Comparison in Samoan. Magisterarbeit. 2010.
- Hohaus 2012 — *Hohaus V.* Directed Motion as Comparison: Evidence from Samoan // Proceedings of Semantics of Underrepresented Languages of the Americas 6 and SULA-bar / Ed. Bogal-Albritten E. Amherst, MA, 2012. P. 335—348.
- Hohaus 2015 — *Hohaus V.* Context and Composition: How Presuppositions Restrict the Interpretation of Free Variables. PhD thesis. 2015.
- Hohaus, Bochnak, to appear — *Hohaus V., Bochnak R.* The Grammar of Degree: Gradability across Languages // Annual Review of Linguistics. To appear.
- Howell 2013 — *Howell A.* Abstracting over Degrees in Yoruba Comparison Constructions // Proceedings of Sinn und Bedeutung 17 / Ed. Chemla E., Homer V., Winterstein G. 2013. P. 271—288.
- Kapitonov, to appear — *Kapitonov I.* Degrees and Scales of Kunbarlang // Proceedings of the Semantics of African, Asian and Austronesian Languages (Triple A) 5. To appear.
- Kennedy 2001 — *Kennedy C.* Polar opposition and the ontology of degrees // Linguistics and Philosophy. 2001, 24. P. 33—70.
- Klein 1980 — *Klein E.* A Semantics for Positive and Comparative Adjectives // Linguistics and Philosophy. 1980, 4. P. 1—45.
- Klein 1982 — *Klein E.* The Interpretation of Adjectival Comparatives // Journal of Linguistics. 1982, 18. P. 113—136.
- Krasikova 2010 — *Krasikova S.* Modals in Comparatives. PhD thesis. 2010.
- Lechner 2001 — *Lechner W.* Reduced and Phrasal Comparatives // Natural Language and Linguistic Theory. 2001, 19. P. 683—735.
- Lechner 2004 — *Lechner W.* Ellipsis in Comparatives. Berlin, 2004.
- Matthewson 2004 — *Matthewson L.* On the Methodology of Semantic Fieldwork // International Journal of American Linguistics. 2004, 70, 4. P. 369—451.
- Matthewson 2011 — *Matthewson L.* Methods in Crosslinguistic Formal Semantics // Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning. Vol. 1 / Ed. Maienborn C., von Stechow K., Portner P. Berlin, 2011. P. 268—284.
- Nikolaeva 2014 — *Nikolaeva I. A.* Grammar of Tundra Nenets. Berlin, Boston, 2014.
- Pearson 2010 — *Pearson H.* How to do Comparison in a Language without Degrees: A Semantics for the Comparative in Fijian // Proceedings of Sinn und Bedeutung 14 / Ed. Prinzhorn M., Schmitt V., Zobel S. 2010. P. 356—372.
- Rullmann 1995 — *Rullmann H.* Maximality in the Semantics of Wh-Constructions. PhD thesis. 1995.
- Stassen 1985 — *Stassen L.* Comparison and Universal Grammar. Oxford, 1985.

von Stechow 1984 — *Von Stechow A. Comparing Semantic Theories of Comparison // Journal of Semantics. 1984, 3. P. 1—77.*

Ulan 1972 — *Ulan R. Some Features of Basic Comparative Constructions // Working Papers on Language Universals. 1972, 9. P. 117—162.*

Терещенко 1947 — *Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л., 1947. {Tereschenko N. M. A survey of Nenets (Yurako-Samoyed) grammar. L., 1947.}*

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965. {Tereschenko N. M. Nenets-Russian dictionary. M., 1965.}*

SUMMARY

This paper explores comparison constructions in Tundra Nenets. The data presented in the paper has been drawn from original fieldwork and uses what is called the ‘standard degree approach’ (cf. e.g., [von Stechow 1984; Heim 1985, 2001; Beck 2011]) in formal semantic theory. Although language-specific grammars such as [Décsy 1966; Терещенко 1947; Nikolaeva 2014], among others, provide grammatical information on different aspects of comparison constructions, a detailed and complete account is missing in the literature. The present paper sets out to fill this gap. I argue that contemporary Tundra Nenets uses a degree ontology in the semantics and also has abstraction over degrees. I also outline a possible phrasal analysis of comparison constructions based on the fact that Nenets robustly resists clausal standards. Although Nenets does not have overt morphological comparative marking on the adjective, the ablative marking on the standard licenses a covert phrasal operator. Finally, I discuss a diachronic question about a possible development and co-existence of two different strategies of expressing comparisons in Nenets.

РЕЗЮМЕ

В данной статье рассматриваются сравнительные конструкции в тундровом ненецком. Лингвистические данные, приведенные в статье, основаны на полевой работе автора. Для анализа данных используется так называемый «стандартный подход к степеням», заимствованный из формальной семантической теории (см., например, [von Stechow 1984; Heim 1985, 2001; Beck 2011]). Несмотря на то, что дескриптивные грамматики языка, такие как [Décsy 1966; Терещенко 1947; Николаева 2014 и др.], предоставляют грамматическую информацию по различным аспектам сравнительных конструкций, подробный и полный анализ этих конструкций до сих пор отсутствует в литературе. Настоящая статья стремится восполнить этот пробел. Проведенные мной исследования показывают, что современный ненецкий употребляет онтологию степеней в семантике, а также абстрагирует по степеням. Кроме того, я предлагаю возможный фразовый анализ сравнительных конструкций, основанный на том, что ненецкий решительно запрещает клаузальные стандарты. Несмотря на то, что в ненецком нет открытой морфологической маркировки прилагательного сравнительным суффиксом, аблативная маркировка стандарта лицензирует сравнительный оператор в семантике. Наконец, рассматривается диachроническая проблема о возможном развитии и сосуществовании двух разных стратегий выражения сравнений в ненецком.

Keywords: semantics, fieldwork, Tundra Nenets, comparison constructions, comparatives, degrees

Ключевые слова: семантика, полевая работа, тундровый ненецкий, сравнительные конструкции, компаративы, степени

Polina Berezovskaya, Eberhard Karls Universität Tübingen; polina.berezovskaya@uni-tuebingen.de

П. Березовская, Тюбингенский университет Эберхарда и Карла; polina.berezovskaya@uni-tuebingen.de

Субъектная референция в ижорском и водском языках: из истории одного заимствования¹

1. Введение

Референция в отношении субъектов высказывания в языках мира традиционно выражается с помощью именных групп и бывает двух основных типов: 1) полная, осуществляемая с помощью имен существительных; 2) редуцированная, осуществляемая с помощью «свободных» и «связанных» [Kibrik 2011: 33] референциальных показателей, — местоимений и/или глагольных аффиксов (1):

(1) *Ø_{pro}² думаю, мы бы замечательно подискутировали.*

(Национальный корпус русского языка <http://ruscorpora.ru/>)

Данная работа посвящена редуцированной референции в двух малых прибалтийско-финских языках — ижорском и водском. Носители этих языков, малочисленные народности ижора и водь, в большинстве своем проживают на территории Кингисеппского района Ленинградской области. На сегодняшний день, помимо собственно водского и ижорского, все представители этих народов владеют русским языком, который является основным языком общения [Рожанский, Маркус 2012: 448; Маркус, Рожанский 2017: 17].

И в современном русском, и в ижорском, и в водском языках представлена схожая стратегия маркирования редуцированной субъектной референции: в большинстве случаев³ субъект маркируется сочетанием личного местоимения и глагольного аффикса, но нередко местоимение может и отсутствовать, и референт идентифицируется только по личным аффиксам глагола:

(2) Ижорский⁴:

a. *hã kũl-i-ø*
3SG⁵ умереть-PST-3SG
'Она умерла'

b. *miũ muišša-n šene-n hũvãšt*
1SG помнить.PRS-1SG это-GEN.SG хорошо
'Я хорошо это помню'

c. *Ø_{pro} haĩmẽhe-d plad'a-d ošš-i-ma*
юбка-NOM.PL платье-NOM.PL покупать-PST-1PL
'[Мы] покупали юбки, платья'

(3) Водский:

a. *sis tãmũ tul-i-ø*
потом 3SG приходить-PST-3SG
'Потом он пришел'

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00460 «Грамматика на перекрестке дискурсивных и семантических факторов (опыт когнитивного моделирования)». Автор выражает благодарность Ф. И. Рожанскому и Е. Б. Маркусу за материалы и ценные замечания, высказанные в ходе работы над статьей.

² Здесь и далее этим символом обозначается отсутствие синтаксически выраженного подлежащего.

³ См., в частности, количественные данные [Grenoble 2001] — для русского языка; данные водского и ижорского языков основаны на эмпирических подсчетах автора, сделанных на основе полевых записей Ф. И. Рожанского, Е. Б. Маркуса и Т. Б. Агранат (см. раздел 2).

⁴ Источник примера — полевые записи Е. Б. Маркуса и Ф. И. Рожанского; здесь и далее этот источник является единственным для современных ижорских текстов.

⁵ Здесь и далее глоссировка примеров принадлежит автору статьи и унифицирует несколько подходов, фигурирующих в исследуемых источниках. В частности, в данной работе формы простого прошедшего времени маркируются как PST, граммымы именительного падежа по умолчанию опускаются.

b. *Ø_{pro} men-i-ø Rīga*
 ехать-PST-3SG Рига.ILL
 ‘[он] поехал в Ригу’

c. *miü tātā e-n ē kensa nāh-nü*
 1SG 3SG.PTV NEG-1SG быть никогда видеть-PTCP.ACT
 ‘Я его никогда не видела’

Несмотря на кажущуюся носителям привычность, среди языков мира в целом подобная местоименно-аффиксальная стратегия является крайне редкой и в выборке А. Северской и Д. Баккера из 402 языков встречается только в Европе (германские, северные романские и восточнославянские языки), единичных австронезийских и папуасских языках [Siewierska 2004: 268]. Более поздние типологические обзоры выявили аналогичную модель лишь в некоторых языках коренных народов северной Америки и Африки [Dryer 2013] и чукотском языке [Luís, Spencer 2012: 142]. Самым же распространенным типом маркирования референции в языках мира является аффиксальная модель, при которой субъектные местоимения по умолчанию не выражаются эксплицитно, и референциальная функция осуществляется с помощью личных глагольных аффиксов (61% языков, согласно типологическому атласу WALS [Dryer 2013], включая тюркские, романские, западно- и южнославянские языки). Этот же тип по умолчанию характерен и для большинства современных финно-угорских языков⁶ ([Майтинская 1993: 29] — общие сведения; [Dryer 2013] — данные венгерского и удмуртского языков; [Privizentseva 2015] — мокшанского языка):

(4) Венгерский:

Egy könyv-et olvas-ok.
 INDEF книга-ACC.SG читать.PRS-1SG.INDEF
 ‘Я читаю книгу’

Аналогичный аффиксальный тип маркирования субъектной референции был характерен и для всех письменно засвидетельствованных древних индоевропейских языков — хеттского, санскрита, латинского, древнегреческого, в связи с чем он реконструируется и для протоиндоевропейского языка [Hopper 1975: 80; Adams, Mallory 2006: 60; Walkden 2014: 230]. Кроме того, данный референциальный тип был свойственен древнерусскому языку, где местоимения вплоть до конца XV в. употреблялись преимущественно в маркированных контекстах — в частности, как маркеры эмпазы, контраста; способы разрешения референциального конфликта и др. [Борковский, Кузнецов 2006: 323; Зализняк 2004: 170 и след.; Meyer 2011: 131].

Таким образом, можно говорить о том, что в истории русского языка произошел переход от типологически распространенной аффиксальной модели в сторону достаточно редкой местоименно-аффиксальной. Аналогичный переход, с учетом данных других языков финно-угорской ветви, по косвенным признакам можно предполагать и для ижорского и водского языков. С учетом общей типологической редкости местоименно-аффиксальной модели ее генезис представляет большой интерес.

Экспансии местоимений, произошедшей в истории русского языка, посвящена обширная литература, связывающая данное явление с перестройкой системы перфекта и именных клауз, утративших глагольные связи с личными аффиксами ([Jakobson 1971/1935; Meyer 2011; Kibrik 2013; Буденная 2017] и др.): *далъ есмь > я Ø_{cop} дал; князь есмь > я Ø_{cop} князь*. Однако для ижорского и водского языков субъектная референция в диахроническом аспекте ранее детально не исследовалась. В связи с этим в данной работе будет осуществлено диахроническое исследование субъектной референции в водском и ижорском языках на основании имеющихся ранних текстов XIX в., данных середины XX в. и современных данных. Работа будет построена следующим образом. В разделе 2 будут представлены собственно данные водского

⁶ Стоит отметить, что в ряде языков (финский [Vainikka, Levy 1999; Holmberg 2016], эстонский [Duvallon, Chalvin 2004], коми [Лыткин 1955: 210]) присутствует оппозиция 1-го/2-го vs. 3-го лица: в 1-м и 2-м лице субъектные местоимения в немаркированной позиции факультативны, а в 3-м лице, наоборот, по умолчанию употребляются. Во многих случаях наличие/отсутствие местоимения в финском языке зависит от комплекса синтаксических (главное/придаточное предложение, наличие антецедента в предыдущей клаузе) и дискурсивных факторов [Holmberg 2016]. Для нганасанского языка (самодийская группа) эксплицитно выраженное субъектное местоимение в большей степени коррелирует с тематической ролью субъекта [Wratil 2013: 248—262]. Для марийских языков, по-видимому, можно говорить об общей факультативности употребления местоимений при одновременном присутствии личных глагольных аффиксов [Майтинская 1993: 161]; точный список факторов, влияющих на наличие/отсутствие субъектного местоимения в этих языках еще остается предметом дальнейших исследований и выходит за рамки данной работы. Тем не менее ни один из этих языков не обнаруживает столь сильную тенденцию к доминированию местоименной модели во всех лицах, как водский и ижорский (см. раздел 3).

и ижорского языков, анализируемые в дальнейшей работе, а также методика исследования. Раздел 3 будет посвящен референциальной стратегии в современных водском и ижорском языках. В разделе 4 будет приведен обзор самых ранних данных XIX в. и их сравнение с современными данными. В разделе 5 будут проанализированы тексты середины XX в. и рассмотрены некоторые вопросы, связанные с общей интерпретацией полученных результатов. Раздел 6 будет посвящен возможным причинам экспансии местоимений, прослеживаемой в ижорском и водском языках.

2. Методика, материал и объем исследования

Все анализируемые в работе данные водского и ижорского языков относятся к трем синхронным временным срезам: 1) 2-я половина XIX в.; 2) середина XX в.; 3) современное состояние.

Первым в работе представлен современный срез, анализ данных которого послужил отправной точкой для последующего диахронического исследования. Далее представлен срез XIX в. — самых ранних письменно зафиксированных водских и ижорских данных. Такая структура работы позволяет сразу установить наиболее архаичную референциальную стратегию, фиксируемую по памятникам, и более четко отследить временные рамки референциальной перестройки в ижорском и водском языках. После среза XIX в. представлен срез середины XX в. Данные этого периода позволяют установить более частные особенности экспансии местоимений, характеризующие как водский, так и ижорский язык в диахронической перспективе.

Следует отметить, что поскольку первые тексты на водском и ижорском языках относятся только к XIX в., ситуация в этих языках изначально отличается от восточнославянской картины, где самые древние тексты представлены XI—XII вв. и поэтому позволяют подробно отследить весь процесс экспансии местоимений⁷. Тем не менее известно, что за 120-150 лет, отделяющих современные данные от самых ранних водских и ижорских памятников, в грамматике этих языков произошел целый ряд изменений. В частности, в сойкинском диалекте ижорского языка было засвидетельствовано отмирание потенциала и форм императива 3-го лица, отеснение на языковую периферию форм перфекта и плюсквамперфекта (подробнее см. [Николаев 2001]). Несмотря на то, что данные процессы касаются морфологии, а не синтаксиса, в отношении последнего также можно предполагать определенные изменения за аналогичный период — в частности, референциальная модель с субъектным местоимением за это время вполне могла стать более частотной. Тем самым отдельный анализ данных XIX в. в работе представляется правомерным решением.

К итоговому анализу из всех текстов привлекались только финитные клаузы с редуцированным референтным субъектом (как выраженным, так и не выраженным эксплицитно). При этом не учитывались клаузы, представляющие собой сочинительное сокращение, а также те случаи, при которых неупотребление субъектного местоимения было бы невозможно (контрастивная позиция после противительных союзов). С учетом того, что клаузы с именным предикатом и аналитические перфектные модели типа (3с) встречались крайне редко, к непосредственному статистическому анализу были привлечены только финитные презентные и претеритные клаузы, составляющие основное ядро ижорской и водской глагольной систем⁸.

После извлечения все клаузы были распределены по восьми группам на основе трех бинарных признаков:

- Лицо субъекта (1-е/2-е vs. 3-е)
- Наличие/отсутствие субъектного местоимения (+/- pronoun)
- Время: презент vs. претерит (PRS/PST).

Затем с помощью статистических критериев для каждого из анализируемых лиц (1-е/2-е vs. 3-е) и времен проверялась гипотеза о преимуществе местоименно-аффиксальной стратегии над аффиксальной.

2.1. Водский язык

Исторически водский язык подразделялся на четыре диалекта: кривинский (вымер в XIX в. [Winkler 1997], восточноводский (утрачен во 2-й половине XIX в. [Ernits 2005: 87]), куровицкий, представля-

⁷ Для русского языка этот процесс фактически заканчивается к XVIII в. [Зализняк 2008: 256; Meyer 2011: 130].

⁸ В монографии Е. Б. Маркус и Ф. И. Рожанского, посвященной современному водскому языку, отмечается, что презент и имперфект (в нашей работе он проходит под общим термином «претерит») «являются наиболее употребительными и выражают основное противопоставление по времени: имперфект соответствует любому действию, относящемуся к прошлому, презент соответствует действию в настоящем или будущем» [Маркус, Рожанский 2017: 562]. Аналогичная картина характерна и для ижорского языка [Рожанский, Маркус 2012: 456].

ющий собой своего рода *mixed language* с ижорской лексикой и водской грамматикой, и западноводский, включающий в себя центральноводские (Котлы и соседние деревни) и нижнелужские говоры [Kuznetsova et al. 2015: 130]. В диахронической перспективе отследить все временные этапы экспансии местоимений оказалось возможным только на западноводских материалах, поскольку только по ним имеются данные как XIX в., так и XX—XXI вв.

В последние годы, однако, все чаще преобладает точка зрения о том, что различия между центральноводскими и нижнелужскими говорами достаточно велики — в частности, нижнелужские говоры испытали достаточно сильное влияние соседнего ижорского языка — и правильнее относить их к разным диалектам [Муслимов 2005; Ernits 2005: 75; Kuznetsova et al. 2015: 130; Маркус, Рожанский 2017: 18]. Это разделение было соблюдено и в данной работе применительно к периодам XIX и XX в.; в отношении современных данных разграничить диалекты уже не представлялось возможным, поскольку центральноводские говоры были утрачены в 1980-е гг. [Ernits 2005: 85, 87]. Таким образом, все анализируемые современные тексты на водском языке представляют собой нижнелужские говоры (деревни Краколье, Пески-Лужицы), а в водских текстах XIX—XX вв., помимо нижнелужских, фигурируют также центральноводские говоры (деревни Котлы, Корвитино, Бабино).

В качестве образцов современного водского языка к анализу были привлечены нарративы, собранные Е. Б. Маркус и Ф. И. Рожанским в ходе экспедиций 2000-х гг. (рассказы трех информантов K1, K2, L1, L4, L5, L6, L7 из монографии [Маркус, Рожанский 2017], все являются носителями нижнелужских говоров), а также шесть нарративов, собранных в ходе экспедиций Т. Б. Агранат (песоцко-лужицкие записи 2, 3, 14; кракольские записи 1, 8, 12 из сборника [Агранат 2012]). Все нарративы отбирались по релевантности, а именно по наличию в них исследуемых референциальных моделей с редуцированным субъектом. Общий корпус современных водских данных, извлеченных из этих записей, составил 117 финитных клауз из монографии [Маркус, Рожанский 2017] и 115 финитных клауз из сборника [Агранат 2012].

Самыми ранними водскими данными, привлеченными к анализу, стали сказки *Nesterii* 'Нестор', *Pühä Kuisma* 'Святой Кузьма' и *Kuptsä' Emmänä poika* 'Сын жены купца' из грамматики [Ahlqvist 1856], переведенные и глоссированные в [Агранат 2017]. Все эти сказки были записаны в деревне Котлы и представляют уже утраченный к настоящему времени котельский говор центральноводского диалекта. Наряду с ними как образец нижнелужских говоров к анализу была привлечена водская сказка о солдате, записанная О. А. Ф. Мустоненом в деревне Краколье (вод. *Jögöperä*) [Mustonen 1883: 144—150]. Несмотря на то, что жанр сказки формально мог отличаться от естественных нарративов (подробнее см. раздел 4), за неимением записей живой речи XIX в. было принято решение проанализировать сказки соответствующего периода, поскольку из имеющихся текстов⁹ только они обнаруживали наибольшую близость по своей структуре с нарративами XXI в. Общий объем релевантных финитных клауз, извлеченных из водских текстов XIX в., составил 271 единицу.

В качестве «промежуточных» временных данных середины XX в. были взяты образцы как нижнелужских, так и котельских говоров, записанных в конце 1920-х гг. в ходе экспедиции Я. Я. Ленсу [Ленсу 1930]. Для итогового анализа были выбраны следующие материалы:

1. Центральноводский диалект: рассказы В. Ф. Иовлева, К. В. Моисеевой (д. Корвитино); Т. В. Морозова, И. Агафонова, М. Кирсанова (д. Бабино).
2. Нижнелужский диалект: рассказы И. Ф. Терентьева (д. Нижняя Лужица); Л. Г. Гаврилова, К. Т. Леонтьева (д. Пески); А. Г. Голубцова, Л. В. Семенова (хутора Межники).

Общий объем релевантных финитных клауз, извлеченных из центральноводских записей, составил 225 единиц, из нижнелужских — 60 единиц. Такая количественная разница обусловлена тем, что среди нижнелужских записей встретилось значительно меньше релевантных моделей, чем в центральноводских текстах, и в связи с этим к анализу были привлечены все имеющиеся нижнелужские записи [Ленсу 1930], тогда как среди центральноводских текстов из этого же сборника для анализа была взята только часть данных (преимущественно тексты, содержащие рассказы от 3-го лица).

2.2. Ижорский язык

Исторически ижорский язык был представлен четырьмя диалектами — оредежским, хэваским, нижнелужским и сойкинским, из которых к настоящему времени сохранились только два последних [Kuznetsova et al. 2015: 131]. Тем не менее детально проследить становление современной референциальной стратегии оказалось возможным только на материале сойкинского диалекта, поскольку единст-

⁹ Другие водские тексты XIX в. (все они опубликованы в [Mustonen 1883]) представляют собой переводы глав Евангелия, а также загадки, песни и мини-диалоги с преимущественно односложными ответами.

венный оригинальный памятник ижорского языка, сохранившийся с XIX в., — сказка «Золотая птица» из В. Поркки [Porkka 1885] — отражает центральные говоры сойкинского диалекта (место записи — деревня *Tarinaissi* (Андреевщина)). В связи с этим все ижорские тексты, анализируемые в данной работе, представляют собой именно сойкинский диалект. Сказка «Золотая птица» [Porkka 1885], переведенная и глоссированная в [Рожанский, Маркус 2012], была привлечена к анализу как единственный сохранившийся ижорский памятник XIX в. Объем извлеченных релевантных финитных клауз из «Золотой птицы» составил 92 единицы.

Что же касается более поздних текстов, в отношении ижорского языка примечательно, что, несмотря на несколько большую престижность, связанную с изначально большим числом носителей по сравнению с водским (к концу XIX в. ижора трехкратно превышала водь [Kuznetsova et al. 2015: 156]) и кратким периодом преподавания в школах в 1930-е гг., в период первой половины XX в. материалов на ижорском языке было опубликовано существенно меньше, чем на водском. Большинство ижорских текстов этого времени составляют учебные пособия. В 1944 г. в Финляндии была издана монография по фонетике ижорского языка [Sovi järvi 1944], в которую вошли три ижорские сказки — упомянутая выше «Золотая птица» и две переводные сказки с карельского языка, которые не анализировались в данном исследовании в силу возможных калек языка-оригинала и собственно жанра: в отличие от XIX в., в XX в. на ижорском языке были записаны не только сказки, но и другие тексты, структурно более близкие современным нарративам.

В этой связи в качестве ижорского материала XX в. было решено включить в рассмотрение данные носительницы Крестины Андреевой, записанные П. Аристе в 1957 г. [Ariste 1960]. Несмотря на то, что эти данные датируются уже второй половиной XX в., они представляют собой самые ранние образцы живой ижорской речи, полученные непосредственно от носительницы языка, и относятся к тому же сойкинскому диалекту, что и сказка «Золотая птица» [Porkka 1885]. Согласно данным П. Аристе, Кристина Андреева родилась и выросла в деревне *Saarove* (Югантово), затем вышла замуж и большую часть жизни провела в соседней деревне *Tarinaissi* (Андреевщина) [Ariste 1960: 8], где ранее в конце XIX в. как раз была записана вышеупомянутая сказка. В итоговую выборку в качестве образцов ижорской речи XX в. вошли семь нарративов К. Андреевой (№№ 1—6, 14 в записи [Ariste 1960]). Общий объем клауз, извлеченных из этих текстов, составил 61 единицу.

3. Анализ данных: современная ситуация

Как видно из примеров (1—2), в современном водском и ижорском языках субъектное местоимение может как присутствовать, так и опускаться. Для более точной оценки был проведен статистический анализ имеющихся данных (полевые записи Ф. И. Рожанского и Е. Б. Маркус 2011 г.¹⁰ для ижорского, полевые записи Ф. И. Рожанского, Е. Б. Маркус [Маркус, Рожанский 2017]¹¹ и Т. Б. Агранат [Агранат 2012] для водского). Непосредственные количественные данные по всем этим моделям представлены в таблице 1:

Таблица 1. Современный водский и ижорский языки:
соотношение различных референциальных моделей по параметру ($\pm$ субъектное местоимение)
в зависимости от лица и времени на основе данных полевых исследований

Тип модели	Водский язык, M&P 2017	%	Водский язык, [Агранат 2012]	%	Ижорский язык, M&P 2011	%
1-2 PRS +pronoun	24	67%	21	64%	46	46%
1-2 PRS -pronoun	12	33%	12	36%	54	54%
3 PRS +pronoun	4	50%	6	46%	31	97%
3 PRS -pronoun	4	50%	7	54%	1	3%
1-2 PST +pronoun	43	83%	30	73%	19	70%
1-2 PST -pronoun	9	17%	11	27%	8	30%
3 PST +pronoun	14	67%	18	64%	15	75%
3 PST -pronoun	7	33%	10	36%	5	25%
ВСЕГО	117	100%	115	100%	179	100%

¹⁰ Далее — M&P 2011.

¹¹ Далее — M&P 2017.

Попарный статистический анализ, примененный в отношении всех представленных в таблице 1 восьми групп клауз, подтвердил значимое (биномиальный критерий, $p\text{-value} < 0.05$) преобладание моделей с местоимением во всех исследуемых группах клауз в обоих языках, за исключением презентных клауз с субъектом 1-го/2-го лица в ижорском языке и презентных клауз с субъектом 3-го лица в водском языке, где имеющиеся количественные данные не позволяли говорить о преобладании какой-то одной из моделей. При этом не было выявлено никаких значимых различий между водскими данными (M&P 2017), с одной стороны, и [Агранат 2012], с другой стороны.

В то же время анализ практически не обнаружил существенных различий между частотностью каждой из стратегий в водском языке по сравнению с ижорским: единственное значимое различие (критерий χ^2 -квадрат, $p\text{-value} < 0.05$) было обнаружено в клаузах с субъектом 1-го и 2-го лица, где в ижорском языке местоименная модель представлена реже по сравнению с водским. При этом ижорские и водские количественные данные по соотношению местоименных и безместоименных моделей обнаружили значительное сходство с данными русского языка (от 2/3 до 3/4 клауз с местоимением, в зависимости от жанра текста, согласно данным [Kibrik 1996; Grenoble 2001]). В целом данный анализ позволил сделать вывод о том, что референциальная стратегия в современном ижорском и водском языках схожа с русской.

4. Данные XIX в.: обзор памятников и результаты их сопоставления с современными нарративами

4.1. Результаты анализа водских и ижорских текстов XIX в.

Общий объем релевантных клауз, извлеченных из текстов XIX в., составил 219 единиц для центральноводского диалекта (котельский говор), 52 единицы для нижнелужского диалекта водского языка (кракольский говор) и 92 — для ижорского языка. Весь анализ проводился по 8 моделям клауз, аналогично процедуре, примененной к современным данным (см. раздел 3).

Результаты анализа отразили следующую картину: и в водском языке (как в центральноводском, так и в нижнелужском диалекте), и в сойкином ижорском языке в сказках XIX в. в претеритных клаузах с субъектом 3-го лица констатируется преимущественно аффиксальная стратегия маркирования референции — тогда как в современном языке в этих моделях уже доминирует местоименно-аффиксальная модель (см. таблицы 2—3, значимое¹² изменение в субъектной референции 3-го лица выделено серым). Ситуация же в 1-м и 2-м лице остается без изменений — и в XIX, и в XX вв. в обоих языках в этих формах немаркированной является модель с субъектным местоимением. Тем самым, в истории водского и ижорского языков обнаруживается значимая экспансия местоимений 3-го лица (период XX в.). При этом данные нижнелужских и центральноводских говоров XIX в. еще не обнаруживают значимых различий относительно друг друга.

Таблица 2. Водский язык

	[Ahlqvist 1856], центр-вод. диалект	%	[Mustonen 1883], нижнелуж. диалект	%	M&P 2017, нижнелуж. диалект	%
1-2 PRS +pronoun	47	53%	16	67%	24	67%
1-2 PRS -pronoun	41	47%	8	33%	12	33%
3 PRS +pronoun	13	50%	4	67%	4	50%
3 PRS -pronoun	13	50%	2	33%	4	50%
1-2 PST +pronoun	21	60%	6	60%	43	83%
1-2 PST -pronoun	14	40%	4	40%	9	17%
3 PST +pronoun	25	38%	4	33%	14	67%
3 PST -pronoun	45	62%	8	67%	7	33%
ВСЕГО	219		52		117	

¹² Критерий χ^2 -квадрат, $p\text{-value} < 0.01$.

Таблица 3. Ижорский язык (сойкинский диалект)

	[Porkka 1885]	%	M&P 2011	%
1-2 PRS +pronoun	18	62%	46	46%
1-2 PRS -pronoun	11	38%	54	54%
3 PRS +pronoun	0	N/A	31	97%
3 PRS -pronoun	2	N/A	1	3%
1-2 PST +pronoun	8	50%	19	70%
1-2 PST -pronoun	8	50%	8	30%
3 PST +pronoun	9	20%	15	75%
3 PST -pronoun	36	80%	5	25%
ВСЕГО	92		179	

При этом, согласно полученной картине, в водском и ижорском языках XIX в. в субъектной референциальной модели 1-го/2-го vs. 3-го лица наблюдалась асимметрия, во многом противоположная той, что присутствует в современном финском и ряде других финно-угорских языков, где местоимения 3-го лица, в отличие от дейктических личных местоимений, практически не опускаются. В водских и ижорских сказках XIX в., наоборот, именно в 3-м лице в претерите, основной являлась стратегия без личного местоимения (8—9), тогда как в 1-м и 2-м лицах местоименная модель в большинстве контекстов доминировала:

(5) Водский язык, *Kuuptsa' Emmänä poika* 'Сын жены купца' [Ahlqvist 1856]:

Ø_{pro} ajđ-i-ø lawгаа-' tüwe oposee-'
 гнать-PST-3SG лавка-GEN.SG к лошадь-GEN.SG
 'Пригнал [он] к лавке лошадь'

(6) Ижорский язык, «Золотая птица» [Porkka 1885; Рожанский, Маркус 2012: 467]:

Ø_{pro} männ-i-t kolme-n kezen tē-dä mōdä
 идти-PST-3PL три-GEN между дорога-PTV.SG вдоль
 'Пошли они втроем по дороге'

Однако в связи с тем, что исследовались лишь сказочные нарративы, может возникнуть вопрос о том, правомерно ли переносить их данные на ижорский и водский языки XIX в. в целом, без поправок на жанр сказки, для которого может быть характерен свой собственный синтаксис. В рамках данной работы окончательно ответить на подобный вопрос нельзя, поскольку синтаксис сказок в языках мира в целом изучен мало и несистемно, а синтаксис отдельно взятых ижорских и водских сказок по сравнению с текстами других жанров, написанными на этих языках, не изучался вообще. Однако для данного исследования было принято решение посмотреть на ситуацию шире и изучить референциальную стратегию в сказках соседних языков — прежде всего в русских сказках, с целью обнаружения потенциальных отклонений от стандартного узуса. Результаты, полученные в ходе анализа русских сказок в сопоставлении с ижорскими и водскими, представлены ниже.

4.2. Сопоставительный обзор русских, водских и ижорских сказок XIX в.

Как уже отмечалось в разделе 4.1, синтаксис и, в частности, особенности референции в фольклорных текстах на данный момент фактически не изучались. В силу этого в данном разделе будут представлены лишь общие тенденции, выявленные в ходе статистического анализа данных одной русской, одной ижорской и трех водских сказок, а также их сопоставления с общими данными без детальных статистических подсчетов.

Из имеющихся немногочисленных работ по синтаксису фольклорной прозы в качестве самого объемного и релевантного для данного анализа можно отметить исследование [Борковский 1981], где сравниваются русские и белорусские сказки. И для тех, и для других в качестве характерных особенностей автор отмечает периодическое отсутствие местоимения 3-го лица — что, в свою очередь, совпадает с обнаруженной особенностью в ижорской и водских сказках. Так, в русских сказках подлежащее часто опускается в том случае, если оно совпадает с субъектом предыдущей клаузы [Борковский 1981: 9]:

(7) *Иван-царевич лежал мертв на том месте ровно тридцать дней*

(8) и в то время набежал на него **Серый Волк** и узнал¹³ по духу *Ивана-царевича*

(9) *Он* захотел помочь ему — ожить, да не знал, как это сделать.

(«Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке», сказка № 168 в записи А. Н. Афанасьева, 1873 г.).

Тем самым можно видеть, что тенденция к опущению местоимений 3-го лица, очевидно, является общей особенностью как русских, так и ижорских и водских народных сказок. С учетом этого факта, а также того, что сюжет ижорской сказки «Золотая птица» во многом повторяет сюжет приведенной в (7—9) русской «Сказки об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке», было решено проследить референциальную стратегию в этой сказке для сопоставления с ижорскими и водскими текстами того же времени.

Итоговый сравнительный статистический подсчет референциальных конструкций выявил значительно большее количество безместоименных моделей 3-го лица с глаголом в претерите в языке ижорских и водских сказок по сравнению с русской¹⁴ (χ -квадрат, p -value < 0.01):

Таблица 4

	Водский [Ahlqvist 1856]	%	Ижорский [Porkka 1885]	%	Русский, 1873 г.	%
3 PST +pronoun	25	38%	9	20%	22	73%
3 PST -pronoun	45	62%	36	80%	8	37%
ВСЕГО	70		45		30	

Данные русской сказки 1873 г. было решено сравнить с корпусными данными современного русского языка. В качестве последних был выбран корпус «Веселые истории из жизни»¹⁵ (далее — ВИЖ), представляющий из себя 20 устных и 20 письменных рассказов о какой-либо забавной истории из жизни говорящего. Аналогично процедуре, проведенной для текстов XIX в., из корпуса ВИЖ были извлечены все релевантные финитные клаузы с личным местоимением и без него (всего 857 клауз) и, в зависимости от лица субъекта, распределены по соответствующим колонкам. Затем соотношение местоименных и безместоименных клауз, полученное по данным корпуса ВИЖ, статистически сравнивалось с аналогичным соотношением, выявленным по данным сказки 1873 г., с целью потенциального обнаружения значимых различий.

Итоговые данные показали, что соотношение местоименных и безместоименных претеритных клауз с субъектом 3-го лица в русской сказке 1863 г. значительно отличалось от аналогичного соотношения в корпусе ВИЖ (χ -квадрат, p -value < 0.05):

Таблица 5

	Устный корпус ВИЖ	92%	Письменный корпус ВИЖ	79%	Сказка 1873 г.	
3 PST +pronoun	97	92%	60	79%	22	73%
3 PST -pronoun	8	8%	16	21%	8	37%

Можно видеть, что тенденция к анафорическому опусканию субъекта 3-го лица является общей как для ижорских и водских, так и для русских сказок, однако в ижорских и водских сказках она проявляется значительно сильнее, чем в русской сказке (см. таблицу 4). В силу этого можно допустить, что подобная тенденция к аффиксальной стратегии в 3-м лице в ижорском и водском языках XIX в. была характерна не только для сказок, но и для референциальной модели в целом. Однако особый интерес представляют промежуточные с хронологической точки зрения данные первой половины и середины XX в.: в случае обнаружения модели, аналогичной той, что была обнаружена в сказках XIX в., вывод о ее значимом присутствии в ижорском и водском языке соответствующего времени получит дополнительное подтверждение. Для проверки этого тезиса в разделе 5 будут представлены результаты анализа нескольких водских нарративов, записанных Я. Я. Ленсу в 1927—1928 гг., и ижорских рассказов, записанных П. Аристе в 1957 г.

¹³ Сочинительное сокращение в составе одного предложения в анализе не учитывалось (см. раздел 2), поэтому синтаксический ноль перед глаголом второй клаузы во всех подобных примерах не ставился.

¹⁴ «Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке» (№ 168 в сборнике А. Афанасьева, 1873 г.)

¹⁵ <http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=02funny>

5. Данные середины XX в. в контексте более ранних и современных данных

5.1. Водские данные

В качестве источника водского языка 1-й половины XX в. были взяты записи центральноводских и нижнелужских записей, сделанных в 1920-х гг. экспедицией Я. Я. Ленсу (225 вхождений для центральноводского диалекта, 60 вхождений для нижнелужского, см. раздел 2). Все извлеченные клаузы были распределены по временам и лицам, аналогично процедуре, проводимой для текстов XIX в. и современных данных. Итоговый сравнительный статистический подсчет референциальных конструкций выявил значимо большее количество безместоименных моделей 3-го лица с глаголом в претерите в нижнелужском диалекте 1920-х гг. по сравнению с центральноводским диалектом того же времени (χ -квадрат, p -value < 0.01), см. таблицу 6. К сожалению, на данный момент нельзя однозначно сказать, является ли данное различие чисто диалектным или, скорее, идиолектным, поскольку основной объем клауз с редуцированным субъектом 3-го лица был получен только от двух носителей нижнелужского диалекта водского языка, Л. Г. Гаврилова и Л. В. Семенова. Однако за неимением других данных этого же времени и диалектный, и идиолектный сценарий были учтены как возможные.

Таблица 6

	[Ahlqvist 1856], центр.-вод. диалект	%	[Mustonen 1883], н.-луж. диалект	%	1927—1928, н.-луж. диалект	%	1927—1928, центр.-вод. диалект	%
1-2 PRS +pronoun	47	53%	16	67%	7	78%	49	64%
1-2 PRS -pronoun	41	47%	8	33%	2	22%	27	36%
3 PRS +pronoun	13	50%	4	67%	2	67%	3	43%
3 PRS -pronoun	13	50%	2	33%	1	33%	4	57%
1-2 PST +pronoun	21	60%	5	56%	16	58%	58	50%
1-2 PST -pronoun	14	40%	4	44%	12	42%	57	50%
3 PST +pronoun	25	38%	4	33%	7	35%	21	78%
3 PST -pronoun	45	62%	8	67%	13	65%	6	22%
Всего	219		51		60		225	

Фактически, тексты нижнелужских записей 1920-х гг. не обнаружили значимых различий по сравнению с тремя водскими сказками XIX в. В обеих группах текстов в 1-м и 2-м лице преобладает местоименная модель, тогда как в 3-м лице в претерите доминирует модель с опущением местоимения. Этот факт представляется достаточно весомым для подтверждения более общей гипотезы о наличии этой модели в водском языке XIX в. в целом.

Однако центральноводские записи того же времени (в случае трактовки результатов 1920-х гг. как диалектного состояния) уже не демонстрируют этой асимметрии: в них во всех лицах преимущественно доминирует (за исключением 3-го лица с глаголом в презенсе, где не обнаружилось достаточного количества данных) модель с эксплицитно выраженным местоимением. С учетом этих данных вероятно, что развитие местоименной стратегии в водских диалектах могло идти с разной скоростью — в центральноводских говорах, по-видимому, значительно быстрее, чем в нижнелужских. В случае такого исхода появляется дополнительный аргумент в пользу того, что центральноводские говоры не следует объединять с нижнелужскими: помимо фонетики и морфологии, различия между ними прослеживаются и в синтаксисе. Окончательный ответ на вопрос о природе различий в референциальной стратегии в водских диалектах 1920-х гг. (идиолектная vs. собственно диалектная особенность) поможет дать анализ новых данных.

5.2. Ижорские данные

В качестве образцов ижорской речи XX в. в выборку вошло семь нарративов К. Андреевой (№№ 1—6, 14 в записи [Ariste 1960]). Общий объем клауз, извлеченный из этих текстов, составил 61 единицу. Все они были распределены по лицам и временам, аналогично остальным анализируемым данным, и сопоставлены с данными сказки 1885 г., с одной стороны, и современными данными 2011 г., с другой стороны, см. таблицу 7.

Итоговый анализ показал, что в претеритных клаузах с субъектом 3-м лице, извлеченных из нарративов К. Андреевой, местоимения преимущественно опускаются, аналогично сказке XIX в. Статистически

Таблица 7

	1885 г., вхождений	%	1957 г., вхождений	%	2011 г., вхождений	%
1-2 PRS +pronoun	18	62%	2	50%	46	46%
1-2 PRS -pronoun	11	38%	2	50%	54	54%
3 PRS +pronoun	0	N/A	0	N/A	31	97%
3 PRS -pronoun	2	N/A	0	N/A	1	3%
1-2 PST +pronoun	8	50%	13	41%	19	70%
1-2 PST -pronoun	8	50%	19	59%	8	30%
3 PST +pronoun	9	20%	6	24%	15	75%
3 PST -pronoun	36	80%	19	76%	5	25%
ВСЕГО	92		61		179	

данное соотношение значимо (χ -квадрат, p -value < 0.01) отличается от современной ситуации, где местоимения уже в большинстве случаев не опускаются. При этом в рассказах К. Андреевой выявилась другая особенность: помимо 3-го лица, в претеритных клаузах субъектные местоимения преимущественно опускались и в 1-м/2-м лицах (см. таблицу 7, выделено серым). Можно предположить, что в случае К. Андреевой выбору безместоименной стратегии по ходу всех рассказов способствовали дополнительные дискурсивные факторы; нельзя также исключать того, что это в целом являлось особенностью ее идиолекта. Однако и здесь можно видеть большой процент безместоименных моделей в 3-м лице по сравнению с остальными.

Таким образом, ижорские данные XX в., как и водские, подтверждают гипотезу об имевшейся асимметрии 1-го/2-го vs. 3-го лица в референциальной стратегии этих языков XIX — начала XX вв.

6. Возможные причины экспансии местоимений в ижорском и водском языках в типологическом контексте

6.1. Замечания об асимметрии субъектной референции 1-го/2-го vs. 3-го лица в языках мира

Согласно текстам XIX—XX вв., в истории водского и ижорского языков восстанавливается асимметрия 1-го/2-го vs. 3-го лица в субъектной референциальной стратегии: в 1-м и 2-м лицах с глаголом в претерите местоимения преимущественно употребляются, тогда как в 3-м лице они, наоборот, чаще опускаются:

(10) Водский, нижнелужский диалект:

a. *miä tul-i-n kotõ*
1SG приходить-PST-1SG дом.ILL.SG
'Я пришла домой' [Ленсу 1930: 303]

b. *mis siä e-t tul-ли mejzã?*
что 2SG NEG-2SG приходить-PTCP.ACT мыза.ILL.SG
'Почему (букв. «что») ты не пришел на мызу?' [Ленсу 1930: 298]

c. *siälä pit-i-ø*
там держать-PST-3SG
'Там [он] держал' [Ленсу 1930: 298]

Однако в контексте других финно-угорских языков эта модель является достаточно редкой. Как уже отмечалось ранее, для многих из них в немаркированных контекстах преимущественно характерна либо безместоименная аффиксальная стратегия во всех лицах (венгерский, мордовский, удмуртский), либо — факультативно — в 1-м и 2-м лицах, в противоположность 3-му лицу, где местоимения обычно употребляются (финский, эстонский [Vainikka, Levy 1999; Duvallon, Chalvin 2004; Holmberg 2016]):

(11) Финский:

a. *Minä/Ø_{pro} puhu-i-n suome-a*
я говорить-PST-1SG финский-PTV
'Я говорил по-фински'

- b. *Sinä/Ø_{pro} puhu-i-t* *suome-a*
 говорить-PST-2SG финский-PTV
 ‘Ты говорил по-фински’
- c. *Hän /*Ø_{pro} puhu-i-ø* *suome-a*
 3SG говорить-PST-3SG финский-PTV
 ‘Он(а) говорил(а) по-фински’

По сути, стратегия, представленная в ижорском и водском языках XIX — начала XX вв., является «обратной» по отношению к финской и эстонской. С учетом такой внешней необычности ее наличие в других языках, за пределами уральской семьи, представляет отдельный интерес.

Можно отметить, что в языках мира в целом модель с опусканием местоимений 3-го лица, в противоположность 1-му и 2-му лицам, не является исключительно редкой. В частности, она представлена в древневерхненемецких текстах IX в. (Монзейские фрагменты, переводные трактаты Исидора и Татиана) [Axel 2007: 314]. Эти тексты являются самыми ранними и вместе с тем последними памятниками древневерхненемецкого языка, где еще отражаются следы архаичной индоевропейской безместоименно-аффиксальной стратегии. В этой связи показательно, что в истории немецкого языка прослеживается ровно тот же путь референциальной перестройки, как и — предположительно — в ижорском и водском языках: ранее всего субъектные местоимения становятся обязательными в 1-м и 2-м лицах, а в 3-м лице устанавливаются позднее.

Эти данные указывают на общую теоретическую возможность такого развития событий и, с учетом эмпирических данных, позволяют на данном этапе предполагать этот путь для ижорского и водского языков.

Вместе с тем возникает неизбежный вопрос о возможных причинах произошедшей экспансии местоимений 3-го лица в этих языках. Для этого представляется необходимым рассмотреть внутриязыковые и внешние факторы, которые потенциально могли способствовать такому развитию событий. В связи с этим ниже будет предварительно рассмотрен аналогичный процесс в других документированных языках.

6.2. Внутриязыковые причины экспансии местоимений

Экспансия местоимений, схожая с той, которая была обнаружена в водском и ижорском языках, имела место в германских и восточнославянских языках. Причины экспансии местоимений в этих языках традиционно связываются с утратой личных глагольных аффиксов, сделавшей однозначную идентификацию субъекта невозможной и повлекшей за собой распространение нового аналитического показателя — личного местоимения¹⁶. Диахронические данные ряда германских языков подтверждают эту гипотезу (см., в частности, [van Gelderen 2013] для английского). Впоследствии для языков типа немецкого, имеющих местоименную референциальную стратегию, но при этом сохранивших лично-числовую флексию (12), эта гипотеза была уточнена Г. Мюллером [Müller 2005], который обратил внимание на системный синкретизм некоторых глагольных форм (таблица 8):

(12) Немецкий (Philip Poisel, “Wie soll ein Mensch das ertragen”):

Ich führ-e dich wohin du will-st
 1SG вести.PRS-1SG 2SG.ACC куда 2SG хотеть.PRS-2SG
 ‘Я веду тебя, куда ты хочешь’

Таблица 8. Немецкий язык, спряжение глагола *laufen* ‘бегать’

	PRS
1SG	<i>ich lauf-e</i>
2SG	<i>du läuf-st</i>
3SG	<i>er/sie/es läuf-t</i>
1PL	<i>wir lauf-en</i>
2PL	<i>ihr lauf-t</i>
3PL	<i>sie lauf-en</i>

¹⁶ Взаимосвязь между дифференцированной личной глагольной флексией и отсутствием эксплицитно выраженного личного местоимения широко освещалась как в генеративных [Taraldsen 1978; Rizzi 1986; Roberts 2014], так и в функционалистских работах [Siewierska 2004].

Сопоставляя подобный синкретизм личных аффиксов с обязательной местоименной стратегией, Г. Мюллер [Müller 2005: 10] предложил этому следующее объяснение: финитная вершина, ранее позволявшая идентифицировать референта (у Мюллера — нулевое личное местоимение *pro*), в ходе развития системного синкретизма окончаний подверглась обеднению¹⁷, нейтрализовавшему его (отдельные) согласовательные признаки. В силу этого в немецком языке условий для нулевой единицы нет, и поэтому возникли условия для развития стратегии с эксплицитно выраженным субъектным местоимением. Диакронические данные немецкого языка действительно подтверждают эту гипотезу: согласно [Axel 2007: 322], утрата противопоставления 1PL и 3PL приходится на окончание древневерхнемецкого периода, и именно за ней следует, согласно этим же данным, экспансия выраженных личных местоимений¹⁸. Развитие местоименной стратегии в истории русского языка имеет схожую природу и, согласно ряду исследований [Зализняк 2008; Meyer 2011; Буденная 2017], восходит к утрате глагольных связей в перфекте и именных клаузах, ранее содержавших дифференцированную лично-числовую флексию.

Однако для ижорского и водского языков, в отличие от восточнославянских и германских, никакого синкретизма глагольных аффиксов не прослеживается. На данный момент и в водском, и в ижорском языках финитный глагол имеет дифференцированную систему личных окончаний без признаков системного совпадения в каких-либо лицах:

Таблица 9. Водский язык, система личных форм финитного глагола [Лаанест 1993: 53]

1SG	-n
2SG	-d
3SG	-b (в презенсе)/-ø (в претерите)
1PL	-mma/-mmä
2PL	-tta/-ttä
3PL	-vad/-väd

Таблица 10. Ижорский язык, сойкинский диалект, система личных форм финитного глагола [Markus, Rozhanskiy (in print)]

	sg	pl
1	-n	-mma/-mmä
2	-d	-tta/-ttä
3	PRS	-b
		-vad/-väd
		-jaa/jää
		-jaad/-jääd
		Ø
		-d
	PST	Ø
		-vad/-väd
		-d

Тем самым, можно видеть, что внутриязыковой сценарий с утратой аффиксов не подходит для объяснения экспансии местоимений в водском и ижорском языках. С учетом этих данных представляется правомерным говорить о том, что причина перестройки субъектной референциальной модели в ижорском и водском, по всей вероятности, не была вызвана внутренними причинами. Ниже будут рассмотрены внешние факторы, которые могли бы быть способны ее спровоцировать. Предварительно будет дан краткий обзор современной социолингвистической ситуации для рассматриваемых языков.

6.3. Ареальное влияние как причина экспансии местоимений

На данный момент все носители водского и ижорского языков являются двуязычными (второй язык — русский). Сами же ижорский и водский языки включены ЮНЕСКО в Атлас исчезающих языков мира¹⁹

¹⁷ Термин восходит к концепции распределенной морфологии [Halle, Marantz 1993].

¹⁸ Любопытно, что в той же работе [Axel 2007: ch 6] происходит параллельный поиск причины немецкой экспансии местоимений, и, несмотря на обнаружение автором «состыковки» частичной утраты глагольной парадигмы и последующей экспансии местоимений, последнее не признается убедительным основанием для причинно-следственной связи, поскольку, согласно более раннему подходу [Rizzi 1986], для распространения немаркированных субъектных местоимений должна произойти полная утрата глагольной парадигмы, а в немецком она «не была столь существенной» [Axel 2007: 323]. В конечном итоге, проанализировав разные другие теоретически возможные причины экспансии местоимений, неубедительные на немецком материале, автор приходит к выводу о том, что изначальная причина по-прежнему остается «открытой» [Axel 2007: 327].

¹⁹ <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap>

с пометами *severely endangered* и *critically endangered* соответственно. Все носители обоих языков являются уже пожилыми людьми и, по самым оптимистичным данным, их число не превышает 5 человек для водского языка и 20 — для ижорского [Rozhanskiy, Zhivlov 2019: 83].

Обнаруженная нами экспансия местоимений 3-го лица в водском и ижорском языках приходится на период XX в. — время массового перехода носителей этих языков на русский. Так, если на момент середины XIX в. (время записи проанализированной нами ижорской сказки «Золотая птица» [Porkka 1885]) ижорцы еще в массе своей были одноязычными [Николаев 2002: 76], хотя язык их уже содержал многочисленные заимствования из русского [Örik 1970: 64], то с началом 1930-х гг. в связи с резким поворотом государственной политики происходит их интенсивная русификация. Открытые в начале 1920-х гг. немногочисленные школы, где велось преподавание на ижорском языке, к середине 1930-х гг. были закрыты, а почти все преподаватели репрессированы [Мусаев 2004: 303]. Последующая Великая Отечественная Война и осуществленное в 1943 г. по инициативе «сверху»²⁰ переселение ингерманландских народов в Финляндию привели к колоссальному сокращению ижорского населения. В силу этого в бывших моноэтнических ижорских деревнях стали селиться русские жители, возросло количество межнациональных браков, и на протяжении всей своей дальнейшей истории ижорский язык активно вытеснялся более престижным русским языком — что и привело в конечном счете к постепенному вымиранию первого.

Для водского языка приходится говорить об аналогичном процессе, с поправками на то, что сокращение числа носителей здесь происходило значительно быстрее: уже в 1922 г. лингвист водского происхождения Д. П. Цветков отмечал, что «большинство людей утратило свой “материнский язык”, заменив его сильным, красочным русским языком, и для молодого поколения “ваддылайсийи чээли” [вод. ‘водский язык’. — Е. Б.] является почти китайской грамотой» [Tsvetkov 2008/1922: 4], см. также [Kuznetsova et al. 2015: 154]. Во многом этот факт обуславливался тем, что, помимо собственно русского языка, водский язык вытеснялся также и соседним ижорским: в отличие от последнего, водский всегда был бесписьменным языком и по сравнению с ижорским (не говоря уже о русском) всегда считался менее престижным. В силу этого при межнациональных браках, достаточно часто имевших место между ижорой и водью, супруги, как правило, оба переходили на ижорский язык, и многие исконно водские земли постепенно становились ижорскими. Репрессии против коренного населения Ингерманландии печально отразились и на численности носителей водского языка, которых изначально было значительно меньше, чем ижорцев.

С точки зрения типа контактов, происходившими между русскими, водью и ижорой после 1930-х гг., можно говорить о резком переходе последних двух народов на русский язык, причем в первую очередь речь идет о массово возросших контактах между взрослыми носителями. Эти параметры языковых изменений, согласно П. Традгилу [Trudgill 2011], свидетельствуют о тенденции языкового изменения в сторону уменьшения сложности. Появление дополнительных субъектных местоимений 3-го лица, по аналогии с ранее распространившимися местоимениями 1-го и 2-го лиц, может служить примером «упрощения» языковой системы, вызванного подобным типом контакта. Тем самым прослеживаемая референциальная перестройка в малых прибалтийско-финских языках с достаточной вероятностью объясняется внешними факторами, а именно влиянием соседнего русского языка.

Тем самым наблюдаемая референциальная перестройка в малых прибалтийско-финских языках с достаточной вероятностью может объясняться внешним контактом. В этой связи более быстрая экспансия местоимений в водском языке (полное доминирование местоименной стратегии в центральноводском диалекте уже в начале XX в.) могла быть вызвана тем, что у воды, в отличие от сойкинской ижоры, были более интенсивные контакты с русским населением [Kuznetsova et al. 2015: 155].

Центральноводский диалект, в отличие от нижнелужского, практически не подвергался влиянию ижорского и в основном контактировал с русским языком, в силу чего заимствование соответствующей местоименной стратегии могло проходить в нем быстрее. Более медленное течение этого процесса в нижнелужском диалекте, зафиксированное в конце 1920-х гг., могло быть связано с некоторым влиянием соседнего ижорского языка, где экспансия местоимений в целом шла медленнее.

²⁰ Несмотря на то, что официально переселение считалось «добровольным», все бывшие участники соответствующих событий сообщали ученым, что на принудительный переезд им отводилось 24 часа ([Kuznetsova et al. 2015: 157—158]; см. также воспоминания очевидицы [Филатова 2003]). Впоследствии в ходе депортации многие погибли в эстонском концлагере Клоога, а в 1944 г., когда было разрешено вернуться на территорию СССР, селиться на прежних территориях официально запрещалось [Kuznetsova et al. 2015: 158].

7. Заключение

В статье был подробно рассмотрен процесс экспансии местоимений в истории водского и ижорского языков — двух малых языков прибалтийско-финской группы, находящихся под угрозой исчезновения. Этот процесс был рассмотрен для глагольных клауз; гипотеза о потенциальной роли именных клауз в процессе экспансии местоимений не рассматривалась в силу недостаточного количества именных клауз в исследуемых текстах. Было установлено, что в самых ранних водских и ижорских текстах (сказках, записанных во второй половине XIX в.) в претеритных клаузах наблюдается асимметричная референциальная стратегия: в 1-м и 2-м лицах доминирует модель с использованием субъектного местоимения, тогда как в 3-м лице местоимения преимущественно опускаются. Данная модель отличается от современной, где эксплицитно выраженные местоимения доминируют уже во всех лицах, однако факт ее наличия именно в сказках вызывал некоторые сомнения в правомерности постулирования ее для ижорского и водского языка XIX в. в целом. Для проверки этого тезиса данные сказок были сопоставлены с данными более поздних ижорских и водских нарративов середины XX в., записанных в ходе бесед с информантами. Анализ подтвердил аналогичную асимметрию в этих текстах и вместе с тем предварительно показал, что в разных диалектах водского языка экспансия шла с разной скоростью: в центральноводских говорах местоименная модель к 1920-м гг. уже доминировала во всех лицах, тогда как в нижнелужских еще сохранялась асимметрия, характерная для сказок XIX в.

Наиболее правдоподобными причинами экспансии местоимений представляются внешние контакты с носителями русского языка, массово возросшие в период XX в. (особенно после 1930-х гг.). Данный тип заимствования — распространение субъектных местоимений 3-го лица по аналогии с ранее распространенными местоимениями 1-го и 2-го лиц — может рассматриваться как пример упрощения языковой сложности в результате языкового контакта [Trudgill 2011]. Разница между водскими диалектами также может объясняться с этих позиций: к 1920-х гг. центральноводские говоры в значительно большей мере контактировали с русским языком, чем нижнелужские, где наблюдалось дополнительное влияние ижорского языка. Обнаруженные явления вносят вклад как в исследования отдельно взятых малых прибалтийско-финских языков, синтаксис которых на данный момент еще не исследован полностью, так и в общую типологию языковых контактов.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	NOM — номинатив
ACC — аккузатив	PL — множественное число
ACT — активный залог	PRS — настоящее время
GEN — генитив	PST — прошедшее время
ILL — иллатив	PTCP — страдательное причастие
INDEF — неопределенность	PTV — партитив
NEG — отрицание	SG — единственное число

Литература

- Агранат 2012 — Агранат Т. Б. Водские тексты с поморфемной нотацией. М., 2012. {*Agranat T. B. Votic texts with morpheme-by-morpheme glossing. M., 2012.*}
- Агранат 2017 — Агранат Т. Б. (отв. ред.) Две первые грамматики водского языка. СПб., 2017. {*Agranat T. B. (chief ed.) Two first grammar books of Votic. Saint-Petersburg, 2017.*}
- Борковский 1981 — Борковский В. И. Синтаксис сказок: русско-белорусские параллели. М., 1981. {*Borkovskiy V. I. Syntax of fairy-tales: Russian-Belorussian parallels. M., 1981.*}
- Борковский, Кузнецов 2006 — Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 2006. {*Borkovskiy V. I., Kuznetsov P. S. Historical grammar of the Russian language. M., 2006.*}
- Буденная 2017 — Буденная Е. В. Экспансия местоимений в истории русского языка: точка отсчета // Четырнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 23—25.11.2017. Тезисы докладов. СПб., 2017. С. 18—20. {*Budennaya E. V. Expansion of pronouns in the history of Russia: starting point // Proceedings of the 14th conference on typology and grammar for young researchers. Saint-Petersburg, 23—25.11.2017. SPb., 2017. P. 18—20.*}
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. {*Zalizniak A. A. Old Novgorod dialect. M., 2004.*}

- Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008. {*Zalizniak A. A.* Old Russian enclitics. M., 2008.}
- Лаанест 1993 — *Лаанест А.* Водский язык // Языки мира. Уральские языки / Гл. ред. Ярцева В. Н. М., 1993. С. 48—55. {*Laanest A.* Votic // Languages of the world. The Uralic languages / Chief ed. Yartseva V. N. M., 1993. P. 48—55.}
- Ленсу 1930 — *Ленсу Я. Я.* Материалы по говорам воды // Западно-финский сборник / Ред. Бартольд В. В. Л., 1930. С. 201—305. {*Lensu Ya. Ya.* Materials on dialects of the Votic // North-Finnic collection / Ed. Bartold V. V. Leningrad, 1930. P. 201—305.}
- Лыткин 1955 — *Лыткин В. И.* (ред.). Современный коми язык. Часть первая. Фонетика. Лексика. Морфология. Сыктывкар, 1955. {*Lytkin V. I.* (ed.). Contemporary Komi. Part One. Phonetics. Lexicon, Morphology. Syktyvkar, 1955.}
- Майтинская 1993 — *Майтинская К. Е.* Финно-угорские языки // Языки мира. Уральские языки / Гл. ред. Ярцева В. Н. М., 1993. С. 20—31. {*Maitinskaya K. E.* Finno-Ugric languages // Languages of the world. The Uralic languages / Chief ed. Yartseva V. N. M., 1993. P. 20—31.}
- Маркус, Рожанский 2017 — *Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И.* Современный водский язык: тексты и грамматический очерк. М., 2017. {*Markus E. B., Rozhanskiy F. I.* Contemporary Votic: texts and grammatical description. M., 2017.}
- Мусаев 2004 — *Мусаев В. П.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX веке. СПб., 2004. {*Musaev V. P.* Political history of Ingria in the late 19th — early 20th centuries. SPb., 2004.}
- Муслимов 2005 — *Муслимов М. З.* Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. СПб., 2005. {*Muslimov M. Z.* Language contacts in West Ingria (lower Luga region). Doctor of Philosophy thesis: 10.02.20. SPb., 2005.}
- Николаев 2001 — *Николаев И. С.* Основные тенденции в изменении грамматической системы ижорского языка в течение XX века // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7—13.8.2000. Tartu. Part V. Dissertationes sectionum. Linguistica II. Tartu, 2001. С. 449—453. {*Nikolaev I. S.* Main tendencies of change in grammar system of Ingrian in the course of the 20th century // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7—13.8.2000. Tartu. Part V. Dissertationes sectionum. Linguistica II. Tartu, 2001. P. 449—453.}
- Николаев 2002 — *Николаев И. С.* Отмирание языка: на материале сойкинского диалекта ижорского языка. Дисс. ... канд. филологических наук: 10.02.19. СПб., 2002. {*Nikolaev I. S.* Language fading: on the materials of the Soikkola dialect of Ingrian. Doctor of Philosophy thesis: 10.02.19. SPb., 2002.}
- Рожанский, Маркус 2012 — *Рожанский Ф. И., Маркус Е. Б.* «Золотая птица» (публикация ижорской сказки, записанной в XIX веке) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. Т. VIII. Ч. 1. С. 448—503. {*Rozhanskiy F. I., Markus E. B.* “The golden bird” (publication of an Ingrian folktale collected in the 19th century) // Acta Linguistica Petropolitana. Papers of the Institute for Linguistic Studies RAS. 2012. Vol. VIII. Part 1. P. 448—503.}
- Филатова 2003 — *Филатова Е. Н.* Детство, опаленное войной. СПб., 2003. {*Filatova E. N.* Childhood burnt by war. SPb., 2003.}
- Adams, Mallory 2006 — *Adams D. Q., Mallory J. P.* The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and Indo-European World. Oxford, 2006.
- Ahlqvist 1856 — *Ahlqvist A.* Wotisk grammatik jemte sprakprof och ordforteckning. Helsingfors, 1856. (Acta Societatis Scientiarum Fennicae VI).
- Ariste 1960 — *Ariste P.* Isuri keelenäiteid // Keele ja kirjanduse instituudi uurimused V. 1960. P. 7—68.
- Axel 2007 — *Axel K.* Studies in Old High German syntax. Left sentence periphery, verb Placement and verb-second. Amsterdam, 2007.
- Dryer 2013 — *Dryer M.S.* Expression of Pronominal Subjects // World Atlas of Language Structures. The Interactive Reference Tool / Eds. Haspelmath M. et al. Munich, 2011. Chapter 101, <http://wals.info/feature/101A>
- Duvallon, Chalvin 2004 — *Duvallon O., Chalvin A.* La réalisation zéro du pronom sujet de première et de deuxième personne du singulier en finnois et en estonien parlés // Linguistica Uralica. 2004, 40 (4) P. 270—286.
- Ernits 2005 — *Ernits E.* Vadja keele varasemast murdeliigendusest ja hilisemast haabumisest // Piiri-kultuuriq ja -keeleq. Konvorentá Kurgjarvel, 21—23 rehekuu 2004. Toim.K. / Eds. Pajusalu K., Rahman J. Võro, 2005. P. 76—90.
- van Gelderen 2013 — *van Gelderen E.* Null subjects in Old English // Linguistic Inquiry. 2013, 44 (2). P. 271—285.
- Grenoble 2001 — *Grenoble L.* Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian // Glossos 1, <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf>
- Halle, Marantz 1993 — *Halle M., Marantz A.* Distributed morphology and the pieces of inflection // The view from building 20 / Eds. Hale K., Keyser S. J. Cambridge, 1993. P. 111—176.
- Holmberg 2016 — *Holmberg A.* (to appear) Null subjects and the theory of pro-drop // Uralic syntax / Ed. Tamm A., Vainikka Y. Oxford, <https://ling.auf.net/lingbuzz/003138>
- Hopper 1975 — *Hopper P. J.* The Syntax of the Simple Sentence in Proto-Germanic. The Hague, Paris, 1975.
- Jakobson 1971/1935 — *Jakobson R.* Les enclitiques slaves. Selected Writings. Vol. II. The Hague, 1971. P. 16—22. (Original publication: Atti del Congresso di Linguistica tenuto in Roma il 19—26 Settembre 1933. Firenze, 1935.)

- Kibrik 1996 — *Kibrik A. A.* Anaphora in Russian narrative prose: A cognitive calculative account // *Studies in Anaphora* / Ed. Fox B. A. Amsterdam, 1996. P. 266—303.
- Kibrik 2011 — *Kibrik A. A.* Reference in discourse. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Kibrik 2013 — *Kibrik A. A.* Peculiarities and origins of the Russian referential system // *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska* / Eds. Bakker D., Haspelmath M. Berlin, 2013. P. 227—263.
- Kuznetsova et al. 2015 — *Kuznetsova N., Markus E., Muslimov M.* Finnic minorities of Ingria: The current sociolinguistic situation and its background // *Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union. (Multilingual Education 13: Comparative studies on equality and diversity.)* / Eds. Marten H., Riessler M., Saarikivi J., Toivanen R. Berlin, 2015. P. 127—167.
- Luis, Spencer 2012 — *Luis A., Spencer A.* Clitics: An Introduction. Cambridge, 2012.
- Markus, Rozhanskiy (in print) — *Markus E., Rozhanskiy F.* Ingrian // *The Oxford Guide to the Uralic Languages* / Eds. Laakso J., Bakró-Nagy M., Skribnik E. Oxford (in print).
- Meyer 2011 — *Meyer R.* The History of Null Subjects in North Slavonic (A Corpus-based Diachronic Investigation). Habilitation Thesis. Regensburg, 2011.
- Mustonen 1883 — *Mustonen O. A. F.* Muistoonpanoja Vatjan kielestä // *Virittäjä*, 1883. S. 144—188
- Müller 2005 — *Müller G.* Pro-drop and Impoverishment // *Form, structure and grammar* / Eds. Brandt P., Fuss E. Tübingen, 2005. P. 93—115.
- Öpik 1970 — *Öpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj lopul: Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970.
- Porkka 1885 — *Porkka V.* Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanlandischen Dialekte. Helsingfors, 1885.
- Privizentseva 2015 — *Privizentseva M.* Free relatives in Moksha // Paper presented at SSUL 2015, http://ssul.nytud.hu/material/FRC_MPrivizentseva.pdf
- Rizzi 1986 — *Rizzi L.* Null Objects in Italian and the theory of pro // *Linguistic Inquiry*. 1986, 17. P. 501—557.
- Roberts 2014 — *Roberts I.* Taraldsen's generalisation and language change: Two ways to lose null subjects // *Functional Structure from Top to Toe: The Cartography of Syntactic Structures*. 2014. Vol. 9. / Ed. Svenonius P. New York, 2014. P. 115—147 (ch. 5).
- Rozhanskiy, Zhivlov 2019 — *Rozhanskiy F., Zhivlov M.* Votic and Ingrian core lexicon in the Finnic context: Swadesh lists of five related varieties // *Linguistica Uralica*. 2019, 55 (2). P. 81—108.
- Siewierska 2004 — *Siewierska A.* Person. Cambridge, 2004.
- Sovijärvi 1944 — *Sovijärvi A.* Foneettis-aannehistoriallinen tutkimus Soikkolan inkeröismurteesta. (Suomi-kirjan eri-painoksia 5). Helsinki, 1944.
- Taraldsen 1978 — *Taraldsen T.* On the NIC, Vacuous Application, and the That-trace. Bloomington, 1978.
- Trudgill 2011 — *Trudgill P.* Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity. Oxford, 2011.
- Tsvetkov 2008/1922 — *Tsvetkov D.* Vadja keele grammatika (Эсимейн' ваддя чээле грамаатикк. Первая грамматика водьского языка, 1922). Tallinn, 2008.
- Vainikka, Levy 1999 — *Vainikka A., Levy Y.* Empty Subjects in Finnish and Hebrew // *National Language and Linguistic Theory*. 1999, 17. P. 617—671.
- Walkden 2014 — *Walkden G.* Syntactic Reconstruction and Proto-Germanic. Oxford, 2014.
- Winkler 1997 — *Winkler E.* Krewinisch: zur Erschliesung einer ausgestorbenen ostseefinnischen Sprachform. Wiesbaden, 1997. (VSUA 49)
- Wratil 2013 — *Wratil M.* The distribution and reference of subject and object personal pronouns in Nganasan // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2013, 37. P. 241—265.

РЕЗЮМЕ

В статье представлено диахроническое исследование субъектной референции в водском и ижорском языках (уральская семья, прибалтийско-финская группа). На сегодняшний день в этих языках, как и в русском, субъектное местоимение во всех лицах преимущественно выражается эксплицитно (ср. ижорскую фразу *miü muiššan šenen hüväšt* 'Я хорошо это помню'). Тем не менее данная модель не характерна для большинства других уральских языков, где местоимение, как правило, опускается. В этой связи генезис прономинальной субъектной референции в ижорском и водском языках представляет большой интерес. Путем диахронического анализа текстов XIX—XXI вв. в статье показывается, как подобная местоименная модель последовательно развивалась в двух диалектах водского (центральноводском и нижнелужском) и сойкинском диалекте ижорского языка. Для всех идиомов констатируется значимая экспансия местоимений третьего лица в середине XX в. Данный процесс совпадает по времени с массово возросшими контактами носителей этих идиомов с носителями русского языка и может объясняться контактными влияниями.

SUMMARY

The article deals with diachronic study of subject reference in Votic and Ingrian (Finnic branch, Uralic family). At present, in these languages, as in Russian, the subject pronoun is predominantly expressed explicitly (Ingrian: *Miü muiššan šenen hüväšt* 'I remember it well'). However, this pronominal pattern is not typical for other Uralic languages, where the pronoun tends to be omitted (at least in the first and second person). In this regard, the genesis of pronominal referential pattern in Votic and Ingrian languages is of great interest. Based on diachronic analysis of Votic and Ingrian texts (mid 19th — early 21st century), the article shows how the pronominal pattern has developed through the Central and the Lower Luga dialects of Votic and through the Soikkola dialect of Ingrian. All idioms demonstrate a significant expansion of third person subject pronouns in the middle of the 20th century. This process coincides with the period of increased contacts with native speakers of Russian and can thus be explained by contact influence.

Ключевые слова: личное местоимение, субъектная референция, ижорский язык, водский язык, языковые контакты, диахрония

Keywords: personal pronoun, subject reference, Ingrian, Votic, language contact, diachronic study

Буденная Евгения Владимировна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт языкознания РАН (Москва); jane.sdrv@gmail.com

Evgeniya V. Budennaya, National Research University Higher School of Economics; Institute of Linguistics, RAS (Moscow); jane.sdrv@gmail.com

Превербы *nõx* и *jõxi* в западных диалектах хантыйского языка: аспектуальный и дискурсивный анализ¹

1. Введение

Приглагольные служебные слова, или «сателлиты» [Talmy 1985: 138—163], широко обсуждаются как в типологических, так и в конкретно-языковых исследованиях. Одной из причин столь пристального внимания является то, что такие единицы, изначально выражая значения места, направления и способа действия, нередко развивают грамматикализованные употребления, в которых маркируют аспектуальные характеристики ситуации и изменения в аргументной структуре глагола.

Частным случаем сателлитов являются превербы — служебные слова, находящиеся в препозиции к глагольной словоформе и выражающие в первую очередь пространственные значения [Kiefer, Honti 2003; Аркадьев 2015]. Превербы в разных языках проявляют разные морфологические свойства и занимают разные позиции в линейно-синтагматическом континууме — от связанных морфем, как в славянских языках, до более автономных единиц, как в венгерском или немецком. Источником для грамматикализации превербов могут служить слова знаменательных частей речи — наречия, формы существительных, а из слов служебных частей речи — предлоги и послелогов [Аркадьев 2015: 54—57].

Превербы распространены во многих языковых ареалах, в частности в языках Евразии и Кавказа, а среди уральских языков — во всех угорских языках [Kiefer 1997], а также в селькупском языке [Кузнецова и др. 1980: 310—313]. Наиболее подробно в литературе проанализированы превербы венгерского языка [Ladányi 2000; Kiss 2004; Honti 1999a, b], имеются также работы по превербам в обско-угорских языках [Kiefer 1997; Virtanen 2014; Варда 2016; Бурыкин, Соловар 2017; Соловар 2018]. Кроме того, хантыйским превербам посвящены отдельные разделы в работах [Соловар 2011; Каксин 2010]. С более полным обзором работ о превербах в обско-угорских языках читатель может ознакомиться в работе [Нахрочева 2014]. Превербы селькупского языка подробно рассматриваются в [Быконя 1980].

В работах, посвященных обско-угорским языкам, отмечается, что превербы в них развивают аспектуальные употребления [Kiefer 1997: 323]. Превербу *nõx* посвящена работа [Бурыкин, Соловар 2017], в которой сравниваются модели управления глаголов с превербом и без преверба. На материале обширной выборки из 390 глаголов авторы приходят к выводу, что присоединение к глаголу преверба может изменять модель управления глагола: так, глаголы перемещения и нахождения в пространстве при присоединении преверба теряют валентность на место действия. В других случаях модель управления глагола сохраняется: например, глаголы действия обычно сохраняют набор валентностей. Авторы также обращают внимание на то, что иногда присоединение преверба изменяет семантику глагола, и высказывают некоторые частные наблюдения о том, как преверб влияет на аспектуальные свойства глагола.

В статье [Virtanen 2014] обсуждается мансийский преверб *juw* — когнат хантыйского *jõxi*. Автор замечает, что *juw*, как и другие подобные единицы, имеет два типа употреблений: исходные пространственные и грамматикализованные аспектуальные. Свойства этих типов единиц в работе впервые рассматриваются отдельно. Текстовые данные показывают, что аспектуальные употребления *juw* почти всегда сопровождаются показателями субъектно-объектного спряжения на глаголе. Так как объектное спряжение в обско-угорских языках маркирует топикальность прямого объекта, исследовательница заключает, что аспект и топикальность прямого объекта взаимосвязаны. Это наблюдение представляет несомненный интерес и применительно к хантыйскому языку. В нашей работе обсуждению дискурсивного статуса прямого дополнения при глаголе с превербом посвящен раздел 3.2.

Объектом нашего исследования являются превербы западных диалектов хантыйского языка: мы детально рассматриваем превербы *nõx* ‘вверх’ и *jõxi* ‘назад, внутрь, домой’. Выбор именно этих единиц мотивирован тем, что в сравнении с другими хантыйскими превербами эти единицы наиболее частотны и по данным словарей и текстов обнаруживают наибольшее количество непространственных употребле-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири». Авторы благодарят жителей сел Овгорт и Мужы ЯНАО за помощь в сборе данных, Е. В. Кашкина за обсуждение материала и ценные советы, а также анонимных рецензентов, чьи замечания позволили существенно улучшить текст работы. Все дальнейшие ошибки остаются на совести авторов.

ний. Мы не исключаем, что наши выводы могут оказаться верными и для некоторых других превербов хантыйского языка.

Вслед за [Virtanen 2014] мы рассматриваем отдельно исходные, «направительные», и грамматикализованные, «аспектуальные», употребления *nõχ* и *jõχi*. Для обоих случаев употребления этих единиц дается описание их морфологических свойств. Кроме того, в нашей работе при помощи стандартных тестов уточняется аспектуальный статус превербов и более подробно рассматриваются дискурсивные особенности их употребления.

Материалом исследования послужили данные шурышкарского диалекта хантыйского языка (западная группа диалектов), собранные в экспедициях в с. Овгорт и с. Восяхово Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа (2017 г.), а также в с. Казым Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа (2018 г.). В с. Овгорт было опрошено 11 носителей в возрасте от 44 до 70 лет, в с. Восяхово — пять информантов в возрасте от 44 до 65 лет, в с. Казым — 12 носителей в возрасте от 42 до 75 лет. Степень сохранности родного хантыйского языка у носителей достаточно высока, и в большинстве случаев хантыйский язык используется в повседневном общении наряду с русским. Помимо материалов, полученных методом элицитации, в исследовании использовались также тексты и отдельные примеры на тегинском говоре хантыйского языка, который является переходным между шурышкарским и казымским диалектами. В текстах содержится 285 вхождений преверба *nõχ* и 263 вхождения *jõχi*². При записи хантыйских примеров мы используем финно-угорскую транскрипцию для хантыйского языка [Honti 1986; Кошкарева, Соловар 2007]. Примеры сопровождаются поморфемной нотацией, выполненной в соответствии с лейпцигскими правилами глоссирования [Comrie et al. 2008].

Обзор употребления превербов *nõχ* и *jõχi* мы начнем с раздела 2, в котором обсуждаются морфологические свойства направительных и аспектуальных употреблений превербов. Далее в разделе 3 мы обратимся к семантике превербов и отдельно рассмотрим их аспектуальные и дискурсивные функции. В заключительной части (раздел 4) подводятся итоги исследования.

2. Превербы в хантыйском языке: направительные и аспектуальные употребления

2.1. Функции превербов

В грамматических описаниях хантыйских диалектов фиксируется от 7 до 12 превербов. Инвентарь превербов (или по крайней мере ядерная его часть) в разных диалектах примерно совпадает. В грамматическом очерке обдорского диалекта перечислены следующие 12 превербов и даны следующие переводы: *lap* (*lǎp*)³ ‘вплотную’, *nõχ* (*nõχ*) ‘вверх’, *il* (*il*) ‘вниз’, *kim* ‘наружу’, *lukki* ‘в разные стороны’, *nik* ‘к реке’, *wuti* (*wüti*) ‘вверх от реки’, *joxi* (*jõχi*) ‘домой’, *su:ppi* (*suppi*) ‘через’, *e:liti* (*e:liti*) ‘сверху’, *xoś* ‘издалека’, *je:l* (*jel*) ‘дальше вперед’ [Nikolaeva 1999: 35]. В описании казымского диалекта [Каксин 2010: 77—79] упоминается семь превербов: *ara* ‘рассредоточенность действия’, *jel* ‘направленность движения вперед, дальше, в сторону’ / ‘продолжение прерванного действия’, *il* ‘направленность действия вниз’, *nux* (*nõχ*) ‘направленность вверх’ / ‘полнота действия, его завершение или прекращение’, *kim* ‘направленность действия наружу’, *juxi* (*jõχi*) ‘направленность действия внутрь или назад’, *lǎp* ‘полная замкнутость действия’. В работе [Бурыкин, Соловар 2017], также для казымского диалекта, фиксируются следующие восемь превербов: *lǎn* (*lǎp*), *nux* (*nõχ*), *ara* (*ara*), *kim* (*kim*), *il* (*il*), *pelka* (*pelka*), *šõni* (*šõri*), *kǎtna* (*kǎtna*).

Как и другие единицы этого класса, превербы *nõχ* и *jõχi*, по всей видимости, возникли в общеугорскую эпоху и восходят к пространственным наречиям [Honti 1999b: 173]. Согласно [UEW: 308, 851], их источником являются реляционные имена **ni* (возможна также реконструкция варианта **ñu*) ‘верхняя часть’ и **ju* ‘внутренняя часть’. В современном хантыйском языке наряду с превербами имеются также однокоренные им наречия на *-li*, которые используются только в направительной функции. В примерах (1a) и (1b) ниже показана пара *nõχ* и *nõχli*.

- (1) a. *peŋ'a jũχ-a nõχ χuŋχ-ti pit-əs*
Петя дерево-DAT вверх лезть-NFIN.NPST стать-PST[3SG]
‘Петя стал лезть на дерево’ (шур. диал.)

² Корпус текстов на хантыйском языке общим объемом в 42174 словоупотребления, разработанный Е. В. Кашкиным в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012—2014 гг.).

³ В скобках дается запись в финно-угорской транскрипции, если она отличается от приведенной в источнике.

- б. *nõχli wat-man pǎλ-λ-əw*
 вверх.ADV смотреть-CVB бояться-NPST-1PL
 ‘Вверх посмотреть боимся’ [Корпус: «Луна», 15] (шур. диал.)

Примеры (2a) и (2b) ниже иллюстрируют пару *jõχi* и *jõχli*.

- (2) а. *maša kǎt šəs jõχi šuš-əs*
 Маша два час внутри шагать-PST[3SG]
 ‘Маша два часа шла домой’ (шур. диал.)
- б. *ma an-em jõχli põt-s-em*
 я чашка-1SG назад.ADV класть-PST-1SG.SG
 ‘Я поставил свою чашку назад’ (шур. диал.)

Преверб *nõχ* в (1a) и *jõχi* в (2a) употреблены в семантически исходном значении пространственного предела ситуации движения. Однако для них фиксируются также употребления в непространственных контекстах, где преверб выступает в роли аспектуального показателя, как, например, в предложениях (3) и (4) ниже.

- (3) *maša an-λ-al nõχ λ'õχət-s-əlli* / **λ'õχət-əs*
 Маша чашка-PL-3SG вверх мыть-PST-3SG.NSG / мыть-PST
 ‘Маша вымыла тарелки’ (шур. диал.)
- (4) *pet'a χǎλ pǎλ-əλ jõχi λe-s-λi* / *λe-s
 Петя рыба кусок-3SG внутри есть-PST-3SG.SG / есть-PST
 ‘Петя съел кусок рыбы’ (шур. диал.)

Важная особенность аспектуальных употреблений превербов состоит в том, что в сочетаниях с переходными глаголами они совместимы только с глаголами в форме субъектно-объектного спряжения, в которых согласование происходит как с субъектом, так и с объектом (3, 4): так, в примерах (3, 4) используются формы субъектно-объектного спряжения *λ'õχət-s-əlli* (мыть-PST-3SG.NSG) ‘он помыл (их)’ и *λe-s-λi* (есть-PST-3SG.SG) ‘он съел (его)’. Формы глагола, в которых согласование происходит только с субъектом, при аспектуальных употреблениях превербов невозможны. И. А. Николаева [Nikolaeva 1999: 73—76] определяет условия употребления субъектно-объектных показателей в терминах информационной структуры: субъектно-объектные показатели маркируют особый вторично-топикальный статус прямого объекта в противоположность первичному топикю — наиболее активному участнику в текущем высказывании, обычно выражаемому именной группой в субъектной позиции.

Как и в работе [Virtanen 2014], мы рассматриваем аспектуальные употребления превербов как свидетельство их грамматикализации: единицы с изначально направительной семантикой развивают более «грамматические» аспектуальные значения. Известно, что грамматикализация лексической единицы обычно сопровождается потерей автономности и движением по линейно-синтагматическому континууму от автономной словоформы к связанной морфеме [Lehmann 1985]. И действительно, как мы увидим в разделе 2.2, в аспектуальных контекстах единицы *nõχ* и *jõχi* демонстрируют не такие морфологические свойства, как в направительных.

По своей функции в примерах (3) и (4) *nõχ* и *jõχi* в большей степени напоминают глагольные грамматические показатели, чем направительные наречия, и в этом отношении могут рассматриваться как самостоятельный грамматический класс. Тем не менее в этой работе мы воздерживаемся от определения частеречного статуса различных употреблений *nõχ*, *jõχi* и других подобных единиц: мы будем называть их превербами вне зависимости от того, употреблены они в направительной или аспектуальной функции, — вслед за существующими описаниями [Nikolaeva 1999; Каксин 2010]. При этом морфологические различия, которые будут описаны в разделе 2.2, в принципе могут служить критериями отнесения разных употреблений превербов к разным грамматическим классам.

2.2. Морфологические свойства превербов

Морфологический статус превербов частично обсуждается в [Nikolaeva 1999], однако автор не рассматривает отдельно свойства превербов в направительных и в грамматикализованных аспектуальных употреблениях. Свойства эти при более близком рассмотрении оказываются различными: далее мы увидим, что в направительных употреблениях преверб характеризуется большей степенью морфологической автономности, которая, в частности, проявляется в большей линейно-синтагматической свободе

единиц (в понимании [Плунгян 2003: 32—35]) и способности присоединять собственные морфологические показатели. Некоторые морфологические свойства превербов прослеживаются на материале корпуса текстов. Например, и *нӧх* (5), и *жӧхи* (6) могут отделяться от глагола отрицательной частицей.

- (5) *хӱw wantas-s-anən lin хӧтән хӧr пӑта,*
долго бороться-PST-3DU они.DU лебедь образ за
top nemxӧjat nӧx ӧn pit-əs
только никто вверх NEG стать-PST[3SG]
‘Долго боролись они из-за лебединого оперенья, но никто не победил’ [Корпус: «Орел», 134]
(каз. диал.)
- (6) *neməlt хӧjat жӧхи ал есл-а*
никто человек внутрь PRON пускать-IMP
‘Никого внутрь не пускай’ [Корпус: «О спуске собаки», 6] (тегинский говор)

У преверба *жӧхи* в направительном употреблении, как показывает пример (7), также фиксируется использование в постпозиции к глаголу.

- (7) *си тӧн-әл лӱw жӧхи*
FOC идти-NPST[3SG] он назад
‘И вот идет он домой’ [Корпус: «Мешок I», 23] (тегинский говор)

В целом же морфологический статус *нӧх* и *жӧхи* не может быть однозначно определен исходя исключительно из текстовых данных в силу ограниченного объема корпуса и, как следствие, большого числа лакун, которые можно заполнить только путем последовательной проверки с носителями всех логических возможностей. Поэтому далее мы на элицированном материале подробно сопоставим направительные и аспектуальные употребления исследуемых единиц по следующим четырем критериям:

- 1) возможность автономного употребления преверба;
- 2) возможность отделения преверба от глагола;
- 3) возможность изменения порядка следования преверба и глагола;
- 4) модификация преверба маркерами степени и частным отрицанием.

Первые три морфологических критерия, предложенные И. А. Мельчуком в [Мельчук 1997: 161—171], характеризуют положение лексемы в линейно-синтагматическом континууме. Последний критерий, частично связанный с первыми тремя, является в большей степени синтаксическим и определяет то, в какой степени синтаксическая дистрибуция рассматриваемых единиц, а именно возможность их модификации другими единицами, соответствует дистрибуции автономных словоформ.

2.2.1. Линейно-синтагматические свойства превербов

Рассмотрим линейно-синтагматические критерии, определяющие степень морфологической автономности единицы, и попытаемся применить их к изучаемым нами превербам *нӧх* и *жӧхи*. Согласно [Мельчук 1997: 158], прототипическая (сильная) автономность заключается в возможности изолированного употребления единицы в самостоятельном высказывании. Единицы, не обладающие этим свойством, могут проявлять слабую автономность [там же: 160], которая выражается в их отделимости, дистрибутивной вариативности и переставимости (в порядке уменьшения значимости критериев).

Единицы *нӧх* (8) и *жӧхи* (9) в своем прямом направительном значении обладают сильной автономностью, допуская изолированное употребление в качестве ответа на вопрос.

- (8) — *хӧлта waša хунх-əs? — нӧх*
куда Вася залезть-PST[3SG] наверх
‘Куда Вася забрался? — Наверх’ (шур. диал.)
- (9) — *хӧлта sӧх-ət ал-s-әллан? — жӧхи*
куда шкура-PL тащить-PST-2SG.NSG внутрь
‘Куда ты отнес одежду? — Домой’ (шур. диал.)

В контекстах, где *нӧх* и *жӧхи* имеют не направительную, а аспектуальную семантику, их изолированное употребление, как показано в (10) и (11), не допускается, и даже сама возможность постановки сколько-нибудь подходящего вопроса к превербам в подобных контекстах оказывается сомнительной.

(10) — *mõj šir-ən ant'-em xət xår-əl l'õxət-s-əlli?* — *nõx
 что способ-LOC мать-1SG дом место-3SG мыть-PST-3SG.SG вверх
 ‘Как мать вымыла пол? — Ожид. знач.: Полностью’ (шур. диал.)

(11) — *mõj šir-ən waša xül-əl le-s-li?* — *jõxi
 что способ-LOC Вася рыба-3SG есть-PST-3SG.SG внутрь
 ‘Как Вася съел рыбу? — Ожид. знач.: Полностью’ (шур. диал.)

Следующий критерий автономности словоформы — это ее отделимость от опорного слова. В [Мельчук 1997: 171] утверждается, что отделимость — градуальное свойство: рассматриваемая единица может отделяться либо закрытым классом служебных слов, либо фиксированным классом знаменательных слов, либо произвольным словом или синтагмой.

Превербь *nõx* и *jõxi* в направительном употреблении могут отделяться от глагола синтаксическими единицами различного уровня. Отделимость превербов служебными частями речи уже была продемонстрирована в текстовых примерах (5) и (6) выше и в целом подтверждается на элицитированных контекстах вне зависимости от функции преверба. Для иллюстрации приведем примеры с *nõx* в направительной (12) и в аспектуальной (13) функции.

(12) *waša rep lõŋl-a nõx ət xunx-əs*
 Вася гора вершина-DAT вверх NEG залезть-PST[3SG]
 ‘Вася не забрался на вершину горы’ (шур. диал.)

(13) *ma xər-em xõlna nõx ət wer-s-em*
 я лодка-1SG еще вверх NEG делать-PST-1SG.SG
 ‘Я еще не починил лодку’ (шур. диал.)

Отделимость преверба от глагола синтаксическими группами допускается не всегда. Так, в направительных контекстах, как показано в (14) для *nõx* и в (15) для *jõxi*, преверб свободно отделяется от глагола именной группой.

(14) *pet'a nõx sõx-l-al tu-s-li*
 Петя вверх шкура-PL-3SG нести-PST-3SG.SG
 ‘Петя отнес одежду наверх’ (шур. диал.)

(15) *ma jõxi sõx-l-am lõŋəl-s-əllam*
 я внутрь шкура-PL-1SG внести-PST-1SG.NSG
 ‘Я занес одежду домой’ (шур. диал.)

С другой стороны, попытка отделить преверб от глагола прямым дополнением в аспектуальном контексте приводит к неграмматичности примера в случае *nõx* (16) и сомнительности в случае *jõxi* (17).

(16) **ant'em nõx xət xår-əl l'õxət-s-əlli*
 мать-1SG вверх дом место-3SG мыть-PST-3SG.SG
 Ожид. знач.: ‘Мама вымыла пол’ (шур. диал.)

(17) ??*pet'a jõxi xül pül-əl le-s-li*
 Петя внутрь рыба кусок-3SG есть-PST-3SG.SG
 ‘Петя съел кусок рыбы’ (шур. диал.)

Следующий по силе критерий, который упоминает И. А. Мельчук, — дистрибутивная вариативность: более автономными признаются словоформы, сочетающиеся со словами разных классов. В наших материалах и текстах, однако, нет примеров использования преверба с лексемами других классов, помимо глаголов.

Наиболее слабый критерий — это возможность постпозиции преверба по отношению к глаголу. Постпозитивное использование превербов для хантыйского языка, в отличие, к примеру, от венгерского, в целом не характерно, но, как показывают контексты ниже, не исключается полностью. Единственным полноценно допустимым контекстом признается постпозиция *jõxi* в направительном употреблении, как в предложении (18) ниже.

(18) *ma sõx-l-am al-s-əllam jõxi*
 я шкура-PL-1SG тащить-PST-1SG.NSG внутрь
 ‘Я занес одежду внутрь’ (шур. диал.)

Непространственное же употребление в постпозиции преверба *jõxi* (20), как и оба употребления *nõx* (19, 21), не признаются в достаточной мере грамматичными или вовсе воспринимаются как сомнительные.

(19) [?]*waša χιιχ-əs* *nõx* *rep* *lõηλ-a*
 Вася залезть-PST[3SG] вверх гора вершина-DAT
 ‘Вася забрался на гору’ (шур. диал.)

(20) ^{??}*waša χῑλ-əl* *λε-s-λι* *jõxi*
 Вася рыба-3SG есть-PST-3SG.SG внутрь
 ‘Вася съел рыбу’ (шур. диал.)

(21) ^{??}*maša tūt-əl* *ῑšit-s-əλλi* *nõx*
 Маша огонь-3SG зажигать-PST-3SG.SG вверх
 ‘Маша зажгла огонь’ (шур. диал.)

В целом, как свидетельствуют тесты, поведение превербов подтверждает предположение о том, что с точки зрения линейно-синтагматических свойств превербы в направительных употреблениях обладают большей автономностью, чем в аспектуальных. Аспектуальные употребления превербов характеризуются невозможностью изолированного употребления и постановки в постпозицию, что сближает их с русскими приставками, а также гораздо более слабой отделимостью от глагола.

2.2.2. Сочетаемость превербов с модификаторами

Рассмотрим теперь модификаторы, которые в хантыйском сочетаются с превербами. Во-первых, это показатель степени *-šək*, который маркирует степень проявления признака, отклоняющуюся от нормы. *-šək* сочетается с автономными словоформами, например, наречиями, как в (22).

(22) *tij wana-šək juw-a-sa!*
 сюда близко-DEGR приходить-IMP.SG-NCAT
 ‘Подойди-ка сюда поближе!’ (тегинский говор.)

В пространственном употреблении рассматриваемых единиц присоединение *-šək* полноценно допустимо только для *nõx* (23), тогда как аналогичное образование от *jõxi* в (24) расценивается как слабо приемлемое, предположительно, в силу худшей градуируемости отношения ‘внутри’/‘снаружи’ по сравнению с вертикальным измерением.

(23) *jäša nõx-šək χιιχ-əs*
 немного вверх-DEGR залезть-PST[3SG]
 ‘Он забрался немного повыше’ (шур. диал.)

(24) ^{??}*ma sõx-ət jõxi-šək al-s-əλλam*
 я шкура-PL внутрь-DEGR тащить-PST-1SG.NSG
 ‘Я занес одежду подальше внутрь’ (шур. диал.)

В аспектуальном употреблении оба преверба, во-первых, лишены способности присоединять собственные показатели. Во-вторых, они выполняют роль индикатора достижения предела, не предполагающую какой-либо градации по степени достижения. Оба эти обстоятельства, как видно из примеров (25, 26), блокируют возможность деривации на *-šək*.

(25) ^{*}*maša tūt-əl nõx-šək ῑšit-s-əλλi*
 Маша огонь-3SG вверх-DEGR зажигать-PST-3SG.SG
 Ожид. знач.: ‘Маша зажгла огонь поярче’ (шур. диал.)

(26) ^{*}*pet'a χῑλ-əl jõxi-šək λε-s-λι*
 Петя рыба-3SG внутрь-DEGR есть-PST-3SG.SG
 Ожид. знач.: ‘Петя съел рыбу не полностью’ (шур. диал.)

В качестве частного отрицания при автономных словоформах используется частица *ānta*, как в примере (27).

(27) *waša ānta χῑw-a mān-əs*
 Вася NEG далекий-ADV идти-PST[3SG]
 ‘Вася ушел недалеко’ (шур. диал.)

Отрицание с помощью *ǎnta* возможно только с *jõxi* в непространственном употреблении (28), тогда как в аспектуальном употреблении с *jõxi* (29) и в обоих употреблениях с *nõx* (30, 31) невозможно.

- (28) *ma ǎnta jõxi sõx-l-am lõŋǎl-s-ǎllam*
я NEG внутрь шкура-PL-1SG внести-PST-1SG.NSG
'Я заносил одежду не домой' (шур. диал.)
- (29) **waśa ǎnta jõxi xǎl-ǎl le-s-li*
Вася NEG внутрь рыба-3SG есть-PST-3SG.SG
Ожид. знач.: 'Вася съел рыбу не полностью' (шур. диал.)
- (30) **ma ǎnta nõx lajm-em põt-s-em*
я NEG вверх топор-1SG класть-PST-1SG.SG
Ожид. знач.: 'Я положил топор не наверх' (шур. диал.)
- (31) **xǎp-em ǎnta nõx wer-s-ǎlli*
лодка-1SG NEG вверх делать-PST-3SG.SG
Ожид. знач.: 'Он не полностью починил мою лодку' (шур. диал.)

Итак, в направительных употреблениях превербы ведут себя по рассмотренным критериям как акцентно самостоятельные словоформы, тогда как в аспектуальных употреблениях они обнаруживают значительно меньшую степень автономности. Помимо этого, расхождения в свойствах наблюдаются и между превербми. Так, к примеру, *jõxi* предполагает шкалу из двух значений 'внутри' и 'снаружи', поэтому не может модифицироваться маркером степени, в то время как шкала, задаваемая *nõx*, является градуированной и это ограничение отсутствует.

Данные рассмотренных морфологических тестов суммированы ниже в таблице 1.

Таблица 1. Морфологические свойства превербов

Критерии	Пространственный контекст		Непространственный контекст	
	<i>jõxi</i>	<i>nõx</i>	<i>jõxi</i>	<i>nõx</i>
Отделимость преверба отрицательной частицей	+	+	+	+
Отделимость преверба полными ИГ	+	+	??	—
Постпозиция преверба по отношению к глаголу	+	?	??	??
Изолированное употребление преверба	+	+	—	—
Сочетаемость преверба с маркером степени	??	+	—	—
Модификация преверба термовым отрицанием	+	—	—	—

Распределение данных в таблице показывает, что направительные и аспектуальные употребления различаются и по своим морфологическим свойствам, и по возможности присоединения наречных модификаторов. Оба преверба в направительном употреблении по свойствам близки к полностью автономным словоформам, тогда как те же единицы в аспектуальном употреблении обнаруживают значительно меньшую морфологическую самостоятельность и приближаются по своим свойствам к префиксам. При этом *nõx* в обоих употреблениях демонстрирует более высокую степень морфологизации, чем *jõxi*.

Итак, мы показали, что в аспектуальных контекстах морфологические свойства превербов отличаются от свойств, которые они проявляют в направительных употреблениях. Обратимся теперь к семантике аспектуальных употреблений.

3. Непространственные употребления превербов

Возможность употребления превербов и их интерпретация в высказывании в первую очередь определяется аспектуальными параметрами ситуации, о которых речь пойдет далее в разделе 3.1.

Функция превербов в аспектуальных употреблениях определяется как перфективирующая. Такая точка зрения высказана, например, в [Nikolaeva 1999: 35]. Действительно, в некоторых имперфективных контекстах и, в частности, в примере (32) с наречием *χῑw* ‘долго’ использование преверба оказывается невозможным.

- (32) **ma keš-em χῑw nōχ lōχət-s-em*
я нож-1SG долго вверх точить-PST-1SG.SG
Ожид. знач.: ‘Я долго точил нож’ (шур. диал.)

Однако пример (32) не исключает и другой трактовки: использование преверба невозможно в непредельном контексте. В разделе 3.1.1 мы покажем, что трактовка превербов как показателей предельности описывает их употребление в хантыйском точнее, чем апелляция к семантике видового ракурса ситуации. Однако и ее оказывается недостаточно: в разделе 3.1.2 обсуждаются случаи, в которых некоторые непредельные контексты допускают употребление преверба: ср. пример (33) с референцией к настоящему моменту и актуально-длительной интерпретацией ситуации.

- (33) *want-a, pet'a χῑλ-əl jōχi λe-λ-li*
смотреть-IMP Петя рыба-3SG внутрь есть-NPST-3SG.SG
‘Смотри, Петя ест рыбу’ (шур. диал.)

В разделе 3.2 мы попытаемся описать условия употребления аспектуальных превербов под другим углом зрения. Как уже говорилось ранее, аспектуальные употребления превербов требуют показателей субъектно-объектного спряжения, как, например, в (33). Субъектно-объектное спряжение маркирует особый дискурсивный статус прямого дополнения, что позволяет выдвинуть гипотезу о том, что употребление превербов может регулироваться не только аспектуальными, но и дискурсивными факторами, а именно референциальными свойствами прямого объекта. Эта гипотеза проверяется на корпусном материале: для клауз с превербом и без преверба мы вычисляем меру активированности референта прямого объекта в дискурсе — референциальное расстояние до последнего упоминания референта [Givón 1983: 13]. Выясняется, что употребление *nōχ* и *jōχi* коррелирует с топикальностью и активированностью прямого объекта.

3.1. Аспектуальная семантика превербов

3.1.1. Превербы как показатели предельности

Для более детального описания аспектуальных параметров использования превербов полезно обратиться к двухкомпонентной теории вида [Smith 1997]. Двухкомпонентная теория вида подразумевает, что аспектуальная интерпретация глагола происходит на двух уровнях — лексическом и грамматическом. Лексический компонент включает выражение значений, связанных с событием, — например, предельность/непредельность, т. е. наличие/отсутствие качественных изменений в течении ситуации (ср., к примеру, двумерную модель У. Крофта с временным и качественным измерением [Croft 2012: 53]). Грамматический компонент отвечает за выражение видового ракурса, который определяется наличием или отсутствием у ситуации временных границ на актуальном отрезке временной оси, не обязательно совпадающих с пределом ситуации, ср. понятие окна наблюдения в работе [Klein 1994]. Одно из базовых противопоставлений грамматического уровня — это противопоставление перфектива (в окно наблюдения попадает ситуация целиком) и имперфектива (в окно наблюдения попадает фрагмент ситуации).

Глагольные превербы довольно подробно описаны на материале языков с аспектуальной системой «славянского типа» [Dahl 1985: 84—89] с грамматикализованным противопоставлением перфектива и имперфектива. В таких языках превербы традиционно рассматриваются как показатели перфективности (ср., к примеру, [Bybee et al. 1994]). С другой стороны, для некоторых других языков ([Kiefer 1982] для венгерского, [Stiebels 1996] для немецкого и др., см. также [Аркадьев 2015: 70—77]) исследователи связывают употребление превербов с предельностью/непредельностью события.

Таким образом, для определения условий употребления превербов в хантыйском языке показательными являются контексты, в которых корреляция предельности с перфективностью нарушается, — как, например, имперфективный контекст хабитуального повторения предельных ситуаций съедания в (34), где при глаголе *lawemati* ‘съесть’ использован преверб *jōχi*.

- (34) *χātəl mār mῑj wōλ-t-ew-ən ḡaḡ wōnəl jōχi law-emə-λ-ew*
день время мы жить-PTCP.PRS-1PL-LOC хлеб кусок внутрь есть-MOM-NPST-1PL.SG
‘Обычно мы съедаем за день буханку хлеба’ (каз. диал.).

Тем самым, можно констатировать, что превербь в хантыйском языке не ориентированы на видовой ракурс ситуаций, и на этом основании предположить, что они выполняют телесизирующую функцию, указывая на достижение ситуацией предела. Наиболее простой и наглядный способ задать (не)предельность контекста — ввести обстоятельство длительности ('два часа') для неопредельного значения глагола или срока ('за два часа') для предельного значения, как предлагается в классической работе [Vendler 1957]. Возможность употребления с обстоятельством длительности свидетельствует в пользу неопредельности предиката, сочетаемость с обстоятельством срока — в пользу его предельности. В хантыйском языке выражению *X часов* соответствует *X s̄s*, тогда как однозначный эквивалент *за X часов* отсутствует: имеется выражение *X s̄s sis̄ən*, которое в равной степени сочетается с предельными событиями в значении 'за X часов' ('Маша помыла пол за два часа') и с неопредельными событиями в значении 'в течение X' ('Маша мыла пол в течение двух часов'). Такое распределение хотя и не дает нам возможности подтвердить предельность контекста, тем не менее позволяет исключить неопредельную интерпретацию и говорить о допустимости предельной трактовки.

Обстоятельственное выражение *X s̄s sis̄ən* не обнаруживает ограничений на употребление превербь. Так, в пространственных контекстах с обстоятельствами 'за две минуты' в (35) и 'за час' в (36) использование *nõx* и *jõxi* допускается.

(35) *waša k̄āt minut sis s̄sõx-λ-al nõx åk̄at-s-ålli*
 Вася два минута в.течение шкара-PL-POSS.3SG вверх собирать-PST-3SG.SG
 'Вася подобрал одежду с пола за две минуты' / 'Вася подбирал одежду с пола в течение двух минут' (шур. диал.)

(36) *pet'a i s̄s sis-ən s̄sõx-λ-al jõxi al-s-ålli*
 Петя один час в.течение-LOC доска-PL-3SG внутрь тащить-PST-3SG.SG
 'Петя за час доски внутрь перетащил' / 'Петя в течение часа перетаскивал доски внутрь' (шур. диал.)

Аналогичным образом ничем не ограничено использование превербь в аспектуальных контекстах, содержащих обстоятельства 'за два часа' в (37) и 'за десять минут' в (38).

(37) *maša k̄āt s̄s sis-ən ç̄ot ç̄år-ål nõx λ'õç̄at-s-ålli*
 Маша два час в.течение-LOC дом место-3SG вверх мыть-PST-3SG.SG
 'Маша за два часа вымыла пол' / 'Маша в течение двух часов мыла пол' (шур. диал.)

(38) *pet'a jaŋ minut sis-ən ç̄iŋ-ål jõxi le-s-li*
 Петя десять минута в.течение-LOC рыба-3SG внутрь есть-PST-3SG.SG
 'Петя съел рыбу за десять минут' / 'Петя ел рыбу в течение десяти минут' (шур. диал.)

Иное распределение обнаруживается в контекстах с обстоятельством *X s̄s*. По-прежнему допустимо наличие *nõx* и *jõxi* в пространственной функции при выражениях 'один час' в (39) и 'три часа' в (40).

(39) *pet'a i s̄s s̄sõx-λ-al jõxi al-s-ålli*
 Петя один час доска-PL-3SG внутрь тащить-PST-3SG.NSG
 'Петя час перетаскивал доски внутрь' (шур. диал.)

(40) *pet'a ç̄iŋæt s̄s rep λ'õŋ-å nõx ç̄iŋç̄-əs*
 Петя три час гора вершина-DAT вверх забраться-PST[3SG]
 'Петя три часа забирался на гору' (шур. диал.)

Аспектуальная специфика превербь раскрывается в последней логически возможной комбинации при попытке ввести обстоятельство 'десять минут' в (41) и 'два часа' в (42) в непространственный контекст употребления превербь. В этом случае происходит конфликт семантики обстоятельства, задающего неопредельный контекст, с семантикой превербь, ориентированного на предельность, что приводит к неграмматичности использования превербь в предложениях ниже.

(41) **pet'a jaŋ minut ç̄iŋ-ål jõxi le-s-li*
 Петя десять минута рыба-3SG внутрь есть-PST-3SG.SG
 Ожид. знач.: 'Петя ел рыбу 10 минут' (шур. диал.)

(42) **maša k̄āt s̄s ç̄ot ç̄år-ål nõx λ'õç̄at-s-ålli*
 Маша два час дом место-3SG вверх мыть-PST-3SG.SG
 Ожид. знач.: 'Маша два часа мыла пол' (шур. диал.)

Еще одним показательным примером с точки зрения предельности являются инкрементальные глаголы, в которых предельность выражается через накопление эффекта на их аргументе, чаще всего теме [Dowty 1991]. Так, глагол *leti* ‘есть’ имеет участника с ролью инкрементальной темы (в случае еды — съедаемая пища), который расходуется по мере протекания события, пока не наступает момент, когда она израсходуется полностью, и событие, тем самым, достигает предела. Устранение инкрементальной темы из аргументной структуры таких глаголов лишает их предельного значения и переводит их в не-предельный акциональный класс деятельности. Так, пример (43) ниже показывает, что в череде ограниченных во времени предельных предикатов с превербами предикат *leti* ‘есть’ сохраняет временную ограниченность, но, будучи лишенным инкрементальной темы и выступая, тем самым, в непереходном употреблении в качестве глагола деятельности, не допускает использование преверба.

- (43) *ma χət χār-em nōχ λ'ōχət-s-əm, pāsən-em nōχ tuχ-s-əm, (*jōχi) le-s-əm*
 я дом место-1SG вверх мыть-PST-1SG стол-1SG вверх вытирать-PST-1SG внутрь есть-PST-1SG
 {Что ты сделал, когда пришел из школы?} — ‘Я вымыл пол, протер стол и поел’ (шур. диал.)

Употребление в пространственных и непространственных контекстах в сочетании с обстоятельствами *X śəs* и *X śəs sisən* суммировано в таблице 2 ниже.

Таблица 2. Употребление преверба в зависимости от типа контекста и предельности глагола

	Пространственный контекст		Непространственный контекст	
	Без преверба	С превербом	Без преверба	С превербом
<i>X śəs sisən</i> ‘за/в течение X часов’	+	+	+	+
<i>X śəs</i> ‘X часов’	+	+	+	—

Как видно из таблицы, использование превербов в пространственных контекстах не зависит от предельности события. В непространственных же контекстах использование *nōχ* и *jōχi* невозможно при *X śəs* ‘X часов’, что, на первый взгляд, говорит о несовместимости преверба с неопредельными событиями. Однако, как мы увидим в следующем разделе, даже неопредельные контексты далеко не всегда исключают использование преверба.

3.1.2. Превербы в неопредельных контекстах: настоящее время и комплемент глагола *pitti* ‘начать’

Существует по крайней мере два случая, в которых ограничение на использование преверба в неопредельном контексте может сниматься: это 1) контекст с переходным глаголом в актуально-длительном значении настоящего времени, 2) контекст с неопредельным глагольным зависимым при вспомогательном глаголе *pitti* ‘начать’.

Актуально-длительное значение настоящего времени при переходном глаголе можно проиллюстрировать контекстом, в котором говорящий обращает внимание адресата на ситуацию в промежуточной стадии развития посредством высказывания «смотри, Р». Известно, что глагольные приставки, маркирующие аспектуальные значения, обычно или вовсе не сочетаются с глаголами в настоящем времени, или же такие сочетания имеют не актуально-длительное прочтение, а футуральное или хабитуальное [Аркадьев 2015: 156—161]. Однако, как показано ниже в (44) и (45), в хантыйском преверб допустим в актуально-длительных контекстах как с направительными, так и с аспектуальными превербами.

- (44) *want-a, waša sōχ-λ-al jōχi aλλ'-əλλi*
 смотреть-IMP Вася шкура-PL-3SG внутрь таскать-NPST-3SG.NSG
 ‘Смотри, Вася заносит одежду в дом’ (шур. диал.)
- (45) *want-a, pet'a χйл-əλ jōχi le-λ-λi*
 смотреть-IMP Петя рыба-3SG внутрь есть-NPST-3SG.SG
 ‘Смотри, Петя ест рыбу’ (шур. диал.)

Неграмматичность превербов в одной неопредельной конструкции и грамматичность в другой ставит под сомнение анализ семантики превербов исключительно в аспектуальных терминах и говорит о необходимости поиска других факторов, регулирующих их употребление.

Мы уже обращали внимание выше в разделе 2.1 на то, что *nõx* и *jõxi* при переходном глаголе требуют показателей субъектно-объектного спряжения. Этот на первый взгляд случайный факт говорит о том, что наличие преверба в высказывании может быть обусловлено дискурсивными факторами. К примеру, общим для предельного контекста прошедшего времени и актуально-длительного контекста настоящего времени является то, что в обоих случаях участник с семантической ролью пациенса/темы (пол в примере (43), одежда в примере (44) и рыба в примере (45)) выступает в определенном дискретном количестве. В предельном контексте прошедшего времени этот участник оказывается вовлечен в событие полностью, тогда как в контексте настоящего времени он полностью оказывается в поле зрения говорящего. В свою очередь, в неопределенном контексте настоящего времени тот же участник оказывается вовлечен лишь частично и его количество, тем самым, не определено. Таким образом, наличие/отсутствие преверба при глаголе регулируется не предельностью/непредельностью события, а референциальными свойствами пациенса/темы.

Возможным контраргументом к такой трактовке является второй упомянутый выше контекст — тот, в котором переходный глагол выступает в позиции зависимого при матричном предикате *pitti* ‘начать’. Глагол *pitti*, который в исходном употреблении имеет значение ‘падать’, в функции матричного предиката имеет значение ‘начать’ и присоединяет в качестве комплемента форму имперфективного причастия. Комплемент инхоативного глагола не может иметь предельной интерпретации, однако, как показано в (46) и (47), преверб в таком контексте вопреки ожиданиям оказывается допустим.

(46) *pet'a sõx-λ-aλ nõx åkæt-ti pit-s-əlli*
 Петя шкура-PL-3SG вверх собирать-NFIN.NPST начать-PST-3SG.NSG
 ‘Петя начал подбирать одежду (с пола)’ (шур. диал.)

(47) *ant'-em pãsan-əλ nõx muχ-ti pit-s-əlli*
 мать-1SG стол-3SG вверх вытирать-NFIN.NPST начать-PST-3SG.SG
 ‘Мама начала вытирать стол’ (шур. диал.)

Если анализировать это предложение как полноценную полипредикативную структуру с матричным предикатом *pitti*, вводящим зависимую клаузу *sõxλaλ nõx åkætti* и, соответственно, *pãsanəλ nõx muχti*, то преверб относится непосредственно к рядом стоящему глаголу. В этом случае преверб модифицирует неопределенное процессное событие, которое, согласно высказанной нами выше гипотезе, вне непосредственного наблюдения в момент речи не задает определенного количества тематического участника. С другой стороны, некоторые свойства конструкции с *pitti*, в частности наличие у *pitti* показателей субъектно-объектного спряжения, согласующихся с объектом в зависимой клаузе, явно указывают на моноклаузальность конструкции и функционирование *pitti* как вспомогательного компонента сложного глагола. В этом случае преверб модифицирует весь предикативный комплекс *åkætti pitsəlli* и *muχti pitsəlli*, который в совокупности имеет предельное (начинательное) значение, что не противоречит нашей гипотезе.

Анализ аспектуальных характеристик клауз с превербами показывает, что использование превербов в целом ориентировано именно на параметр предельности, а не на параметр видового ракурса, что доказывается стандартными тестами на предельность в сочетании с возможностью использования преверба в имперфективных предельных контекстах и недопустимостью в перфективных неопределенных контекстах. Однако допустимость в некоторых неопределенных контекстах не позволяет описать их функционирование в строго аспектуальных терминах. Наибольшую проблему для аспектуальной трактовки представляет актуально-длительный контекст настоящего времени, в котором наличие преверба может быть мотивировано только дискурсивными факторами, а именно определенностью участника с ролью пациенса/темы, о чем пойдет речь в следующем разделе.

3.2. Превербы, информационная структура и дискурсивные характеристики прямого объекта

Как видно из предшествующего данному разделу обсуждения, анализ употребления *nõx* и *jõxi* в аспектуальных терминах не является исчерпывающим. Более того, при внимательном взгляде на поведение превербов в различных видо-временных контекстах обнаруживаются случаи, адекватное аспектуальное описание которых представляется проблематичным. Так, они оказываются допустимы при переходных предикатах в актуально-длительном контексте плана настоящего, ср. пример (45), повторенный ниже как (49). При этом обязательным условием их грамматичности в этом случае является наличие у глагола показателя субъектно-объектного спряжения, маркирующего топикальный статус прямого объекта.

(48) *wanta, pet'a χῦλ-эл jōχi лe-λ
 смотреть-IMP Петя рыба-3SG внутрь есть-NPST[3SG]
 Ожид. знач.: 'Смотри, Петя ест рыбу' (шур. диал.)

(49) wanta, pet'a χῦλ-эл jōχi лe-λ-ли
 смотреть-IMP Петя рыба-3SG внутрь есть-NPST-3SG.SG
 'Смотри, Петя ест рыбу' (шур. диал.)

Тем самым, использование преверба, помимо аспектуальных свойств клаузы, также регулируется информационной структурой высказывания. К похожим выводам на мансийском материале приходит С. Виртанен [Virtanen 2014]. Анализируя поведение родственного jōχi преверба juw на материале текстов на мансийском языке, она высказывает предположение, что с аспектуальной точки зрения juw имеет функцию показателя перфектива. В то же время, анализируя массив текстовых данных, она отмечает, что 95% грамматикализованных употреблений этого преверба сопровождаются использованием форм субъектно-объектного спряжения [Virtanen 2014: 115], что, по мнению автора, подтверждает распространенную в языках мира корреляцию между перфективностью переходного глагола и топикальностью прямого объекта.

Подобная корреляция наблюдается и в хантыйском языке. Более того, довольно часто преверб используется при форме пассива, при которой объектная именная группа, как в (50) ниже, топикализуется и помещается в позицию субъекта.

(50) jām pelək χōršat χῦл nōwi χῦл-эн jōχi лe-s-a
 хороший сторона серый рыба светлый рыба-LOC внутрь есть-PST-PASS[3SG]
 'Правая серая рыба съедена белой рыбой' [Корпус: «Пересказ фильма о рыбах I», 29] (тегинский говор)

Существенно при этом, что возможность использования преверба не полностью коррелирует с выбором глагольной формы. Так, если в позиции прямого объекта выступает неопределенная ИГ amōj χōrpi χэp 'какая-то лодка', глагол, как показано в (51), может оформляться показателями субъектно-объектного спряжения, но использование преверба при этом оказывается затруднено.

(51) aś-em amōj χōr-pi χэp (nōχ) лeśat-s-элли
 отец-1SG что.INDF образ-ATTR лодка вверх готовить-PST-3SG.SG
 'Отец починил какую-то лодку' (шур. диал.)

С другой стороны, преверб оказывается возможен в частно-вопросительных контекстах с субъектным спряжением и прямым объектом в фокусе, как в (52) ниже.

(52) mōj jōχi лe-s-эн?
 что внутрь есть-PST-2SG
 'Что ты съел?' (каз. диал.)

Для уточнения дискурсивной функции превербов в сочетании с переходными глаголами рассмотрим на текстовом материале их употребление с наиболее частотным для каждого из них семантическим классом глаголов. Корпус, который мы используем, представляет собой собрание фольклорных и бытовых текстов на шурышкарском и казымском диалектах хантыйского языка, а также на тегинском говоре, который является промежуточным между казымским и шурышкарским диалектами. Общий объем корпуса — 42174 словоупотребления. Часть текстов были ранее опубликованы в [Ковган и др. 1995; Лапина 2011; Шульгина 2008; Кошкарёва, Соловар 2007; Кошкарёва и др. 2012; Успенская 2002; Немысова, Рачинская 2002]. В текстах суммарно зафиксировано 285 употреблений преверба nōχ и 263 употребления преверба jōχi.

Если оставить за скобками исходный семантический домен движения и его каузации, наиболее частотным классом для nōχ является класс глаголов вхождения во временное обладание ('взять', 'поднять', 'вынуть', 'собрать' и др.), для jōχi — класс ингестивных глаголов ('есть', 'пить', 'глотать' и др.). Интересующая нас величина — соотношение количества употреблений преверба при выбранной группе глаголов к общему количеству употреблений глаголов данной группы в зависимости от двух параметров: форма глагола и референциальное расстояние (в терминах [Givón 1983: 13]) до последнего упоминания референта в дискурсе. Референциальное расстояние рассчитывается в клаузах от предложения с анализируемым явлением и упомянутым референтом до клаузы с предыдущим упоминанием того же референта и отражает степень активации данного референта в дискурсе. Стоит, однако, оговориться, что, хотя методика Т. Гивона учитывает также случаи, когда референт поверхностно не выражен, но лексиче-

ски задан аргументной структурой глагола [там же: 14], мы считаем более надежным вести отсчет от последнего полного упоминания референта, поскольку не всегда очевидно, имеем ли мы дело с непосредственной конструкцией или с переходной конструкцией с опущенным прямым объектом (ср. *Петя поел ѳ*, а *Машиа рыбу не захотела*, где может идти речь либо о самом факте еды, либо о конкретной рыбе).

Первый параметр (форма глагола) принимает следующие значения: субъектное спряжение, пассив, субъектно-объектное спряжение и нефинитная форма. Каждому из значений соответствует определенная информационно-структурная роль прямого объекта: при субъектном спряжении это фокус, при пассиве это первичный топик, при субъектно-объектном спряжении — вторичный топик, нефинитные формы указывают на то, что прямой объект топикален и относится к фону высказывания. Отдельно учитывались формы миратива, не противопоставленные по типу спряжения. Второй параметр (референциальное расстояние) принимает значения от 0 до 35 (самое большое зафиксированное расстояние) с отдельным учетом референтов-локуторов. Наша гипотеза состоит в том, что, во-первых, употребление преверба должно тяготеть к топикально-ориентированным формам пассива и субъектно-объектного спряжения, во-вторых, референциальное расстояние должно быть не максимально близким, но и не максимально удаленным, что, согласно [Givón 1983: 11], свидетельствует в пользу доступности референта. Данные употребления глаголов с прямым дополнением в фокусе представлены в таблице 3 ниже.

Таблица 3. Употребление глаголов с превербами *nõχ* и *jõχi* в зависимости от формы и референциального расстояния

Расст.	Субъектное спряжение		Пассив		Субъектно-объектное спряжение		Нефинитные формы		Миратив		ИТОГО				
	<i>nõχ</i>	<i>jõχi</i>	<i>nõχ</i>	<i>jõχi</i>	<i>nõχ</i>	<i>jõχi</i>	<i>nõχ</i>	<i>jõχi</i>	<i>nõχ</i>	<i>jõχi</i>	<i>nõχ</i>	%	<i>jõχi</i>	%	
> 20	—	—	2/4	1/2	0/4	—	—	—	—	—	—	2/8	25	1/2	50
11-20	—	0/1	3/5	—	1/5	1/1	0/2	—	0/1	—	—	4/13	30,7	1/2	50
4-10	—	0/2	5/7	1/3	3/14	1/3	2/5	0/8	0/2	1/1	—	10/28	35,7	3/17	17,6
1-3	—	0/1	1/18	1/3	9/29	0/7	2/9	0/14	0/1	2/2	—	12/57	21	3/27	11,1
0	0/29	0/27	0/2	0/1	5/10	0/9	4/10	0/18	—	—	—	17/61	27,9	8/69	11,6
1SG&PL	—	—	3/3	—	0/2	0/5	—	0/7	—	—	—	—	—	—	—
2SG	—	—	3/3	—	2/2	8/9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ИТОГО	0/29	0/44	17/42	3/9	20/66	10/34	8/26	0/34	0/4	3/4	—	45/167	27	16/117	13,7
%	0	0	40,4	33,3	30,3	29,4	30,7	0	0	75	—	—	—	—	—

Заметный контраст наблюдается в употреблении превербов в сочетании с субъектным и субъектно-объектным спряжением: в первом случае не зафиксировано ни одного случая использования преверба, тогда как во втором случае и *nõχ*, и *jõχi* обнаруживается приблизительно в трети (30,3% и 29,4% соответственно) всех контекстов. Сходная доля употребления преверба наблюдается у *nõχ* и *jõχi* также в контексте топикально ориентированного пассива, 40,4% и 33,3% соответственно. Это наблюдение соотносится с выводами С. Виртанен о топикальности прямого объекта при глаголах с превербом и подтверждает первую часть нашей гипотезы.

Соотношение употребления превербов к общему количеству контекстов по референциальному расстоянию для *nõχ* демонстрирует повышенный процент при референциальном расстоянии от четырех до двадцати клауз (35,7% для расстояния 1—4 и 30,7% для расстояния 11—20) по сравнению с референциальным расстоянием больше двадцати клауз (25%), и от одной до трех клауз (21%). Это подтверждает вторую часть нашей гипотезы — об ожидаемом немаксимальном и неминимальном референциальном расстоянии — с той единственной оговоркой, что процентное соотношение при нулевом расстоянии также оказывается повышенным, 27,9%. Степень соответствия аналогичным ожиданиям для *jõχi* оценить затруднительно в силу меньшего количества контекстов в целом, из которых всего лишь четыре контекста приходится на референциальное расстояние более десяти клауз. Тем не менее при расстоянии от четырех до десяти доля контекстов с превербом составляет 17,6%, тогда как при минимальном расстоянии процент оказывается меньше: 11,6% для нулевого расстояния и 11,1% для расстояния от одной до трех клауз.

Похожая картина наблюдается, если рассмотреть только формы пассива и субъектно-объектного спряжения, которые лучше всего сочетаются с превербами и при этом в достаточном объеме представлены в текстах, как показано в таблице 4 ниже.

Таблица 4. Фрагмент таблицы 3: сочетаемость превербов с пассивом и субъектно-объектным спряжением

Расст.	Пассив		Субъектно-объектное спряжение		ИТОГО			
	<i>пӧх</i>	<i>јӧхи</i>	<i>пӧх</i>	<i>јӧхи</i>	<i>пӧх</i>	%	<i>јӧхи</i>	%
> 20	2/4	1/2	0/4	—	2/8	25	1/2	50
11-20	3/5	—	1/5	1/1	3/10	30	1/1	100
4-10	5/7	1/3	3/14	1/3	8/21	38	2/6	33,3
1-3	1/18	1/3	9/29	0/7	10/47	21,3	1/10	10
0	6/8	0/1	7/14	8/23	13/24	54,2	8/24	33,3
ИТОГО	17/42	3/9	20/66	10/34	36/110	32,7	13/43	30,2
%	40,4	33,3	30,3	29,4				

Так, если в верхней половине таблицы при расстоянии более десяти клауз ситуация остается практически неизменной, то между расстоянием от четырех до десяти и от одной до трех клауз наблюдается даже более явный контраст: 38% против 21,3% у *пӧх* и 33,3% против 10% у *јӧхи*. При этом неожиданно высоким оказывается соотношение при референциальном расстоянии, равном нулю: 54,2% и 33,3%, соответственно. При подробном же взгляде на контексты с нулевым расстоянием обнаруживается, что эта группа контекстов естественным образом распадается на две: контексты с введением нового или доступного референта третьего лица и контексты с участниками речевого акта, которые даны по умолчанию и не требуют специальной активации, что отражено в таблице 5 ниже.

Таблица 5. Контексты с нулевым референциальным расстоянием

Расст.	Пассив		Субъектно-объектное спряжение		ИТОГО			
	<i>пӧх</i>	<i>јӧхи</i>	<i>пӧх</i>	<i>јӧхи</i>	<i>пӧх</i>	%	<i>јӧхи</i>	%
0	0/2	0/1	5/10	0/9	5/12	41,7	0/10	0
1SG&PL	3/3	—	0/2	0/5	3/5	60	0/5	0
2SG	3/3	—	2/2	8/9	5/5	100	8/9	88,9
ИТОГО	6/8	0/1	7/14	8/23	13/22	59	8/24	33,3
%	75	0	50	27,8				

У *јӧхи* контексты с нулевым расстоянием и превербом закономерным образом попадают во вторую группу, причем все восемь случаев употребления преверба приходятся на второе лицо. В свою очередь, картина употребления *пӧх* остается неочевидной. В первой группе контекстов соотношение оказывается хотя и меньшим, чем в сумме по всем контекстам нулевого расстояния, но по-прежнему высоким, 41,7% против 54,2%. Возможное объяснение состоит в том, что в этих случаях референт активируется в дискурсе несколько иным образом, чем при недавнем упоминании, что, однако, требует более подробного анализа такого рода контекстов. Остальные восемь случаев попадают во вторую группу контекстов: три случая из пяти при первом лице и пять случаев из пяти при втором.

Рассмотренный материал хантыйских текстов обнаруживает явное влияние на употребление *пӧх* и *јӧхи* при переходных глаголах информационно-структурной роли прямого объекта и активированности в дискурсе референта, кодируемого объектной именной группой. Учет данных факторов дополняет картину аспектуальной дистрибуции превербальных единиц и ставит их в один ряд с такими грамматическими категориями хантыйского языка, как спряжение глагола или именная посессивность, которые также, помимо собственной функции, кодируют различные дискурсивные функции. В то же время полученные результаты не позволяют идентифицировать конкретную функцию данных единиц в дискурсе, что обусловлено, с одной стороны, недостаточной глубиной анализа, с другой, возможно, неполной грамматикализованностью самих единиц. Для полного понимания картины требуется прояснить целый ряд вопросов. К примеру, остается неясным, распространяются ли описанные дискурсивные свойства на исходные, неграмматикализованные употребления превербов с глаголами движения и каузации движе-

ния. Утвердительный ответ на этот вопрос означал бы по меньшей мере одно из двух: либо дискурсивные функции превербов не являются результатом грамматикализации и существовали изначально, либо они возникли у всех употреблений параллельно с процессом их грамматикализации. Второй существенный вопрос касается связи дискурсивных свойств превербов и переходности глагола. Среди грамматикализованных употреблений превербов встречаются в том числе употребления с непереходными глаголами вроде *nõx amatti* ‘обрадоваться’ или *nõx sarti* ‘высохнуть’, и неизвестно, насколько подобные случаи в отсутствие валентности на прямой объект могут быть интерпретированы на уровне дискурса. Много для прояснения общей картины могло бы дать сопоставление поведения *nõx* и *jõxi* с данными по другим хантыйским превербам, которые пусть, возможно, и в меньшей степени, но также обнаруживают описанные особенности. Наконец, есть ряд частных моментов, требующих отдельного внимания, как, например, случаи использования преверба при нулевом референциальном расстоянии, разница в употребительности превербов при прямом объекте первого и второго лица и неодинаковая сочетаемость превербов с нефинитными формами и миративом.

4. Выводы

Приведенный в статье обзор употребления хантыйских превербов *nõx* и *jõxi* показывает, что исследуемые единицы в общих чертах демонстрируют типологически характерное поведение. Они имеют исходное пространственное употребление, обозначающее направление движения, а также грамматикализованное употребление в качестве аспектуальных глагольных показателей. Грамматикализация превербов затрагивает как формальные, так и содержательные их свойства. С формальной точки зрения аспектуальные употребления превербов обнаруживают более низкую степень морфологической автономности по сравнению с направительными употреблениями. С точки зрения семантики грамматикализованные употребления приобретают новые функции, связанные с семантической зоной аспекта, не свойственные их направительным употреблениям. Общепринятая точка зрения состоит в том, что превербь грамматикализуются в показатели перфектива, однако более детальный анализ аспектуальных свойств предикатов с превербамь *nõx* и *jõxi* показывает, что аспектуальное использование преверба ориентировано на предельность, а не на перфективность модифицируемого события. Тем не менее даже в некоторых предельных контекстах, а именно в актуально-длительном настоящем времени переходного глагола, использование преверба вопреки ожиданиям оказывается допустимым. Такое поведение превербов в сочетании с обязательностью использования при переходных глаголах форм субъектно-объектного спряжения, которое маркирует топикальный статус прямого объекта, говорит в пользу необходимости рассмотрения возможной дискурсивной мотивации их функционирования. Анализ употребления превербов при переходных глаголах по текстовым источникам показывает, что употребление *nõx* и *jõxi* коррелирует с топикальностью и активированностью прямого объекта, однако вопрос о конкретной дискурсивной функции превербов остается открытым и нуждается в дальнейшем изучении.

Сокращения

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	MOM — моментатив
ADD — аддитив	NCAT — некатегоричность
ADV — адвербиализатор	NEG — отрицание
ATTR — атрибутивизатор	NFIN — нефинитная форма
CVB — конверб	NPST — непрошедшее время
DAT — датив	NSG — неединственное число
DEGR — маркер степени	PASS — пассив
DU — двойственное число	PL — множественное число
FOC — фокусная частица	PROH — прохибитив
IMP — императив	PST — прошедшее время
INDF — неопределенность	PTCP — причастие
LOC — локатив	SG — единственное число

Общие

каз. диал. — казымский диалект

шур. диал. — шурышкарский диалект

Литература

- Аркадьев 2015 — *Аркадьев П. М.* Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М., 2015. {*Arkadyev P. M.* Areal typology of the prefixal perfective (a study based on European and Caucasian languages). M., 2015.}
- Бурькин, Соловар 2017 — *Бурькин А. А., Соловар В. Н.* Семантика преверба *nukh* и его роль в изменении валентности глагола (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // *Bulletin of Ugric Studies*. 2017, 7(4). С. 17—27. {*Burykin A. A., Solovarov V. N.* Semantics of the preverb *nukh* and its impact on the verb's valency patterns (a study based on the Kazym dialect of Khanty). *Bulletin of Ugric Studies*. 2017, 7(4). P. 17—27.}
- Быконя 1980 — *Быконя В. В.* Структурно-семантическая характеристика локальных уточнителей в селькупском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. {*Bykonya V. V.* Structural and semantic properties of local markers in Selkup. Ph. D. thesis. M., 1980.}
- Варда 2016 — *Варда В. Е.* Превербы в восточных диалектах хантыйского языка // *Вестник ТГПУ*. 2016, 2. С. 43—49. {*Varda V. E.* Preverbs in the Eastern dialects of Khanty // *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2016, 2. P. 43—49.}
- Каксин 2010 — *Каксин А. Д.* Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2010. {*Kaksin A. D.* The Kazym dialect of Khanty. Khanty-Mansiysk, 2010.}
- Кошкарева, Соловар 2007 — *Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н.* Увты муй ўвты: курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск, 2007. {*Koshkareva N. B., Solovarov V. N.* Uwti muj ūwti: a course of practical phonetics of Khanty (Kazym dialect). Novosibirsk, 2007.}
- Кузнецова и др. 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку. Т. 1. М., 1980. {*Kuznetsova A. I., Khelimskiy E. A., Grushkina E. V.* Selkup grammar sketches. Vol. 1. M., 1980.}
- Мельчук 1997 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. 1. М., 1997. {*Melchuk I. A.* A course in general morphology. Vol. 1. M., 1997.}
- Нахрачева 2014 — *Нахрачева Г. Л.* Семантика и функционирование глаголов деструктивного действия в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта). Ханты-Мансийск, 2014. {*Nakhracheva G. L.* Semantics and usage of destructive verbs in Khanty (a study based on Shuryshkary dialect). Khanty-Mansiysk, 2014.}
- Плунгян 2003 — *Плунгян В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003. {*Plungian V. A.* General morphology. Introduction to the field. M., 2003.}
- Соловар 2011 — *Соловар В. Н.* Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта): Дис. ... докт. филол. наук. Йошкар-Ола, 2011. {*Solovarov V. N.* The paradigm of the simple clause in Khanty (a study based on the Kazym dialect). Ph. D. thesis. Yoshkar-Ola, 2011.}
- Соловар 2018 — *Соловар В. Н.* Особенности семантики хантыйских глаголов с превербом ара // *Вестник угроведения*. 2018, 8(3). С. 470—478. {*Solovarov V. N.* Semantics of Khanty verbs with the preverb ara. *Bulletin of Ugric studies*. 2018, 8(3). P. 470—478.}
- Bybee et al. 1994 — *Bybee J. L., Perkins R. D., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Comrie et al. 2008 — *Comrie B., Haspelmath M., Bickel B.* The Leipzig glossing rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses // <http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>, 2008
- Croft 2012 — *Croft W.* Verbs: Aspect and causal structure. Oxford, 2012.
- Dahl 1985 — *Dahl Ö.* Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dowty 1991 — *Dowty D. R.* Thematic Proto-Roles and Argument Selection // *Language*. 1991. Vol. 67. P. 547—619.
- Givón 1983 — *Givón T.* Topic continuity in discourse: a quantitative cross-language study. Amsterdam, 1983.
- Honti 1986 — *Honti L.* Chrestomathia ostiatica: (osztják nyelvjárási szöveggyűjtemény nyelvtani vázlatokkal és történeti magyarázatokkal). Budapest, 1986.
- Honti 1999a — *Honti L.* Das Alter und die Entstehungsweise der “Verbalpräfixe” in uralischen Sprachen (Unter besonderer Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 1 // *Linguistica Uralica*. 1999. Vol. 35, 2. S. 81—97.
- Honti 1999b — *Honti L.* Das Alter und die Entstehungsweise der “Verbalpräfixe” in uralischen Sprachen (Unter besonderer Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 2 // *Linguistica Uralica*. 1999. Vol. 35, 3. S. 161—176.
- Kiefer 1982 — *Kiefer F.* The aspectual system of Hungarian // *Hungarian General Linguistics* / Ed. Kiefer F. Amsterdam, Philadelphia, 1982. P. 293—329.
- Kiefer 1997 — *Kiefer F.* Verbal prefixation in the Ugric languages from a typological-areal perspective // Eds. Eliasson S., Jahr E. H. *Language and its Ecology: Essays in Memory of Einar Haugen*. Berlin, 1997. P. 323—341.
- Kiefer, Honti 2003 — *Kiefer F., Honti L.* Verbal prefixation in the Uralic languages // *Acta Linguistica Hungarica*. 2003. Vol. 50, 1—2. P. 137—153.
- Kiss 2004 — *Kiss É. K.* The Syntax of Hungarian. Cambridge, 2004.
- Klein 1994 — *Klein W.* Time in language. London, New York, 1994.

Ladányi 2000 — *Ladányi M.* Productivity as a sign of category change. The case of Hungarian verbal prefixes // Morphological Analysis in Comparison / Eds. Dressler W. U., Pfeiffer O., Pöchtrager M., Rennison J. R. Amsterdam, Philadelphia, 2000. P. 113—142.

Lehmann 1985 — *Lehmann C.* Grammaticalization: Synchronic variation and diachronic change. *Lingua e Stile*. Vol. 20. Bologna, 1985. P. 303—318.

Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I.* Ostyak. München — Newcastle, 1999.

Smith 1997 — *Smith C. S.* The parameter of aspect. Dordrecht, 1997.

Stiebels 1996 — *Stiebels B.* Lexikalische Argumente und Adjunkte. Zum semantischen Beitrag von verbalen Präfixen und Partikeln. Berlin, 1996.

Talmy 1985 — *Talmy L.* Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical form // *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 3. Cambridge, 1985. P. 57—149.

UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.

Vendler 1957 — *Vendler Z.* Verbs and times // *The philosophical review*. 1957. Vol. 64, 2. P. 143—160.

Virtanen 2014 — *Virtanen S.* Grammaticalized preverbs of aspect and their contribution to expressing transitivity in Eastern Mansi // *Nyelvtudományi Közlemények*. 2014. Vol. 109. P. 109—122.

Источники

Ковган и др. 1995 — *Ковган Е. В., Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н.* Сказки народа ханты // Книга для чтения в младших и старших классах (казымский диалект) / Под ред. Немысовой Е. А., Скрибник Е. К. СПб., 1995. {*Kovgan E. V., Koshkareva N. B., Solovar V. N.* Khanty fairy-tales // A reading book for schools (Kazym dialect) / Ed. Nemysova E. A., Skribnik E.K. SPb., 1995.}

Кошкарева и др. 2012 — *Кошкарева Н. Б., Ковган Е. В., Тарасова Ф. Г., Шиянова А. А., Мильхова Ю. Г.* Образцы текстов на шурышкарском диалекте хантыйского языка // Экспедиционные материалы по языкам народов Сибири (1995—2012 гг.). Новосибирск, 2012. С. 272—277. {*Koshkareva N. B., Kovgan E. V., Tarasova F. G., Shiyanova A. A., Milyakhova Yu. G.* Text samples in the Shuryshkary dialect of Khanty // *Languages of Siberia: fieldwork materials* (1995—2012). Novosibirsk, 2012. P. 272—277.}

Лапина 2011 — *Лапина М. А.* Сказки-рассказы тегинских людей. Ханты-Мансийск, 2011. {*Lapina M. A.* Fairy-tales and stories of the Tegi people. Khanty-Mansiysk, 2011.}

Немысова, Рачинская 2002 — *Немысова Е. А., Рачинская М. А.* Пушкин А. С. Сказки. СПб., 2002. С. 31—38. {*Nemysova E. A., Rachinskaya M. A.* Pushkin A. S. Fairy-tales. SPb., 2002. P. 31—38.}

Успенская 2002 — *Успенская С. С.* Касум мув моньшат-путрат. Сказки-рассказы Земли Казымской. Томск, 2002. {*Uspenskaya S. S.* Fairy-tales and stories of the Kazym Land. Tomsk, 2002.}

Шульгина 2008 — *Шульгина Л. Я.* Мой белый стих. Салехард, 2008. {*Shulgina L. Ya.* My blank verse. Salekhard, 2008.}

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается семантика провербов *nõx* и *jõxi* в ряде говоров западнохантыйского языка на материале полевых данных и корпуса текстов. Данные лексемы используются в сочетании с глаголом в направительной функции, указывая на пространственный предел развития описываемого события, а также имеют грамматализованные употребления в качестве аспектуальных показателей, что в общих чертах соответствует типологической картине использования подобных единиц. Вместе с тем, *nõx* и *jõxi* обнаруживаются в ряде контекстов, которые ставят под сомнение их трактовку исключительно в аспектуальных терминах. Целью данной статьи является уточнение аспектуальной функции *nõx* и *jõxi*, а также выяснение принципов их взаимодействия с аргументной и информационной структурой клаузы. Предлагаемый в статье анализ показывает, что *nõx* и *jõxi* факультативно маркируют предельность события, а также чувствительны к топикальности и активированности прямого объекта.

SUMMARY

This study concerns the semantics of the preverbs *nõx* and *jõxi* in some varieties of Northern Khanty based on the field and corpus data. These preverbs function as orientation markers with verbs of motion and, in addition, have a grammaticalized use as aspectual markers largely fitting into well-known typological pat-

terns. *Нӧх* and *жӧхи* are also attested in a number of contexts that question their analysis in purely aspectual terms. The aim of this paper is thus to clarify the aspectual function of these units and to explore their interplay with the argument structure as well as the information structure of the clause. The proposed analysis shows that *нӧх* and *жӧхи* are used as optional markers of telicity and their use correlates with the topicality and the degree of activation of the direct object.

Ключевые слова: превербы, хантыйский язык, аспект, предельность, информационная структура, аргументная структура, прямой объект

Keywords: Northern Khanty, preverbs, aspect, telicity, information structure, argument structure, direct object

Закирова Айгуль Наилевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; atgz@mail.ru

Aigul N. Zakirova, National Research University Higher School of Economics; atgz@mail.ru

Муравьев Никита Алексеевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; nikita.muraviev@gmail.com

Nikita A. Muravyev, National Research University Higher School of Economics; nikita.muraviev@gmail.com

Вариации в использовании модальных частиц в литературном удмуртском языке и в бесермянском диалекте¹

1. Введение

В исследованиях, посвященных территориальным разновидностям удмуртского языка, отмечаются в первую очередь характерные фонетические различия, в то время как на грамматическом уровне различные идиомы демонстрируют большую однородность (см. обзоры основных лексических, фонетических и морфологических диалектных различий в [Насибуллин 2009; Тепляшина 1970: 37; Кельмаков 1998, Кельмаков 2003]; о синтаксических различиях см. [Карпова 2008, Карпова 2015]).

В данной статье рассматриваются различия в употреблении наиболее частотных удмуртских частиц — *ни, на, ук, ик* — в корпусах удмуртской прессы, блогов и корпусе бесермянского диалекта удмуртского языка. В работе преследовалась цель на корпусном материале проверить следующие утверждения, имеющиеся в литературе по модальным частицам в целом и по удмуртским частицам в частности:

1. Употребление модальных частиц, как и более широкого класса дискурсивных маркеров, в большей степени характерно для устной, чем для письменной речи, а также для диалогической речи в большей степени, чем для монологической ([Aijmer, Vandenberg 2009: 225—226]).
2. Энклитические частицы в составе аналитических отрицательных глагольных конструкций в северных диалектах удмуртского языка чаще употребляются при отрицательном элементе, в то время как в литературном языке — при смысловом глаголе [Vilkuna 1998, Карпова 2006].

В последние десятилетия наряду с изучением семантики и синтаксиса дискурсивных и прагматических маркеров развивается вариационно-прагматический подход к изучению данных единиц [Schneider, Baggio 2008; Pichler 2016; Aijmer 2013]. В рамках этого подхода описываются прагматические вариации в разновидностях одного языка. Цель данного подхода двойка: «введение в рассмотрение региональных и социальных вариаций в прагматические исследования» (“introducing the examination of regional and social variation in pragmatic research”) и «добавление прагматического уровня к другим языковым уровням, преимущественно анализируемым в диалектологии» (“adding the pragmatic level to the other language levels overwhelmingly analysed in dialectology”) [Schneider 2010: 239].

В рамках вариационно-прагматического подхода исследователи опираются в основном на количественные методы анализа больших корпусов [Andersen 2016]. Так, при анализе 47 интенсификаторов (*absolutely, rather, at all* и проч.) в четырех региональных разновидностях английского языка на материале корпусов 12 регистров (частные и публичные устные диалоги, подготовленные и неподготовленные устные монологи, неопубликованные письма и студенческие записки, а также печатные тексты шести регистров) Р. Фукс и У. Гут [Fuchs, Gut 2016] приходят к выводу о том, что фактор регистра в целом оказывает большее влияние на употребление интенсификаторов, чем территориальная разновидность, а также что территориальные отличия в частоте употребления интенсификаторов более заметны в неформальных, нежели в формальных регистрах. Отдельно обсуждаются корпуса, демонстрирующие модель, отличную от общей.

Настоящая статья посвящена рассмотрению количественной вариативности в употреблении модальных частиц в ситуации, где литературная и разговорная разновидности языка «в значительной степени различаются языковым выражением, коммуникативными функциями и социальной значимостью» (“{...} language varieties of Udmurt differ in a great sense in linguistic expression, communicative functions and social significance”) [Edygarova 2014: 377]. Соотношение между данными разновидностями описывается С. Едыгаровой как диглоссия. Литературная разновидность, возникшая изначально в письменной форме и утвердившаяся в начале XX века, до сих пор ограничивается преимущественно письменным модусом. Степень владения литературным языком у говорящих различна [Edygarova 2014: 378]. При этом для языка удмуртоязычных масс-медиа характерно использование языковых клише и русскоязычных языко-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 16-24-17003. Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в проведении исследования и подготовке статьи Н. В. Сердобольской (Москва), Т. А. Архангельскому (Гамбург), Н. В. Анисимову (Тарту), консультантам по языку бесермян д. Шамардан Юкаменского района Удмуртской Республики. Все возможные ошибки и неточности принадлежат исключительно автору.

вых моделей [Edygarova 2014: 378]. Устное бытование литературного языка осложняется тем, что данная разновидность изучается говорящими, а не осваивается как родной язык, и сложна для использования в спонтанной речи (“...the standard language remains an acquired language, not a native one, and therefore it is more difficult to use it in a spoken form”) [Edygarova 2014: 379, 385]. С. Едыгарова выделяет два типа разговорного удмуртского языка: диалектный (“local or dialect vernacular”) и междиалектный (“cross-local vernacular”), для которого характерно смешение диалектных и литературных форм [Edygarova 2014: 379]. Как отмечает И. Кайсина, «разговорный удмуртский язык, который, в отличие от своего стандартизированного варианта, не является объектом лингвистического пуризма, особенно подвержен изменениям, вызванным языковыми контактами» (“Vernacular Udmurt, which is, unlike its standardised counterpart, not subject to purist language practices, is especially vulnerable to contact-induced language change (...)”) [Kaysina 2014: 9]. Анализируя соотношение удмуртских и русских дискурсивных маркеров в разговорном удмуртском языке, И. Кайсина приходит к выводу о том, что удмуртские модальные частицы, в отличие от других классов дискурсивных маркеров, значительно преобладают над эквивалентными единицами, заимствованными из русского языка (с той оговоркой, что в состав анализируемых удмуртских модальных частиц вошла вопросительная частица *a*, являющаяся основным средством образования общего вопроса в удмуртском языке, что повлияло на результат) [Kaysina 2014: 24].

Язык бесермян в удмуртской диалектологии принято считать специфическим диалектом [Тепляшина 1970] или наречием удмуртского языка [Кельмаков 1998; Люкина 2008]. Язык является родным для этнически однородной группы, проживающей в основном на северо-западе Удмуртии. Анализируя своеобразие языка бесермян, В. К. Кельмаков отмечает, что наличие уникальных черт характерно в большей степени для лексического уровня, в то время как фонетические и грамматические особенности в основном совпадают с особенностями северного либо южного наречий [Кельмаков 2003: 133—134]. В данной статье рассматривается говор деревни Шамардан Юкаменского района Удмуртской Республики. Деревня Шамардан имеет преимущественно бесермянское население, для которого бесермянский диалект является родным и используется в качестве языка повседневного общения. Все информанты свободно владеют русским языком с заметными фонетическими и лексическими региональными особенностями. Большинство информантов изучали литературный удмуртский язык в школе, способны читать художественную литературу и прессу на удмуртском языке. Бесермянский диалект не имеет письменной традиции. Для транскрипции бесермянских примеров в статье применяется орфография, используемая в «Тезаурусе бесермянского наречия» [Тезаурус 2017] и созданная на основе удмуртского алфавита и правил чтения.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 представлена характеристика корпусов, на материале которых выполнялось исследование. В разделе 3 даются общие характеристики удмуртских модальных частиц. Раздел 4 посвящен вопросу о том, в какой степени модус коммуникации (устный/письменный) и режим коммуникации (монологический/диалогический) влияют на частоту употребления частиц *ни*, *на*, *ук*, *ик*. В разделе 5 описываются синтаксические характеристики и особенности употребления рассматриваемых частиц, анализируются различия в употреблении частиц в конструкции с аналитическим глагольным отрицанием в исследуемых корпусах.

2. Материал исследования

Для получения сведений по литературному удмуртскому языку мы использовали данные основного корпуса литературного удмуртского языка (далее — КЛУЯ) (http://udmurt.web-corpora.net/udmurt_corpus/search) [Архангельский 2018]. Из данного корпуса были выбраны два подкорпуса, различающихся по степени формальности ситуации создания текстов: 1) подкорпус прессы, демонстрирующий письменный литературный удмуртский язык (далее — КЛУЯ пресса); 2) подкорпус блогов, представляющих собой монологические письменные тексты, созданные в неформальной ситуации и приближенные к разговорной речи (далее — КЛУЯ блоги).

Блоги являются одним из жанров компьютерно-опосредованного дискурса, который, будучи письменным по форме, демонстрирует определенные черты устной речи, в разной степени характерные для разных жанров компьютерно-опосредованного дискурса. [Herring, Androutsopoulos 2015: 128—129]. Блоги принадлежат к асинхронному типу коммуникации, при котором отсутствуют временные ограничения на конструирование и редактирование высказывания («asynchronous CMD (computer-mediated discourse) permits users to take their time in constructing and editing messages» [Herring 2001: 618]), что также характерно для языка печатной прессы. С другой стороны, язык блогов отличает неформальность ситуации создания текста, что сближает его с разговорной речью.

В качестве источника по языку бесермян были использованы Бесермянский корпус (далее — БК, <http://beserman.ru/>) [Архангельский, Бирюк, Идрисов 2015] и Бесермянский мультимедийный корпус

(далее — БМК, https://linghub.ru/beserman_multimedia/search) [Архангельский 2017]. Корпуса представляют собой коллекцию устных спонтанных и полуспонтанных (экспериментальных) текстов. Исследуемые бесермянские корпуса составлены в основном на материале говора деревни Шамардан Юкаменского района Удмуртской Республики. Из данных корпусов были выбраны подкорпус монологических и подкорпус диалогических текстов.

Поскольку для имеющихся корпусов параметры модуса коммуникации (письменный/компьютерно-опосредованный/устный) соответствуют параметру близости к литературной норме (литературный/смешанный/диалектный), мы рассматриваем общий параметр степени кодифицированности текста. При этом письменные тексты прессы и устные диалектные тексты оказываются на разных полюсах шкалы кодифицированности, в середине которой находятся тексты блогов. Второй рассматриваемый параметр — режим коммуникации — анализируется на основе сравнения монологических и диалогических устных бесермянских текстов.

Таблица 1. Характеристика исследуемых корпусов

Наименование корпуса	КЛУЯ пресса	КЛУЯ блоги	Бесермянский корпус (БК и БМК)	
Степень кодифицированности текста	высокая	средняя	низкая	
Режим коммуникации	монологический	монологический	монологический	диалогический
Количество словоупотреблений	8733752	491145	39430 (32270+7160)	70066 (38952+31114)

Подкорпус прессы отнесен к монологическому режиму коммуникации несмотря на тот факт, что в данном подкорпусе содержится некоторое количество текстов интервью. Данные тексты, однако, не представляют собой прототипического диалога как обмена репликами. Вопросы интервьюера задают тематику последующего развернутого высказывания интервьюируемого.

Помимо корпусных были использованы данные, полученные методом анкетирования носителей литературного удмуртского языка и носителей бесермянского диалекта, а также данные Удмуртско-русского словаря (далее — УРС) [УРС 2008] и Тезауруса бесермянского наречия (далее — Тезаурус) [Тезаурус 2017].

3. Модальные частицы в идиомах удмуртского языка

Под модальными частицами в типологической литературе понимается закрытый класс единиц, выражающих оценку говорящим содержания высказывания или оценку говорящим состояния знания собеседника относительно пропозиционального содержания высказывания. [Zimmermann 2011; Bross 2012; Fedriani, Sanso 2017].

(1) *Всё же ясно как день! Тут и объяснить-то нечего!* [Запись LiveJournal (2004), Национальный корпус русского языка].

Несмотря на то что частицы в удмуртских текстах представляют собой один из самых частотных классов слов, описаний этих единиц крайне мало. Первая работа, посвященная вопросу об удмуртских частицах, была написана К. М. Баушевым в 1929 году («Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка» [Баушев 1929]). В дальнейшем разделы о частицах входили в качестве глав в описания морфологического строя литературного удмуртского языка и его диалектов. При этом в диалектных описаниях освещались в основном фонетические особенности оформления частиц разных рядов: см. [Люкина 2008: 173—175] о языке бесермян и [Карпова 2013: 58—61] о среднечепецком диалекте. В этих работах отмечаются некоторые функциональные диалектные особенности данных единиц, а также более активное использование частиц, заимствованных из русского языка. В целом исследователи указывают на схожесть состава класса частиц в указанных диалектах с составом частиц литературного удмуртского языка.

Различия в наборах дискурсивных частиц в литературном удмуртском языке и языке бесермян представлены в таблице 2 (толкования даются по «Удмуртско-русскому словарю» [УРС 2008] и «Тезаурусу бесермянского наречия» [Тезаурус 2017] соответственно).

Таблица 2. Расхождения в наборах модальных частиц в литературном удмуртском языке и языке бесермян

Литературный удмуртский язык	Бесермянский диалект
<i>ай</i> 'а, вот, ведь, -ка'	—
<i>угось, уго, уга</i> 'ведь'	—
<i>о</i> 'наверно', 'так'	—
<i>тэ</i> 'ли'	—
<i>Меда, медам, медак</i> 'ли', 'же' (вопросит.)	<i>меда, медам, медаз</i> 'интересно' (в вопросительных конструкциях)
—	<i>ке</i> 'интересно' (в вопросительных конструкциях)
—	<i>ботча</i> 'даже'
—	<i>керек</i> 'кажется, вроде бы, как будто'

В Грамматике современного удмуртского языка отмечается близость модальных частиц к классу модальных слов [ГСУЯ 1962]. При схожести общей функции и морфологического признака неизменяемости, характеристиками большинства удмуртских модальных частиц являются просодическая несамостоятельность, неспособность составлять отдельное высказывание, неспособность занимать позицию в начале высказывания. Большинство удмуртских модальных частиц обладают указанными свойствами за некоторыми исключениями. Так, модальные частицы *бен* 'же, да'², *я* 'ну', *ма* 'ну, да вот' в рассматриваемых идиомах преимущественно занимают позицию в начале предложения; дискурсивные маркеры *бен* 'да', *я* 'ладно' способны составлять отдельное высказывание (см. о диалектном распределении омонимичных частиц *бен* в комментарии к карте «Частица да» С. А. Максимова [Насибуллин 2009: 69—73]). ГСУЯ указывает на способность некоторых частиц (*ай, аль, ведь, бен, нош, оло*) использоваться в начале предложения [ГСУЯ 1962: 337] (это касается и частиц *уго, уга, угось*). Для бесермянского удмуртского этот круг сужается за счет отсутствия частиц *ай, аль* и *нош, уго, уга, угось*; для частицы *ведь* начальная позиция в текстах нетипична. Удмуртские энклитические частицы также способны образовывать кластеры (см. об этом в [Arkhangelskiy 2014] относительно бесермянского диалекта). В данной статье, однако, явление кластеризации частиц в разновидностях удмуртского языка не рассматривается, так как заслуживает, на наш взгляд, отдельного описания.

По утверждению Т. Макэнери, Р. Сяо и Ю. Тоно, диалектные различия чаще носят количественный, а не качественный характер ("dialects typically vary quantitatively rather than qualitatively" [McEnergy, Xiao, Tono 2006: 30]).

С целью определения количественной вариативности в употреблении модальных частиц в рассматриваемых корпусах были проанализировано количество употреблений четырех наиболее распространенных модальных частиц.

- Ни* 'уже, уж'. Для литературного удмуртского были суммированы количества употреблений форм *ни, ини, инь*; в бесермянском корпусе фиксируется только форма *ни*.
- КЛУЯ пресса (Удмурт дунне 2010.06.11).
...ужрад-ъёс кутск-о-з-ы=**ни** 11-тй июн-е=ик.
мероприятие-PL начать-FUT-3-PL=MP 11-ORD июнь-ILL=MP
'...мероприятия начнутся уже 11-го июня'
- Бесермянский корпус
*Мон со-лэсь юа-сько=**ни**, көзьё кунянь-м-ө-лө ним пун-о-м*
я тот-GEN2 спрашивать-PRS.1SG=MP как теленок-П.1-PL-DAT имя класть-FUT-1PL
'Я ее спрашиваю, как назовем теленка'.
- На* 'еще'.
(4) КЛУЯ блоги (udmurto4ka.blogspot.ru)
*Со-лэн корка-ез али=**но** сьл-э=**ни**.*
он/а-GEN дом-П.3SG сейчас=MP стоять-PRS.3SG=MP
'Его дом и сейчас еще стоит'.

² Поскольку большинство модальных частиц передают набор уникальных для конкретного языка значений, переводы нельзя воспринимать как однозначные соответствия, они только приблизительно отражают значение обсуждаемой частицы.

- (5) КЛУЯ пресса (Удмурт дунне 2008.02.20)
Тат-ын вал=на кык эуч гурт.
 здесь-LOC быть.PST=MP два русский деревня
 ‘Здесь было еще две русских деревни’.

Из корпуса блогов были исключены многочисленные случаи межъязыковой омонимии с русским предлогом *на* в ситуации переключения кодов.

3. *Ук* ‘ведь’.

- (6) КЛУЯ пресса (Удмурт дунне 2008.05.14).
Мар кар-о-д, пудо.живот-эз ульча-е уд кушт-ы=ук.
 что делать-FUT-2 животное-ACC улица-ILL NEG.2 бросить-NEG.SG=MP
 ‘Что поделаешь, животное на улицу не выкинешь ведь’.

4. *Ик* ‘-то, все-таки, же’.

- (7) КЛУЯ пресса (Иднакар 2013.09.05).
Нырыс-етй корка дор-ын воргорон будос-ъёс мертт-э. Со-лы=ик вазиськ-и-мы.
 первый-ORD дом около-LOC мужчина растение-PL высаживать-PRS.3SG он/а-DAT=MP обратиться-PST-1PL
 ‘Возле первого дома мужчина высаживает растения. К нему-то мы и обратились’.

Частица *но* ‘даже, и, же’ не включена в рассмотрение, поскольку для корпусов большого объема невозможно подсчитать количество ее употреблений, так как, по-видимому, нет правил, позволяющих автоматически отграничить частицу *но* от омонимичного энклитического сочинительного союза *но* ‘и, но, а’.

4. Результаты корпусного анализа частоты употребления частиц

Абсолютная частота (общее количество употреблений в корпусе) четырех частиц представлена в таблице 3.

Таблица 3. Количество употреблений частиц *ни* ‘уже’, *на* ‘еще’, *ук* ‘ведь’, *ик* ‘все-таки, же’ в корпусах

	КЛУЯ пресса	КЛУЯ блоги	БК+БМК монологи	БК+БМК диалоги
<i>Ни/ини/инь</i>	50758 (37831+12919+8)	4153 (2576+1563+14)	647 (518+129)	1150 (579+571)
<i>На</i>	22450	2056 (2230–174)	159 (138+21)	492 (212+280)
<i>Ук</i>	6042	543	99 (62+37)	727 (326+401)
<i>Ик</i>	76804	4488	174 (155+19)	240 (156+84)

4.1. Распределение частиц *ни*, *на*, *ук*, *ик* в монологических корпусах

Поскольку корпуса имеют разный объем, на графике 1 представлена общая частота употреблений рассматриваемых частиц (количество единиц на миллион словоупотреблений в корпусе) в монологических текстах.

При сравнении монологических текстов можно видеть, что употребление частиц *ни*, *ук* возрастает по мере уменьшения степени кодифицированности языка. Употребление частицы *на* в корпусе прессы противопоставлено менее кодифицированным корпусам, однако между данными корпуса блогов и бесермянского монологического корпуса статистически значимых отличий нет (p -value = 0,68, точный тест Фишера).

Распределение употреблений частицы *ик* по монологическим корпусам демонстрирует отличную от остальных частиц модель. Количество употреблений *ик* значимо ниже в устном корпусе по сравнению с письменными корпусами. Увеличение употребления частицы в корпусе блогов по сравнению с корпусом прессы малозначимо (p -value = 0,0119, точный тест Фишера).

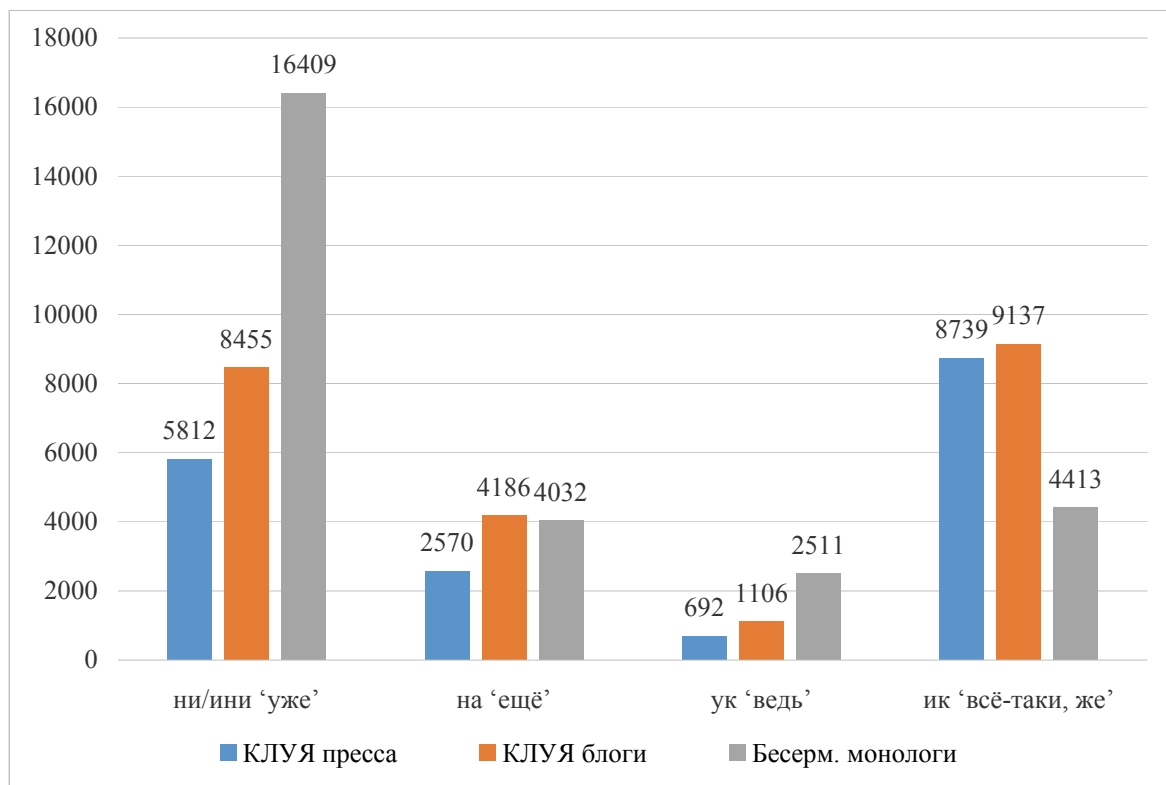

График 1. Общая частота употреблений частиц *ни*, *на*, *ук*, *ик* в монологических корпусах

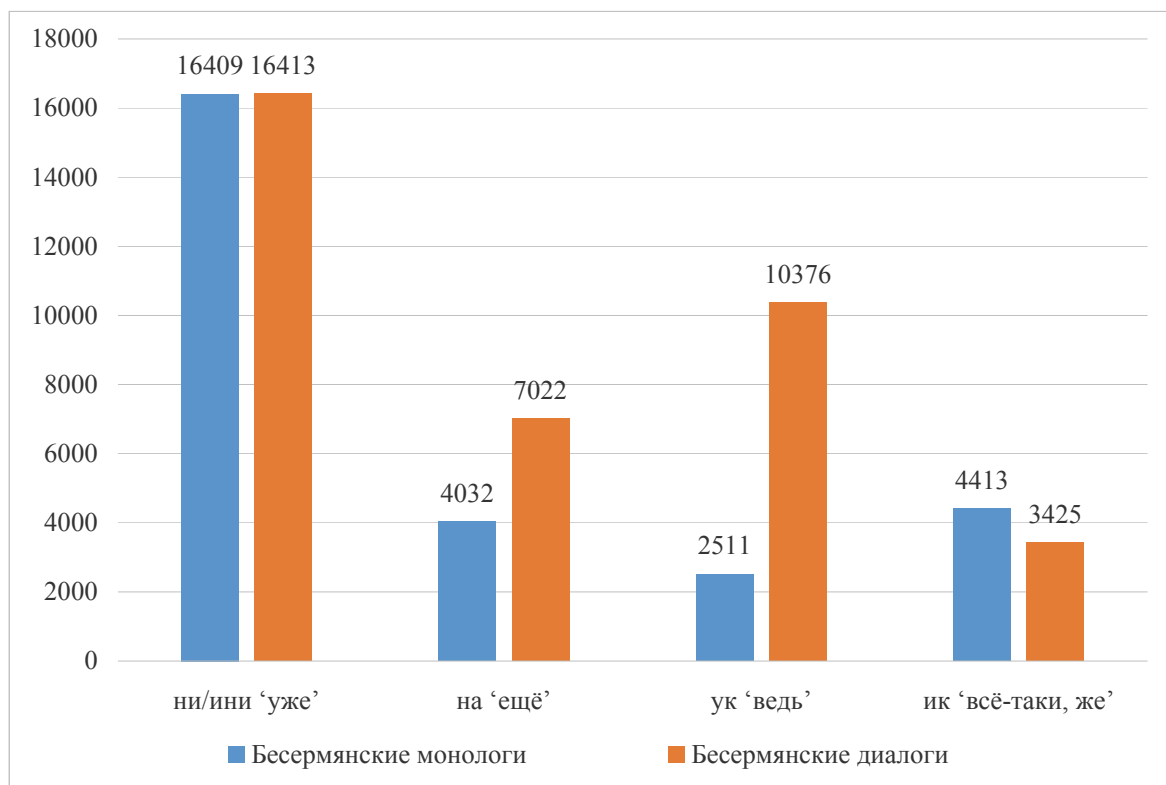

График 2. Общая частота употреблений частиц *ни*, *на*, *ук*, *ик* в монологических и диалогических устных бесермянских текстах

4.2. Распределение частиц *ни*, *на*, *ук*, *ик* в монологическом и диалогическом корпусах

График 2 демонстрирует распределение рассматриваемых частиц в монологическом и диалогическом подкорпусах бесермянского корпуса (количество единиц на миллион словоупотреблений).

Чувствительны к режиму коммуникации (монологическому vs диалогическому) частицы *ук* и *на* (используются в бесермянских диалогах в 4,1 и 1,7 раза чаще, чем в бесермянских монологах соответственно). Зависимость появления частицы *ик* от режима коммуникации в устном корпусе наблюдается в меньшей степени (p -value = 0,014, точный тест Фишера). Статистически значимой зависимости от режима коммуникации для частицы *ни* не наблюдается (p -value = 0,86, точный тест Фишера).

4.3. Диалектные вариации

По-видимому, высокая частотность частицы *ни* в бесермянском диалекте создала условия для лексикализации этой частицы в сочетании с отрицательной формой бытийного глагола *эвол*. Образовавшийся в результате дискурсивный маркер *эвень* ‘уже не / нет, больше не / нет’ (< *эвол ни*) характерен также для других севернудмуртских говоров [Люкина 2008: 174; Карпова 2013: 59]. Морфолого-синтаксические функции маркера *эвень* совпадают с функциями элемента *эвол*: отрицательный предикатив; отрицание именного предиката; часть некоторых аналитических отрицательных глагольных форм (второе прошедшее, инфинитив, дебитив, результатив). Значение данного маркера композиционно, так что в любых контекстах он может быть заменен на исходные элементы; кроме того, для большинства носителей является приемлемым употребление *эвень* с последующей частицей *ни* (8).

(8) Бесермянский, элицитация

Аскө уж-е мөн-оно эвень / эвол=ни / эвень=ни.
завтра работа-ILL идти-DEB NEG.COP.MP / NEG.COP=MP / NEG.COP.MP=MP
‘Завтра мне уже не надо идти на работу’

В Бесермянском корпусе употребления конкурирующих единиц распределены следующим образом: *эвень* — 67 (из них *эвень ни* — 9), *эвол ни* — 9. В письменных разновидностях удмуртского языка данный лексикализованный маркер не употребляется (в Удмуртско-русском словаре соответствующая единица имеет форму *ёвёнъ* и помету «диалектное» [УРС 2008]).

Частица *на* также может выступать в языке бесермян, как и в других северных диалектах, в составе лексикализованной формы *ошна* ‘еще, опять’ (< *нош на* букв. ‘опять еще’) [Люкина 2008: 174], однако в бесермянском корпусе эта форма редка (три случая) и признается носителями языка устаревшим словом. Как и в случае с лексикализованной единицей *эвень*, предложение с *ошна* может содержать дублирующую частицу *на* (9). Данное явление характерно для спонтанной речи, в то время как при элицитации оно оценивается некоторыми носителями как менее приемлемое.

(9) Бесермянский, элицитация

Каль гинэ юа-з, ошна юа=на.
сейчас только спрашивать-PST опять спрашивать=MP
‘Только спросил и опять спрашивает’

В письменных корпусах единицы *ношна/нышна*, отмечаемые в Удмуртско-русском словаре [УРС 2008], не встречаются.

Результаты для частицы *ук* в монологических корпусах демонстрируют последовательный рост употреблений по мере уменьшения степени кодифицированности текста. Влиять на подобное распределение может наличие частично пересекающихся с *ук* по значению частиц *уго*, *уга*, *угось* ‘ведь, же’ в литературном языке (в языке прессы в большей степени, чем в языке блогов) и отсутствие конкурирующих единиц в языке бесермян.

Частица *ик* ‘все-таки, же’ в монологическом устном корпусе встречается в два раза реже, чем в письменных корпусах. В наиболее часто встречающемся значении эта частица относится к классу частиц эмфатической идентичности [Закирова 2019], описанному в [König 1991] для немецкого и английского языков. Так, немецкая частица *eben*, относящаяся к данному классу, имеет в своей сфере действия в основном указательные местоимения и анафорические выражения, при этом «указательные и анафорические элементы выражают референциальную идентичность двух выражений, а *eben* подчеркивает эту идентичность» (“Demonstrative and anaphoric elements express referential identity of two expressions and *eben* emphasises this identity”) [König 1991: 123]. Помимо того, что удмуртская частица *ик* имеет тенденцию присоединяться к анафорическим выражениям [Зубова 2016], существуют частотные сочетания

анафорических и неанафорических единиц с данной частицей. В таблице 4 представлено распределение коллокаций с частицей *ик* по корпусам с информацией о том, какой процент от общего употребления частицы *ик* составляет употребление в составе коллокации в корпусе, и указанием коэффициента взаимной зависимости элементов коллокации (pointwise mutual information, PMI³). Переводы коллокаций, кроме *ўаллѣ ик*, даны по Удмуртско-русскому словарю [УРС 2008].

Таблица 4. Коллокации с частицей *ик*

	КЛУЯ (пресса) (всего 76804 употреблений <i>ик</i>)	КЛУЯ (блоги) (всего 4488 употреблений <i>ик</i>)	Бесерм. корпус (всего 414 употреблений <i>ик</i>)
<i>озьы ик</i> ‘так же, так и’ (бесерм. <i>озь ик</i>)	10224 13,3% PMI 3,71	507 11,3% PMI 3,4	127 30,7% PMI 4,09
<i>соин ик</i> ‘поэтому’	8007 10,4% PMI 4,01	315 7% PMI 3,58	8 1,9% PMI 3,35
<i>соку ик</i> ‘тогда же, сразу же’	3357 4,4% PMI 3,48	176 3,9% PMI 3,49	5 1,2% PMI 3,14
<i>одно ик</i> ‘обязательно’	3454 4,5% PMI 4,39	310 6,9% PMI 4,43	—
<i>нош ик</i> ‘опять’	3261 4,2% PMI 2,04	252 5,6% PMI 1,94	8 1,9% PMI 4,36
<i>нырысь ик</i> ‘во-первых, в первую очередь, прежде всего’	4238 5,5% PMI 4,22	159 3,5% PMI 3,57	0 (см. <i>ўаллѣ ик</i>)
<i>ўаллѣ ик</i> ‘раньше, сперва, сначала’	—	—	5 1,2% PMI 3,34

В диалектных текстах можно увидеть заметно более интенсивное употребление сочетания частицы с анафорическим элементом *озь ик* ‘так же, так и’ при сниженной доле остальных сочетаний. Сочетание *одно ик* ‘обязательно’, представленное в литературном языке, не имеет эквивалентного выражения с частицей *ик* в бесермянском диалекте.

5. Синтаксические вариации в употреблении частиц

Частицы *ни*, *на*, *ук* имеют сентенциальную сферу действия и в большинстве случаев располагаются в предложении справа от предиката. Частица *ик* обнаруживает большее разнообразие в выборе категории опорного слова в связи с тем, что ее сфера действия, как правило, представляет собой составляющую меньшего, чем предложение, объема. В исследуемых корпусах обнаруживается заметное количественное отличие в частоте появления глагольных форм (включая нефинитные) в качестве опорного слова для частицы *ик* (при этом частица принимает значение, близкое к рус. ‘аж, даже’). Наиболее часто подобное употребление встречается в корпусе блогов (14,48% от общего процента употреблений частицы *ик*):

(10) КЛУЯ блоги (igoninamaria.ru 2015—2016)

Мон аж экт-й=ик пичияк.
Я аж танцевать-PST.1SG=MP немножко
‘Я аж/даже танцевала немножко’

³ Одна из статистических мер ассоциации между словами [см. Voшта 2009]. Если PMI имеет позитивное значение, частота встречаемости элементов в коллокации выше, чем случайная. Чем выше значение PMI, тем сильнее связаны элементы коллокации. Значения PMI, представленные в таблице 3, были вычислены с использованием натурального логарифма.

В корпусе прессы доля подобных употреблений ниже (9,29%), в то время как в бесермянском корпусе этот процент относительно невелик (2,65%).

М. Вилкуна отмечает, что в удмуртском языке сочетание отрицательного глагола с последующим основным глаголом представляет собой тесное единство, внутри этого сочетания могут находиться только частицы *но, на, (и)ни* [Vilkuna 1998: 212].

(11) Бесермянский корпус

Мон точно уг=ни тод-йськ-ө кече ар-өн со вал
 я точно NEG=MP знать-PRS-SG как год-LOC тот быть.PST
 ‘Я точно не помню, в каком году это было’

По наблюдению Л. Л. Карповой, чаще такое положение частиц (*ни, на, ук*) наблюдается в северных диалектах по сравнению с другими диалектами и литературным языком [Карпова 2006: 109], где частицы (в случае сентенциальной сферы действия) следуют за смысловым глаголом.

Корпусные данные свидетельствуют о том, что в позиции между отрицательным и основным глаголом способны появляться следующие единицы: *ни, на, но* (частица и соединительный союз), *ук, ик, ке* (условный союз), вопросительная частица *а*. В таблице 5 представлены данные о распределении количества употреблений этих единиц в трех корпусах в конструкциях с аналитическим глагольным отрицанием.

Таблица 5. Соотношение употребления частиц и союзов в конструкциях с аналитическим глагольным отрицанием

	КЛЮЯ (пресса)	КЛЮЯ (блоги)	БК+БМК
NEG <i>ни</i> V : NEG V <i>ни</i>	0,25 (1520 : 6082)	0,72 (231 : 320)	6,95 (139 : 20)
NEG <i>на</i> V : NEG V <i>на</i>	0,22 (561 : 2560)	0,89 (141 : 158)	15,3 (46 : 3)
NEG <i>ук</i> V : NEG V <i>ук</i>	0,001 (1 : 823)	0,02 (1 : 48)	0,19 (7 : 36)
NEG <i>ик</i> V : NEG V <i>ик</i>	363 (726 : 2)	48 (48 : 1)	- (0 : 0)
NEG <i>ке</i> V : NEG V <i>ке</i>	0,34 (776 : 2300)	0,49 (66 : 135)	15 (15 : 1)
NEG <i>а</i> V : NEG V <i>а</i>	0,24 (247 : 1041)	0,68 (21 : 31)	32,5 (65 : 2)
NEG <i>но</i> V : NEG V <i>но</i>	9,34 (1392 : 149)	3,64 (164 : 45)	4,79 (67 : 14)

Значения, представленные в таблице 5, подтверждают, что в диалектном бесермянском корпусе по сравнению с корпусами литературного языка в конструкциях с аналитическим глагольным отрицанием на порядок чаще встречаются употребления частиц *ни, на, ук, а* и союза *ке* в позиции после отрицательного глагола. Доля этих элементов в позиции после отрицательного глагола в корпусе блогов немного выше, чем в корпусе прессы.

Употребление частицы и союза *но* в отрицательной глагольной конструкции не обнаруживает настолько значительных отличий в корпусах. Во всех трех корпусах позиция *но* после отрицательного глагола является преобладающей.

Для корпусов литературного удмуртского языка позиция частицы *ик* после отрицательного глагола является основной. При элицитации позиция *ик* после основного глагола в том же контексте оценивается как менее приемлемая.

(12) Лит. удмуртский, элицитация

- а. *Мон со сярись ө-й=ик малпа-ськ-ы.*
 я тот о NEG.PST-1SG=MP думать-DETR-SG
 б. *Мон со сярись ө-й малпа-ськ-ы=?ик.*
 я тот о NEG.PST-1SG думать-DETR-SG=MP
 ‘Я об этом даже не думал’

В бесермянском корпусе частица *ик* в конструкциях с аналитическим отрицанием не встречается; при элицитации возможна позиция после отрицательного глагола (13а), тогда как после основного гла-

гола возможность употребления частицы, как и в литературном удмуртском, является сомнительной для респондентов (13b).

(13) Бесерм., элицитация

а. *Мон со сярөсь э-й=ик чакла-ськ-ө.*
я тот о NEG.PST-1SG=MP думать-DETR-SG

б. *Мон со сярөсь э-й чакла-ськ-ө[?]ик.*
я тот о NEG.PST-1SG думать-DETR-SG=MP
'Я об этом даже не думал'

Единичные примеры из письменных корпусов, однако, показывают, что употребления *ик* в рассматриваемой конструкции после основного глагола возможны:

(14) КЛУЯ блоги (pavel-vahrushev.livejournal.com 2013—2014)

Лагер-е со дыр-озь особо ветл-эм-е ө-й вал=ик.
лагерь-ILL тот время-TERM особо ходить-PTCP.PST-P.1SG NEG.PST-1SG быть.PST=MP

[(рассказчик) был маленький, испугался (ехать)] 'В лагерь-то до этого особо не ездил'

6. Выводы

1. Несмотря на то, что суммарно доля модальных частиц (*ни, на, ук, ик*) возрастает от кодифицированного письменного корпуса к некодифицированному устному и от монологического устного корпуса к диалогическому, модели поведения каждой из частиц могут отличаться. Для двух из четырех анализируемых частиц (*ни, ук*) наблюдается тенденция к последовательному увеличению частоты использования по мере уменьшения степени кодифицированности текстов. Количество употреблений частицы *на* возрастает в корпусе блогов по сравнению с корпусом прессы, однако в устном бесермянском монологическом корпусе остается на уровне корпуса блогов. Частица *ик* демонстрирует противоположную модель: не отличаясь в письменных корпусах, частота употребления этой частицы в устном монологическом корпусе снижается в два раза.

Коллокации с частицей *ик* в письменных корпусах распределены более равномерно по сравнению с устным корпусом, где основная доля употреблений в составе устойчивых сочетаний приходится на коллокацию с анафорическим элементом *озь* 'так'. Доля текстовых коннекторов с частицей *ик* в их составе в письменных корпусах ожидаемо выше, чем в устном корпусе.

Чувствительны к режиму коммуникации (монолог/диалог) в устном бесермянском корпусе частицы *ук* и *на*.

2. Набор элементов, способных находиться в положении между отрицательным и основным глаголами, составляют частицы *ни, на, ук, ик, а, но* (частица и союз), союз *ке*. Для частиц *ни, на, ук, а* анализ корпусов подтверждает наличие тенденции присоединения этих частиц к отрицательному глаголу, отмечаемой исследователями как примета северных диалектов, в устных бесермянских текстах, а также наличие тенденции чаще присоединяться к основному глаголу в литературном языке. Корпусный анализ демонстрирует, что данные частицы встречаются в корпусе блогов в позиции после отрицательного глагола немного чаще, чем в корпусе прессы. Частица *ик*, однако, демонстрирует отличающуюся модель. Для нее характерно появляться в позиции после отрицательного глагола именно в письменных корпусах литературного удмуртского языка. Примеры употребления частицы *ик* в позиции после смыслового глагола единичны. При этом случаи употребления частицы *ик* в конструкции с аналитическим глагольным отрицанием в устном бесермянском корпусе отсутствуют (хотя возможны при элицитации). Употребление частицы *но* в аналитической глагольной конструкции не обнаруживает существенных отличий среди трех корпусов; частица чаще присоединяется к отрицательному, чем к основному глаголу.

Приложение

1. Корпусные запросы, на основании которых были получены результаты в таблицах 1, 3 для подкорпусов прессы и блогов (http://udmurt.web-corpora.net/udmurt_corpus/search).

Объем подкорпуса прессы в основном корпусе удмуртского языка:

n_words=1&random_seed=273301&wfl=*&n_anal=any&lang1=udmurt&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=press&

Количество употреблений частицы *ни* в подкорпусе прессы:

n_words=1&random_seed=273301&wfl=%D0%BD%D0%B8&n_ana1=any&lang1=udmurt&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=press&

Количество употреблений частицы *ни* в подкорпусе прессы:

n_words=1&random_seed=273301&wfl=%D0%B8%D0%BD%D0%B8&n_ana1=any&lang1=udmurt&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=press&

Количество употреблений частицы *инь* в подкорпусе прессы:

n_words=1&random_seed=273301&wfl=%D0%B8%D0%BD%D1%8C&n_ana1=any&lang1=udmurt&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=press&

Количество употреблений частицы *на* в подкорпусе прессы:

n_words=1&random_seed=273301&wfl=%D0%BD%D0%B0&n_ana1=any&lang1=udmurt&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=press&

Количество употреблений частицы *ук* в подкорпусе прессы:

n_words=1&random_seed=273301&wfl=%D1%83%D0%BA&n_ana1=any&lang1=udmurt&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=press&

Количество употреблений частицы *ик* в подкорпусе прессы:

n_words=1&random_seed=273301&wfl=%D0%B8%D0%BA&n_ana1=any&lang1=udmurt&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=press&

Объем подкорпуса блогов в основном корпусе удмуртского языка:

n_words=1&random_seed=273301&wfl=*&n_ana1=any&lang1=udmurt&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Количество употреблений частицы *ни* в подкорпусе блогов:

n_words=1&random_seed=273301&wfl=%D0%BD%D0%B8&n_ana1=any&lang1=udmurt&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Количество употреблений частицы *ни* в подкорпусе блогов:

n_words=1&random_seed=273301&wfl=%D0%B8%D0%BD%D0%B8&n_ana1=any&lang1=udmurt&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Количество употреблений частицы *инь* в подкорпусе блогов:

n_words=1&random_seed=273301&wfl=%D0%B8%D0%BD%D1%8C&n_ana1=any&lang1=udmurt&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Количество употреблений частицы *на* в подкорпусе блогов (из полученного результата были исключены 174 контекста (вручную отсортированные случаи употребления омонимичного русского предлога *на* в ситуации переключения кодов)):

n_words=1&random_seed=273301&wfl=%D0%BD%D0%B0&n_ana1=any&lang1=udmurt&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Количество употреблений частицы *ук* в подкорпусе блогов:

n_words=1&random_seed=273301&wfl=%D1%83%D0%BA&n_ana1=any&lang1=udmurt&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Количество употреблений частицы *ик* в подкорпусе блогов:

n_words=1&random_seed=273301&wfl=%D0%B8%D0%BA&n_ana1=any&lang1=udmurt&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

2. Создание подкорпусов монологов и диалогов в бесермянских корпусах.

Информацию о типе текста (монолог/диалог) для создания подкорпуса в бесермянском корпусе (http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru) можно получить по следующей ссылке: <http://beserman.ru/>

corpus/search/?interface_language=ru. Затем выбирается необходимая часть алфавитного списка текстов (Подкорпус — Произведение — Устная речь).

В мультимедийном бесермянском корпусе (<http://multimedia-corpus.beserman.ru/search>) для создания подкорпуса следует выбрать монологические/диалогические тексты из списка (Select subcorpus — Choose from a list).

3. Запросы, на основании которых были получены результаты для подкорпуса прессы основного удмуртского корпуса (http://udmurt.web-corpora.net/udmurt_corpus/search) в таблице 5.

Neg ни V:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&lex2=%D0%BD%D0%B8&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=press&

Neg V ни:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&gr2=V&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&lex3=%D0%BD%D0%B8&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=press&

Neg на V:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&lex2=%D0%BD%D0%B0&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=press&

Neg V на:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&gr2=V&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&lex3=%D0%BD%D0%B0&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=press&

Neg ук V:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&lex2=%D1%83%D0%B3&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=press&

Neg V ук:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&gr2=V&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&lex3=%D1%83%D0%BA&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=press&

Neg ик V:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0

%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&lex2=%D0%B8%D0%BA&n_ana2=any&lang2=udmurt
&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2
&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=stand
ard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additio
nal_ana_fields=on&genre=press&

Neg V ик:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C
%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0
%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&gr2=V&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&
word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&lex3=%D0%B8%D0%BA&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2
&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=stand
ard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additio
nal_ana_fields=on&genre=press&

Neg ke V:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C
%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0
%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&lex2=%D0%BA%D0%B5&n_ana2=any&lang2=udmurt
&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2
&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=stand
ard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additio
nal_ana_fields=on&genre=press&

Neg V ке:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C
%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0
%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&gr2=V&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&
word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&lex3=%D0%BA%D0%B5&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2
&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=stand
ard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additio
nal_ana_fields=on&genre=press&

Neg но V:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C
%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0
%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&lex2=%D0%BD%D0%BE&n_ana2=any&lang2=udmurt
&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2
&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=stand
ard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additio
nal_ana_fields=on&genre=press&

Neg V но:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C
%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0
%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&gr2=V&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&
word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&lex3=%D0%BD%D0%BE&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2
&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=stand
ard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additio
nal_ana_fields=on&genre=press&

Neg a V:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C
%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0
%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&lex2=%D0%B0&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&
word_dist_from_2_0=0&word_dist_to_2_0=0&gr3=V&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dis
t_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit
=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fiel
ds=on&genre=press&

Neg V а:

n_words=4&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C
%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0
%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&gr2=V&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&

word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&lex3=%D0%B0&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=0&word_dist_to_3_0=0&wf4=%D0%BC%D0%B0%D1%80&n_ana4=any&lang4=udmurt&word_rel_4_0=3&word_dist_from_4_0=1&word_dist_to_4_0=1&negq4=on&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=press&

4. Запросы, на основании которых были получены результаты для подкорпуса блогов основного удмуртского корпуса (http://udmurt.web-corpora.net/udmurt_corpus/search) в таблице 5.

Neg ни V:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&lex2=%D0%BD%D0%B8&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Neg V ни:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&gr2=V&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&lex3=%D0%BD%D0%B8&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Neg на V:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&lex2=%D0%BD%D0%B0&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Neg V на:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&gr2=V&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&lex3=%D0%BD%D0%B0&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Neg ук V:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&lex2=%D1%83%D0%BA&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Neg V ук:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&gr2=V&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&lex3=%D1%83%D0%BA&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Neg ик V:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&lex2=%D0%B8%D0%BA&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Neg V ик:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&gr2=V&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&lex3=%D0%B8%D0%BA&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Neg ке V:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&lex2=%D0%BA%D0%B5&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Neg V ке:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&gr2=V&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&lex3=%D0%BA%D0%B5&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Neg но V:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&lex2=%D0%BD%D0%BE&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Neg V но:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&gr2=V&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&lex3=%D0%BD%D0%BE&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Neg а V:

n_words=3&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&lex2=%D0%B0&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=0&word_dist_to_2_0=0&gr3=V&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

Neg V а:

n_words=4&random_seed=7228&lex1=(%D1%83%D0%B3%7C%D1%83%D0%B7%7C%D1%83%D0%BC%7C%D1%83%D0%B4%7C%D3%A7%D0%BC%7C%D3%A7%D0%B4%7C%D3%A7%D0%B7%7C%D3%A7%D0

%B9%7C%D1%8D%D0%BD)&n_ana1=any&lang1=udmurt&gr2=V&n_ana2=any&lang2=udmurt&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&lex3=%D0%B0&n_ana3=any&lang3=udmurt&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=0&word_dist_to_3_0=0&wf4=%D0%BC%D0%B0%D1%80&n_ana4=any&lang4=udmurt&word_rel_4_0=3&word_dist_from_4_0=1&word_dist_to_4_0=1&negq4=on&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&input_method=normal&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&genre=blog&

5. Запросы, на основании которых были получены результаты для мультимедийного бесермянского корпуса в таблице 5.

Neg ни V:

n_words=3&random_seed=475610&wf1=ug%7Cud%7Cuz%7Cum%7Cej%7Ced%7Cez%7Cem%7Cen&n_ana1=any&lang1=beserman&wf2=n%CA%BCi&n_ana2=any&lang2=beserman&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=beserman&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&

Neg V ни:

n_words=3&random_seed=475610&wf1=ug%7Cud%7Cuz%7Cum%7Cej%7Ced%7Cez%7Cem%7Cen&n_ana1=any&lang1=beserman&gr2=V&n_ana2=any&lang2=beserman&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&wf3=n%CA%BCi&n_ana3=any&lang3=beserman&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&

Neg на V:

n_words=3&random_seed=475610&wf1=ug%7Cud%7Cuz%7Cum%7Cej%7Ced%7Cez%7Cem%7Cen&n_ana1=any&lang1=beserman&wf2=na&n_ana2=any&lang2=beserman&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=beserman&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&

Neg V на:

n_words=3&random_seed=475610&wf1=ug%7Cud%7Cuz%7Cum%7Cej%7Ced%7Cez%7Cem%7Cen&n_ana1=any&lang1=beserman&gr2=V&n_ana2=any&lang2=beserman&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&wf3=na&n_ana3=any&lang3=beserman&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&

Neg ук V:

n_words=3&random_seed=475610&wf1=ug%7Cud%7Cuz%7Cum%7Cej%7Ced%7Cez%7Cem%7Cen&n_ana1=any&lang1=beserman&wf2=uk&n_ana2=any&lang2=beserman&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=beserman&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&

Neg V ук:

n_words=3&random_seed=475610&wf1=ug%7Cud%7Cuz%7Cum%7Cej%7Ced%7Cez%7Cem%7Cen&n_ana1=any&lang1=beserman&gr2=V&n_ana2=any&lang2=beserman&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&wf3=uk&n_ana3=any&lang3=beserman&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&

Neg ик V:

n_words=3&random_seed=475610&wf1=ug%7Cud%7Cuz%7Cum%7Cej%7Ced%7Cez%7Cem%7Cen&n_ana1=any&lang1=beserman&wf2=ik&n_ana2=any&lang2=beserman&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=beserman&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&

Neg V ик:

n_words=3&random_seed=475610&wf1=ug%7Cud%7Cuz%7Cum%7Cej%7Ced%7Cez%7Cem%7Cen&n_ana1=any&lang1=beserman&gr2=V&n_ana2=any&lang2=beserman&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&wf3=ik&n_ana3=any&lang3=beserman&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&

Neg ke V:

n_words=3&random_seed=475610&wf1=ug%7Cud%7Cuz%7Cum%7Cej%7Ced%7Cez%7Cem%7Cen&n_ana1=any&lang1=beserman&wf2=ke&n_ana2=any&lang2=beserman&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=beserman&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&

Neg V ke:

n_words=3&random_seed=475610&wf1=ug%7Cud%7Cuz%7Cum%7Cej%7Ced%7Cez%7Cem%7Cen&n_ana1=any&lang1=beserman&gr2=V&n_ana2=any&lang2=beserman&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&wf3=ke&n_ana3=any&lang3=beserman&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&

Neg no V:

n_words=3&random_seed=475610&wf1=ug%7Cud%7Cuz%7Cum%7Cej%7Ced%7Cez%7Cem%7Cen&n_ana1=any&lang1=beserman&wf2=no&n_ana2=any&lang2=beserman&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=beserman&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&

Neg V no:

n_words=3&random_seed=475610&wf1=ug%7Cud%7Cuz%7Cum%7Cej%7Ced%7Cez%7Cem%7Cen&n_ana1=any&lang1=beserman&gr2=V&n_ana2=any&lang2=beserman&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&wf3=no&n_ana3=any&lang3=beserman&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&

Neg a V:

n_words=3&random_seed=475610&wf1=ug%7Cud%7Cuz%7Cum%7Cej%7Ced%7Cez%7Cem%7Cen&n_ana1=any&lang1=beserman&wf2=a&n_ana2=any&lang2=beserman&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&gr3=V&n_ana3=any&lang3=beserman&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&

Neg V a:

n_words=4&random_seed=475610&wf1=ug%7Cud%7Cuz%7Cum%7Cej%7Ced%7Cez%7Cem%7Cen&n_ana1=any&lang1=beserman&gr2=V&n_ana2=any&lang2=beserman&word_rel_2_0=1&word_dist_from_2_0=1&word_dist_to_2_0=1&wf3=a&n_ana3=any&lang3=beserman&word_rel_3_0=2&word_dist_from_3_0=1&word_dist_to_3_0=1&wf4=mar&n_ana4=any&lang4=beserman&word_rel_4_0=3&word_dist_from_4_0=1&word_dist_to_4_0=1&negq4=on&page_size=10&sort=random&distance_strict=on&viewing_mode=standard&translit=original&toggle_lemma=on&toggle_grammar=on&toggle_gloss=on&toggle_additional_ana_fields=on&

6. Пример запроса в бесермянском корпусе (http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru) для получения результата для таблицы 5:

Слово 1: Форма: ug|ud|uz|um|ej|ed|ez|em|en

Расстояние до следующего слова от 1 до 1 (в словах).

Слово 2: Форма: па

Расстояние до следующего слова от 1 до 1 (в словах).

Слово 3: Грамматика и части речи: V

Сокращения

Языки

бесерм. — бесермянский диалект удмуртского языка

Глоссы

1 — первое лицо
2 — второе лицо
3 — третье лицо

ACC — аккузатив
COP — копула
DAT — датив

DEB — дебитив
 DETR — детранзитив
 FUT — будущее время
 GEN — генитив
 GEN2 — генитив 2
 ILL — иллатив
 LOC — локатив
 MP — модальная частица
 NEG — отрицание

ORD — порядковое числительное
 P — посессив
 PL — множественное число
 PRS — настоящее время
 PST — прошедшее время
 PTCP — причастие
 SG — единственное число
 TERM — терминатив

Прочие

БК — Бесермянский корпус
 БМК — Бесермянский мультимедийный корпус
 ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка

КЛУЯ — Корпус литературного удмуртского языка
 УРС — Удмуртско-русский словарь

Литература

Архангельский 2017 — *Архангельский Т. А.* Бесермянский мультимедийный корпус. 2017. {*Arkhangelskiy T. A. Multimedia corpus of Beserman. 2017.*}

Архангельский 2018 — *Архангельский Т. А.* Корпуса удмуртского языка // <http://udmurt.web-corpora.net/>, 2018. {*Arkhangelskiy T. A. Corpora of Udmurt // http://udmurt.web-corpora.net/*, 2018.}

Архангельский, Бирюк, Идрисов 2015 — *Архангельский Т. А., Бирюк О. Л., Идрисов Р. И.* Бесермянский корпус // http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru. 2015. {*Arkhangelskiy T. A., Biryuk O. L., Idrisov R. I. Beserman corpus // http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru. 2015.*}

Баушев 1929 — *Баушев К. М.* Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка. М.—Л., 1929. {*Baushev K. M. Syntax of Votic speech and genesis of conjunction particles. M.—L., 1929.*}

ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. {*Grammar of contemporary Udmurt. Phonetics and morphology. Izhevsk, 1962.*}

Закирова 2019 — *Закирова А. Н.* Частицы эмфатической идентичности в Поволжском языковом союзе: магистерская диссертация. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М., 2019. {*Zakirova A. N. Particles of emphatic identity in the Volga Sprachbund: M.A. thesis. National research university "Higher School of Economics". M., 2019.*}

Зубова 2016 — *Зубова Ю. Н.* Синтаксис и семантика фокусных частиц в бесермянском диалекте удмуртского языка (на примере частиц *ik* и *uk*) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XII. Ч. 1. Исследования по типологии и грамматике. СПб., 2016. С. 442—450.* {*Zubova Yu. N. Syntax and semantics of focus particles in Beserman dialect of Udmurt (based on the examples of particles ik and uk) // Acta Linguistica Petropolitana. Papers of the Institute for linguistic studies RAS. Vol. XII. Part 1. Studies in typology and grammar. SPb., 2016. P. 442—450.*}

Карпова 2006 — *Карпова Л. Л.* Особенности служебных частей речи среднечепецких говоров (в контексте североудмуртских диалектов) // *Пермистика XI: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI международного симпозиума (30—31 марта 2006 г., Пермь) / Отв. Ред. Пономарева Л. Г. Пермь, 2006. С. 104—111.* {*Karpova L. L. Peculiarities of auxiliaries in Middle Chepets dialects (in the context of northern Udmurt dialects) // Permian studies XI: dialects and history of the Permian languages in interplay with other languages: Proceedings of XI international symposium (30—31 March 2006, Perm) / Ed. by Ponomareva L. G. P. 104—111.*}

Карпова 2008 — *Карпова Л. Л.* Синтаксические особенности северноудмуртских диалектов. On syntactical peculiarities of the north Udmurt dialects. Вестник ЧитГУ. 2008, 6 (51). С. 95—97. {*Karpova L. L. On syntactical peculiarities of the north Udmurt dialects. Bulletin of Chita State University. 2008, 6 (51). P. 95—97.*}

Карпова 2013 — *Карпова Л. Л.* Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. {*Karpova L. L. Lexicon of the northern Udmurt dialects. Middle Chepets dialect. Izhevsk, 2013.*}

Карпова 2015 — *Карпова Л. Л.* Особенности порядка слов в удмуртской народно-разговорной речи (на материале северных диалектов) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 85—91. {*Karpova L. L. On peculiarities of word order in Udmurt speech (on the materials of the northern dialects). Bulletin of Udmurt University. "History and philology" series. 2015. Vol. 25. Iss. 2. P. 85—91.*}

Кельмаков 1998 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск, 1998. {*Kel'makov V. K. A short course of Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialect texts. Bibliography. Izhevsk, 1998.*}

- Кельмаков 2003 — *Кельмаков В. К.* Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 1. Ижевск, 2003. {*Kel'makov V. K.* Dialect and historical phonetics of Udmurt. Part 1. Izhevsk, 2003.}
- Люкина 2008 — *Люкина Н. М.* Особенности языка бalezинских и юкаменских бесермян (сравнительная характеристика). Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2008. {*Lyukina N. M.* Peculiarities of the language of Balezino and Yukamenskoye Beserman (a comparative study). Ph. D. thesis. Izhevsk, 2008.}
- Насибуллин 2009 — *Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В.* Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. I. Ижевск, 2009. {*Nasibullin R. Sh., Maksimov S. A., Semenov V. G., Otstavnova G. V.* The Udmurt dialect atlas: Maps and commentaries. Iss. 1. Izhevsk, 2009.}
- Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>, 2003—2019. {National corpus of the Russian language // <http://www.ruscorpora.ru>, 2003—2019.}
- Тезаурус 2017 — *Усачева М. Н., Архангельский Т. А., Бирюк О. Л., Иванов В. А., Идрисов Р. И.* Тезаурус бесермянского наречия: Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан). М., 2017. {*Usacheva M. N., Arkhangel'skiy T. A., Biryuk O. L., Ivanov V. A., Idrisov R. M.* Thesaurus of the Beserman idiom: Nomina and auxiliaries (dialect of village Shamardan). M., 2017.}
- Тепляшина 1970 — *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. М., 1970. {*Teplyashina T. I.* Language of Besermans. M., 1970.}
- УРС 2008 — Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов. *Кириллова Л. Е.* (отв. ред.). РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2008. {Udmurt-Russian dictionary: approx. 50 000 word entries. Ed. by *Kirillova L. E.* RAS. Ural department. Udmurt Institute for language and literature. Izhevsk, 2008.}
- Aijmer 2013 — *Aijmer K.* Understanding pragmatic markers: a variational pragmatic approach. Edinburgh, 2013.
- Aijmer, Vandenberg 2009 — *Aijmer K., Simon-Vandenberg A.-M.* Pragmatic markers // Handbook of Pragmatics. Eds. Östman J.-O., Verschueren J. Amsterdam, Philadelphia, 2009. P. 223—247.
- Andersen 2016 — *Andersen G.* Using the corpus-driven method to chart discourse-pragmatic change // Ed. *Pichler H.* Discourse-pragmatic variation and change in English. New methods and insights. Cambridge, 2016. P. 21—40.
- Arkhangel'skiy 2014 — *Arkhangel'skiy T.* Clitics in the beserman dialect of Udmurt // Working papers. Series: Linguistics WP BRP. National Research University Higher School of Economics, <https://publications.hse.ru/en/preprints/134542623>, 2019.
- Bouma 2009 — *Bouma G.* Normalized (pointwise) mutual information in collocation extraction // Proceedings of the Biennial GSCL Conference. Tübingen, 2009. P. 31—40.
- Bross 2012 — *Bross F.* German modal particles and the common ground // Helikon. A Multidisciplinary Online Journal. 2012, 2. P. 182—209 (http://helikon-online.de/2012/Bross_Particles.pdf)
- Edygarova 2014 — *Edygarova S.* The varieties of the modern Udmurt language // Finnisch-Ugrische Forschungen. 2014. Vol. 62.1—3, P. 376—398.
- Fedriani, Sansò 2017 — *Fedriani C., Sansò A.* What do we know and where do we go from here? // Eds. *Fedriani C., Sansò A.* Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles. Amsterdam, Philadelphia, 2017. P. 2—33.
- Fuchs, Gut 2016 — *Fuchs R., Gut U.* Register variation in intensifier usage across Asian Englishes // Ed. *Pishler H.* Discourse-pragmatic variation and change in English. New methods and insights. Cambridge, 2016. P. 185—210.
- Herring 2001 — *Herring S. C.* Computer-mediated discourse // Eds. *Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. E.* The Handbook of Discourse Analysis. Blackwell Publishers, 2001. P. 612—634.
- Herring, Androutsopoulos 2015 — *Herring S., Androutsopoulos J.* Computer-Mediated Discourse 2.0 // Eds. *Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. E.* The Handbook of Discourse Analysis. John Wiley & Sons, 2015. P. 127—151.
- Kaysina 2014 — *Kaysina I.* The emergence of an Udmurt-Russian mixed code: evidence from discourse markers // Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. 2014. Vol. 5. No. 2. P. 9—27.
- König 1991 — *König E.* The meaning of focus particles: a comparative perspective. London, New York, 1991.
- McEnery, Xiao, Tono 2006 — *McEnery T., Xiao R., Tono Y.* Corpus-based language studies. An advanced resource book. London, New York, 2006.
- Pichler 2016 — *Pichler H.* Introduction: discourse-pragmatic variation and change // Ed. *Pishler H.* Discourse-pragmatic variation and change in English. New methods and insights. Cambridge, 2016. P. 1—18.
- Schneider, Barron 2008 — *Schneider K. P., Barron A.* Where pragmatics and dialectology meet: Introducing variational pragmatics // Eds. *Schneider K. P., Barron A.* Variational pragmatics: a focus on regional varieties in pluricentric languages. Amsterdam, Philadelphia, 2008. P. 1—32.
- Schneider 2010 — *Schneider K. P.* Variational pragmatics // Eds. *Fried M., Östman J.-O., Verschueren J.* Variation and Change. Pragmatic Perspectives (Handbook of Pragmatics Highlights 6). Amsterdam, Philadelphia, 2010. P. 239—267.
- Vilkuna M. 1998 — *Vilkuna M.* Word order in European Uralic // Ed. *Siewierska A.* Constituent Order in the Languages of Europe. Empirical approaches to language typology. Berlin, New York, 1998. P. 173—223.
- Zimmermann 2011 — *Zimmermann M.* Discourse particles // Eds. *Maienborn C., von Stechow K., Portner P.* Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning. Vol. 2. Berlin, New York, 2011. P. 2011—2038.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются количественные различия в употреблении модальных частиц в трех корпусах — корпусах удмуртской прессы, блогов и устном корпусе бесермянского диалекта удмуртского языка. На корпусном материале проверяются утверждения о том, что использование модальных частиц более характерно для устной разговорной диалогической речи, а также о диалектных особенностях употребления удмуртских частиц в составе аналитической отрицательной глагольной конструкции. Проведенный анализ показал, что частица *ик* 'все-таки, же' демонстрирует модель, отличающуюся от трех других высокочастотных частиц (*ни*, *на*, *ук*) в монологических текстах, характеризующихся различными модусами коммуникации (письменный, компьютерно-опосредованный, устный). В составе аналитической отрицательной глагольной конструкции частица *ик* также демонстрирует отличную от других частиц модель.

SUMMARY

In the article, I analyze the quantitative difference in the use of Udmurt modal particles in three corpora — the corpus of Udmurt press, the corpus of Udmurt blogs and the spoken corpus of the Beserman dialect of the Udmurt language. The aim is to test if the corpus analysis confirms the claims about more frequent use of modal particles in spoken language and about the peculiarity of the syntactic position of particles in the analytical negative verbal construction. The analysis shows that the particle *ik* 'the same, after all' demonstrates a pattern different from the other three most frequent particles (*n'i* 'already', *na* 'yet', *uk* 'you know') in its distribution across monologic texts characterized by different modes of communication (written, computer-mediated, spoken). It also shows a specific pattern of usage within the analytical negative verbal construction.

Ключевые слова: модальные частицы, корпус, диалект, литературный язык, вариативность, бесермянский диалект, удмуртский язык

Keywords: modal particles, corpus, dialect, standard language, variation, Beserman Udmurt, Udmurt language

Зубова Юлия Николаевна, Тартуский университет (Тарту); yulinik.zu@gmail.com

Iuliia N. Zubova, University of Tartu (Tartu); yulinik.zu@gmail.com

Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): некоторые особенности морфологии глагола¹

1. Введение

Статья посвящена особенностям глагольной морфологии в памятнике хантыйской письменности «Священная история» («Емынгъ ястопса», букв. «Священное сказание»). Мы рассмотрим инвентарь показателей и те особенности их употребления, о которых можно делать уверенные заключения по имеющимся в памятнике данным. Материал памятника сопоставляется со сведениями, доступными из описаний западных хантыйских диалектов. Языковые особенности памятника бесспорно указывают на то, что он относится именно к западной диалектной группе. Более точно его диалектная принадлежность априори неизвестна; данный вопрос требует разностороннего исследования, вклад в который призвана внести настоящая статья.

В статье не рассматриваются показатели глагольной деривации (аспекта, каузатива, декаузатива), а также употребление превербов. Не рассматриваются и способы выражения глагольного отрицания, поскольку в исследуемом памятнике, как и в целом в западных хантыйских диалектах, в этих случаях используются аналитические конструкции, а маркеры отрицания, в отличие от многих других уральских языков, не развивают особой парадигмы спряжения (ср., например, [Wagner-Nagy 2011: 77—79, 111, 149—152] и приводимые в цитируемой работе ссылки).

В работах предшественников глагольная морфология памятника «Священная история», насколько нам известно, не рассматривалась. Некоторые сведения о графической системе приводятся в [Moldanova, Normanskaia 2018]. Морфология имени рассмотрена в [Кашкин 2019].

Сведения об истории создания памятника и комментарии о процедуре его обработки были ранее приведены в [Кашкин 2019]. Напомним здесь кратко основную информацию.

Памятник «Священная история» был издан Тобольским комитетом православного миссионерского общества в 1900 г. и содержит свободный пересказ содержания Ветхого и Нового Завета для носителей хантыйского языка. В качестве авторов на титульном листе указаны священник Иоанн Егоров и дьячок Иоанн Попов. Данный этап развития хантыйской письменности описан в литературе как миссионерский (см., например, [Кошкарева 2013]). В этот период на хантыйский язык были переведены некоторые богослужебные тексты, что способствовало распространению христианства, а также были составлены религиозные и учебные издания на хантыйском языке. Для авторов таких текстов хантыйский язык зачастую не был родным (что можно предполагать и о составителях «Священной истории» — достоверные сведения об уровне их владения хантыйским языком нам неизвестны).

Памятник «Священная история» доступен в сканированном виде на сайте электронных коллекций Российской национальной библиотеки². Глоссированный текст памятника размещен в открытом доступе на платформе LingvoDoc (глоссирование выполнено автором данной статьи)³. Объем текста памятника составляет 14195 словоупотреблений. В оригинале памятника хантыйский текст сопровождается пословным подстрочным переводом на русский язык. В корпусе на LingvoDoc морфемная разбивка проведена по строке памятника. Глоссы для каждой словоформы даны на современном русском литературном языке с обозначением грамматических показателей латиницей. Перевод каждого предложения также дан на современном русском литературном языке; он составлен разработчиком корпуса на основе подстрочника, приведенного в оригинале. В отдельном поле для словоформ памятника указаны, где это возможно, их фонетические соответствия в казымском диалекте хантыйского языка в системе транскрипции из [Кошкарева, Соловар 2007].

В памятнике использован дореволюционный кириллический алфавит. Для обозначения фонемы /ŋ/ к нему добавлена графема *н*. Других букв для обозначения хантыйских фонем, отсутствующих в рус-

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства России № 14.Y26.31.0014).

² Адрес сайта — <http://primo.nlr.ru/>. Поисковый запрос — «Емынгъ ястопса».

³ <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/902/9/perspective/902/12/view>

ском языке, не добавлено. В примерах часто отражается озвончение шумных согласных в окружении гласных и сонорных, не имеющее фонологического статуса. Систематически отмечается словесное ударение (в некоторых словах, однако, знак ударения опущен).

Хантыйские примеры из памятника приводятся с сохранением записи источника в глоссированном виде. Литературные переводы взяты из корпуса на LingvoDoc. При каждом примере дается указание на страницу и строку в тексте памятника.

Во всех утверждениях о морфологической системе памятника мы опираемся на примеры, встретившиеся в нем не менее трех раз (при этом в тексте статьи может цитироваться меньше примеров, иллюстрирующих конкретное явление, особенно если оно хорошо известно из описаний хантыйского языка). Случаи привлечения менее частотных примеров специально оговариваются.

Работа имеет следующую структуру. В разделе 2 рассматриваются показатели индикатива в активном и пассивном залогах. Раздел 3 посвящен формам косвенных наклонений — в первую очередь императиву, а также эвиденциальным формам. В разделе 4 обсуждаются нефинитные формы. В разделе 5 подводятся итоги.

2. Показатели индикатива

2.1. Активный залог

Глагольные формы индикатива могут относиться в хантыйском языке к активному или к пассивному залогу. Это верно и для рассматриваемого памятника. Активный залог не имеет специализированных показателей. О выражении пассивного залога см. раздел 2.2. В индикативе в западных диалектах хантыйского языка различается непрошедшее время и прошедшее время (см. такую же трактовку, в частности, в [Кошкарёва 2011: 173]). В памятнике непрошедшее время имеет показатель *-л*, прошедшее время — показатель *-с*. Эти показатели обычны и для современного хантыйского языка, примеры их использования будут приведены далее в таблицах 1 и 2.

В [Николаева 1995: 140—141] выделяется также аналитическое будущее время, образуемое при помощи вспомогательного глагола *pitti* ‘падать; стать’. Такие сочетания встречаются и в памятнике. Мы рассматриваем их не как аналитические формы времени, а как конструкции с инхоативной (начинающей) семантикой, в частности потому, что глагол *pitti* может использоваться в них не только в форме непрошедшего времени, но и в форме прошедшего времени, см. иллюстрации из текста памятника в (1)—(2).

- (1) *Нынъ а'зе-нъ, а'не-нъ у'н-а та'-я, луи-л-а'ль*⁴
 ты отец-POSS.2SG мать-POSS.2SG большой-ADV иметь-IMP он-PL-3SG/3PL[DAT/ACC]
ху'л-манъ о'лл-а, си сага'тъ сюнь ны'н-энь ни'т-ль,
 слушать-CVB жить-IMP тот за счастье ты-2SG[DAT/ACC] стать-NPST
хуу но'бытъ му'у-на о'л-ды ни'т-л-энь.
 долгий век земля-LOC жить-IPFV.PTCP/INF стать-NPST-2SG(.S.SG.O)

‘Почитай твоего отца, мать, живи, слушаясь их, за это тебе будет счастье, проживешь на земле долгий век’ [с. 40, строки 2—4]

- (2) *И родъ най пе'л-я То'рымъ юга'н-а по'их-ся-ты ни'д-эсь...*
 один род солнце к-ILL бог вместо-ILL молить-DETR-IPFV.PTCP/INF стать-PST
 ‘Один род стал молиться солнцу вместо Бога...’ [с. 27, строка 1—2]

В хантыйском языке выделяются субъектный и субъектно-объектный типы спряжения. Показатели субъектного спряжения индикатива, встретившиеся в памятнике, и примеры словоформ представлены в таблице 1⁵. Для каждого показателя приводятся все его графические варианты, встретившиеся в тексте.

Показатели субъектного спряжения, представленные в таблице 1, стандартны для современных западных диалектов, ср. [Rédei 1965: 56; Honti 1986: 36—46; Николаева 1995: 122—123; Каксин 2007: 73—75; Кошкарёва 2011: 176].

⁴ При глоссировании личных местоимений иллюстрируется, с одной стороны, их внутренняя форма (наличие посессивного маркирования), с другой стороны, падежное значение, которое может выражать данная форма. Подробнее см. [Koshkareva 2001; Кашкин 2019].

⁵ Обозначение «п/а» указывает здесь и далее на то, что соответствующие формы не встретились в памятнике. В скобках здесь и в последующих таблицах приводятся показатели, встретившиеся в памятнике менее трех раз.

Таблица 1. Лично-числовые показатели в субъектном спряжении индикатива

Число субъекта	Лицо субъекта	
SG	1 ⁶	<p><i>-эмь, -емь, -амь</i></p> <p><i>е'лем-л-эмь</i> стыдиться-NPST-1SG(.S.SG.O) 'стыжусь' [с. 8, строка 11]</p> <p><i>и'-л-емь</i> идти-NPST-1SG(.S.SG.O) 'стану (букв.: приду)' [с. 89, строка 1]</p> <p><i>ра'х-л-амь</i> мочь-NPST-1SG 'могу, имею разрешение' [с. 101, строка 5]</p>
	2	<p><i>-энь, -ань (-янь)⁷</i></p> <p><i>о'л-л-энь</i> быть-NPST-2SG(.S.SG.O) 'являешься' [с. 17, строка 6]</p> <p><i>ма'н-л-ань</i> идти-NPST-2SG 'идешь' [с. 18, строка 10]</p> <p><i>манд-л-янь</i> идти-NPST-2SG 'идешь' [с. 5, строка 12]</p>
	3 ⁸	<p>$\emptyset$</p> <p><i>вы-ль</i> брать-NPST 'берёт' [с. 34, строка 3]</p> <p><i>ве'р-ась</i> делать-PST 'он делал' [с. 24, строка 2]</p>
DU	1	n/a
	2	n/a
	3	<p><i>-энэнь, -анэнь, -нэнь</i></p> <p><i>ха'л-л-энэнь</i> умирать-NPST-3DU 'они двое умрут' [с. 51, строка 6]</p> <p><i>ё'гот-с-энэнь</i> приходить-PST-3DU 'они двое пришли' [с. 33, строка 4]</p> <p><i>о'л-л-анэнь</i> быть-NPST-3DU 'они двое являются' [с. 106, строка 14]</p> <p><i>о'-с-нэнь</i> быть-PST-3DU 'они двое были' [с. 109, строка 2]</p>

⁶ Показатели с начальным гласным *э/е* в 1 л. ед. ч. и 2 л. ед. ч. неоднозначны, поскольку в силу того, что фонема */э/* передается в памятнике теми же буквами, что и гласные полного образования, они могут соответствовать и современным показателям *-эт, -еп* (субъектное спряжение), и современным показателям *-ет, -еп* (субъектно-объектное спряжение), см. также таблицу 2. Поскольку выбор между двумя типами спряжения определяется достаточно сложными информационно-структурными характеристиками (см., например, [Nikolaeva et al. 1993]), а правила, действовавшие на рубеже XIX—XX вв. на территории создания памятника, нам доподлинно не ясны, при глоссировании мы указываем, что данные показатели могут относиться как к субъектному, так и к субъектно-объектному спряжению.

⁷ Вариант *-янь* встретился один раз в приводимом далее примере.

⁸ Для форм 3 л. ед. ч. можно постулировать нулевой лично-числовой показатель. При глоссировании в корпусе памятника и в основанных на нем публикациях этот показатель не отмечается. Более подробное глоссирование форм, представленных в данной строке таблицы, могло бы выглядеть как *вы-ль-∅* (брать-NPST-3SG) и *ве'р-ась-∅* (делать-PST-3SG).

Число субъекта	Лицо субъекта	
PL	1	<p style="text-align: right;">-уу, -у⁹</p> <p><i>нумас-л-уу</i> думать-NPST-1PL 'думаем' [с. 5, строка 13]</p> <p><i>шо'йла-с-уу</i> тонуть-PST-1PL 'мы утонули' [с. 144, строка 12]</p>
	2 ¹⁰	<p style="text-align: right;">-аты, -ады, -еты, -ты, -ды</p> <p><i>та'й-л-аты</i> иметь-NPST-2PL 'имеете' [с. 80, строка 2]</p> <p><i>ли'т-л-еты</i> желать-NPST-2PL 'желаете' [с. 16, строка 6]</p> <p><i>ли-ль'-ды</i> есть-NPST-2PL 'съедите' [с. 15, строка 5]</p>
	3	<p style="text-align: right;">-ать (-эть)¹¹</p> <p><i>во'ли-л-ать</i> прекращать-NPST-3PL 'они прекращают' [с. 23, строка 6]</p> <p><i>ке'рла-л-эть</i> поворачивать-NPST-3PL 'они поворачивают' [с. 102, строка 9]</p>

Интересно отметить, что в «Священной истории» встречаются глагольные формы 3 л. дв. ч. при практически полном отсутствии форм дв. ч. существительных и местоимений (об этом см. [Кашкин 2019]). В большинстве случаев (7 примеров в тексте памятника) такие глагольные формы используются корректно, ср. (3), где описаны действия двух участников (Моисея и Аарона).

- (3) *Моисей лу'у а'-ель Ааро'нь пи'ль-на То'рымь на'рд-опсы сага'ть*
 Моисей он брат-POSS.3SG Аарон с-LOC бог велеть-NMN за
Еги'неть хонь Фарао'нь хоз-я' ё'гом-с-энэнь,
 Египет царь Фараон у-ILL приходить-PST-3DU
Еврей родь Еги'неть му'у э'ульть во'г-ты пи'т-с-энэнь.
 Еврей род Египет земля из просить-IPFV.PTCP/INF стать-PST-3DU
 'Моисей с братом Аароном по Божию велению пришли к египетскому царю Фараону, стали просить отпустить еврейский народ с египетской земли' [с. 33, строки 3—5]

В двух случаях встретилось рассогласование, см. (4)—(5). В (4) при множественном субъекте ('апостолы') первое из серии однокоренных сказуемых выражено глаголом в форме дв. ч., тогда как последующие сказуемые выражены глаголами в форме мн. ч. В (5) говорится о действии трех участников (Лазаря, Марфы, Марии), однако глагол стоит в форме дв. ч.

⁹ Данный показатель в западных хантыйских диалектах имеет вид -эw, см. [Honti 1986: 117—122]. Представленные в памятнике варианты написания, по-видимому, свидетельствуют о билабиальном характере фонемы /w/ в говорах, положенных в основу текста, ср. именно такую артикуляционную характеристику этой фонемы в [Nikolaeva 1999: 6; Кошкарева, Соловар 2007: 74].

¹⁰ В вариантах с буквой *д* отражено позиционное озвончение согласного *t*, что проявляется в графике памятника и в других случаях.

¹¹ Вариант *-эть* встретился один раз в приводимом далее примере.

- (4) *Апо'стол-атъ и'мохты*¹² *Лу'у пи'ль-на о'-с-нэнь*, *Лу'-эль са'м-на*
 апостол-PL постоянно он с-LOC быть-PST-3DU он-3SG[DAT/ACC] сердце-LOC
та'й-манъ, иза' Лу'у я'зын-л-аль ху'л-ды вура'т-с-атъ,
 иметь-CVV все он слово-PL-POSS.3SG/3PL слышать-IPFV.PTCP/INF стремиться-PST-3PL
ху'л-ымъ я'зын-л-аль тага'нь са'м-на ша'у-с-атъ,
 слышать-PFV.PTCP слово-PL-POSS.3SG/3PL крепко сердце-LOC хранить-PST-3PL
топъ и веръ о'сь-ты антъ ве'рам-с-атъ.
 только один дело знать-IPFV.PTCP/INF NEG мочь-PST-3PL
 'Апостолы постоянно были с Ним, любили Его, стремились услышать все Его слова, крепко хранили в сердце услышанные слова и не могли знать только одного' [с. 109, строки 1—4]

- (5) *Си во'ж-на и хо Лазарь нэ а'пси-л-аль*
 тот город-LOC один мужчина Лазарь женщина младший.брат-PL-POSS.3SG/3PL
Ма'рѳа на Марія пи'ль-на о'-с-нэнь.
 Марфа ADD Мария с-LOC быть-PST-3DU
 'В этом селении жил один человек Лазарь с младшими сестрами Марфой и Марией' [с. 115, строки 1—2]

В тексте «Священной истории» мы выявили более 20 случаев, когда при двойственном референте глагол использован в форме мн. ч., что свидетельствует о неустойчивости двойственного числа в языке памятника. В (6) сказуемое выражено глаголом в форме мн. ч. при субъектной именной группе, содержащей количественное числительное 'два'. В (7) формы мн. ч. глаголов употреблены сначала при сочиненной группе, относящейся к двум референтам ('Иоаким и Анна'), а затем при местоимении 3 л. дв. ч. В имеющихся описаниях хантыйского языка такие случаи рассогласования не зафиксированы, см. [Николаева 1995: 189—190; Каксин 2007: 109—110]. Пример (6) был бы неграмматичным в современном языке по крайней мере для казымского диалекта (В. Н. Соловар, личное сообщение).

- (6) *Ра'й ку'топ-на катъ хора'з-ынъ юхъ ло'й-с-атъ.*
 рай середина-LOC два внешность-ATTR дерево стоять-PST-3PL
 'Посреди рая стояли два красивых дерева' [с. 14, строка 6]
- (7) *Иоаки'мъ на А'нна пу'рс-яма-т-эль у'нд-ы о'-с-атъ,*
 Иоаким ADD Анна старый-PUNCT-IPFV.PTCP/INF-POSS.3PL до-ILL жить-PST-3PL
ня'времъ антъ та'й-с-атъ. Линъ аръ ситъ о'рын-на ты'жста-с-атъ,
 ребенок NEG иметь-PST-3PL они.DU много то за-LOC печалиться-PST-3PL
То'рымъ пе'л-я аръ пушь по'их-ся-с-атъ...
 бог к-ILL много раз молить-DETR-PST-3PL
 'Иоаким и Анна дожили до старости, и у них не было детей. Они очень печалились из-за этого, много раз молились Богу...' [с. 56, строки 6—9]

В таблице 2 представлены лично-числовые показатели в субъектно-объектном спряжении индикатива. Формы двойственного числа субъекта в памятнике отсутствуют. Используемые обозначения аналогичны таблице 1.

В 3 л. ед. ч. субъекта при дв. или мн. ч. объекта используются одинаковые показатели *-али* и *-ли*. Они глоссированы как показатели 3 л. ед. ч. субъекта в субъектно-объектном спряжении и разнесены в разные клетки таблицы 2 в зависимости от числа объекта, поскольку и в рассматриваемом памятнике, и в целом в современном хантыйском языке совместимы с различными числовыми характеристиками объекта. При ед. ч. объекта зафиксирован также вариант *-эли*, где буквой э, по-видимому, обозначена фонема /э/, как и в варианте *-али*. В современном языке показатели *-лі* и *-элі* для обеих рассматриваемых клеток парадигмы отмечены также для шурышкарского диалекта, см. [Rédei 1965: 66; Кошкарева 2011: 177]¹³. Алломорф *-лі*, согласно указанным источникам, присоединяется к основам на гласный, а алломорф *-элі* — к основам на согласный, что не противоречит и данным «Священной истории». Такая же система описана для казымского диалекта в [Каксин 2007: 78—80] (с конечным гласным показателем *e* вместо *ı*) и для приуральского диалекта в [Ядобчева-Дресвянина 2004: 97—106]. В [Николаева 1995: 139—140]

¹² В переводе этой единицы сохранен вариант, представленный в подстрочнике памятника и отличающийся от приводимого, например, в [Кошкарева 2011: 37].

¹³ В [Steinitz 1975: 47] отмечен также вариант *-эли*, точнее соответствующий написанию в памятнике.

Таблица 2. Лично-числовые показатели в субъектно-объектном спряжении индикатива

Число субъекта	Лицо субъекта	Число объекта	
		SG	DU или PL
SG	1	-эмь а'л-л-эмь показывать-NPST-1SG(.S.SG.O) 'я показываю его' [с. 121, строка 1] а'ль-с-эмь обещать-PST-1SG(.S.SG.O) 'я обещал это' [с. 32, строка 13]	n/a
	2	-энь лу'нут-л-энь читать-NPST-2SG(.S.SG.O) 'ты читаешь его' [с. 103, строка 10] ве'р-с-энь делать-PST-2SG(.S.SG.O) 'ты сделал это' [с. 20, строка 13]	n/a
	3	-али, -эли, -ли ве'р-с-али делать-PST-3SG.S.SO 'он сделал это' [с. 29, строка 12] ло'н-от-л-али входить-CAUS-NPST-3SG.S.SO 'он вводит его' [с. 69, строка 6] вы'-с-ли брать-PST-3SG.S.SO 'он взял его' [с. 31, строка 13] со'жем-с-эли мочить-PST-3SG.S.SO 'он намочил его' [с. 52, строка 11]	-али, -ли во'г-с-али звать-PST-3SG.S.SO 'он позвал их' [с. 29, строка 14] ё'ул-л-али бросать-NPST-3SG.S.SO 'он бросает их' [с. 85, строка 12] во'жта-с-ли гнать-PST-3SG.S.SO 'он изгнал их' [с. 8, строка 1]
PL	1	n/a	n/a
	2	(-лань) ¹⁴ ло'мот-та-лань надевать-CAUS-NPST.2DU/3DU/2PL.S.SG.O 'вы оденете его' [с. 101, строка 11]	n/a
	3	-эль ву'с-с-эль пересекать-PST-3PL.S.SG.O 'они пересекли его' [с. 36, строка 8] ше'н-с-эль бить-PST-3PL.S.SG.O 'они прибили его' [с. 133, строка 1]	n/a

¹⁴ Такая форма встретилась в памятнике только один раз в контексте субъекта 2 л. мн. ч. В современном хантыйском языке она возможна в нескольких клетках парадигмы, что отражено в глоссировании, однако в памятнике она зафиксирована только в данной клетке. В приводимом примере, по-видимому, отражен фонетический процесс слияния согласных *λ* из показателя непроедшего времени и из лично-числового показателя, однако делать об этом процессе какие-либо выводы на основании одного примера невозможно.

для основ на гласный противопоставлены лично-числовые показатели *-li* при ед. ч. объекта и *-alli* при мн. ч. объекта (в ряде говоров при дв. ч. и мн. ч.), однако подобная система в памятнике не представлена. В шеркальском и низямском диалектах рассматриваемые показатели имеют принципиально иной фонетический облик (*-te*, *-atte*) в соответствии с регулярными фонетическими соответствиями между хантыйскими диалектами, см. [Steinitz 1975: 222; Honti 1986: 117].

Учитывая, что в формах субъектного спряжения имеются сбои числового согласования подлежащего и сказуемого, связанные с дв. ч., было бы интересно проверить, соблюдаются ли правила числового согласования между сказуемым и прямым объектом при субъектно-объектном спряжении. Подходящий для этого материал, однако, крайне скуден: формы 1 и 2 л. ед. ч. не могут быть учтены при такой проверке, поскольку они графически совпадают для субъектного и субъектно-объектного спряжения, а формы 3 л. ед. ч. не противопоставлены по числу объекта. Как видно из таблицы 2, доступными для проверки остаются только формы 3 л. мн. ч. субъекта, ед. ч. объекта. В тексте памятника их встретилось 7, и все они использованы верно, см., например, (8).

- (8) *Си Е'мынъ Ио'сифъ ё'ж-а Архиере'-ятъ Марія' ка'тл-анта-с-эль*
 тот священный Иосиф рука-ILL архиерей-PL Мария держать-CAUS-PST-3PL.S.SG.O
э'ви-я ша'у-ды о'рын-на.
 девушка-ILL хранить-IPFV.PTCP/INF для-LOC
 'Архиереи отдали Марию этому святому Иосифу, чтобы она осталась девой' [с. 59, строки 7—9]

2.2. Пассивный залог

В памятнике встречаются стандартные для хантыйского языка формы пассива с показателем *-a(j)*, за которым следуют лично-числовые показатели (в формах 3 л. ед. ч. это нулевой показатель, не выделяемый нами при глоссировании). В современном хантыйском языке алломорф *-a* используется в 3 л. ед. ч., в остальных формах выступает алломорф *-aj* (см., например, [Nikolaeva 1999: 30]). В примерах, зафиксированных в памятнике, представлено, по-видимому, то же распределение, несколько затемняемое неупорядоченной орфографией (а также отсутствием форм пассива с лично-числовым показателем, начинающимся на согласный), ср. форму *по'тлаю* — в современном казымском диалекте *рэт-λ-aj-эw* (мерзнуть-NPST-PASS-1PL) 'мы мерзнем' [с. 13, строка 6], а также разнобой в написании форм 3 л. мн. ч.: *во'ита-с-а-эть* (гнать-PST-PASS-3PL; каз. *wəʃət-s-aj-ət*) 'они были изгнаны' [с. 19, строка 7], *ла'быт-л-а-итъ* (кормить-NPST-PASS-3PL; каз. *ларэт-λ-aj-эт*) 'их кормят' [с. 80, строка 13]. В двух последних примерах составители памятника, вероятно, колебались при выборе способа отражения фонемы /j/, учитывая, что зияние в хантыйском языке запрещено (см., например, [Nikolaeva 1999: 6]) и материал памятника не дает оснований предполагать обратное (за исключением очевидных заимствований типа *Иоанн*, отклоняющихся от хантыйской фонотактики).

Важно также отметить, что в памятнике не встречается показатель пассива *-i(j)*, характерный, в частности, для шурышкарского [Кошкарева 2011: 179] и казымского [Каксин 2007: 83] диалектов, но нехарактерный для приуральского диалекта [Николаева 1995: 148; Ядобчева-Дресвянина 2004: 111—113]. Тем самым, в этом случае система памятника совпадает с системой приуральского диалекта.

В употреблении пассива, вместе с тем, отмечаются сбои. В современном хантыйском языке агентивный участник в пассивной конструкции кодируется локативом, а пациентивный участник кодируется номинативом (см., например, [Nikolaeva et al. 1993: 130—133]). Примеры этой модели (без учета контекстов с невыраженным агентивным участником) встретились в памятнике 14 раз, см. (9)—(10). В трех случаях зафиксированы примеры номинативного маркирования агентивного участника, ср. (11)—(12).

- (9) *...хо'ды метъ о'лынъ нэ'нхой То'рым-на ты'-улт-с-а.*
 как самый начало человек бог-LOC получаться-CAUS-PST-PASS
 '...как первый человек был сотворен Богом' [с. 10, строки 5—6]

Си ва'нжи-на лу'у лапъ э'нэм-с-а.
 тот трава-LOC он закрытие расти-PST-PASS
 'Эта трава их [упавшие семена] заглушила' [с. 84, строки 8—9]

- (11) *То'рымъ Еврей родъ ха'й-манъ антъ та'й-с-а...*
 Бог еврей народ оставлять-CVB NEG иметь-PST-PASS
 'Бог не оставлял еврейский народ...' [с. 37, строки 3—4]

- (12) *Хунь ло'у по'жахь ё'гт-опта-с-а, Апо'стол-атъ*
 когда лошадь детеныш приходит-CAUS-PST-PASS апостол-PL
ло'у саишь э'льты сахъ ле'рам-с-а...
 лошадь спина из шуба расстилать-PST-PASS
 'Когда привели жеребенка, апостолы расстелили одежды на его спину...' [с. 117, строки 11—12]

Кроме того, в конструкциях с пациентивным участником, выраженным местоимением, это местоимение используется не в ожидаемой форме номинатива, а в форме датива-аккузатива. Такие примеры встретились в памятнике шесть раз, см. (13)—(14). В (13) эта стратегия маркирования сосуществует с отсутствием локативного маркирования агентивного участника: тем самым, форма пассива использована в этом случае в падежной рамке, типичной для активной конструкции. В (14) дативно-аккузативное маркирование пациентивного участника сочетается с локативным маркированием агентивного участника.

- (13) *То'рымь антъ ере'ма-с-а лу'-эль...*
 Бог NEG забывать-PST-PASS он-3SG[DAT/ACC]
 'Бог не забывал его...' [с. 29, строка 5]
- (14) *...но'м-ынъ о'л-ды мунъ То'рымь А'зе-у-на луи-л-а'ль*
 верх-LOC быть-IPFV.PTCP/INF мы Бог отец-POSS.1PL-LOC он-PL-3SG/3PL[DAT/ACC]
ла'быт-л-а-итъ.
 кормить-NPST-PASS-3PL
 '...их питает Бог Отец наш небесный' [с. 80, строки 12—13]

Проиллюстрированные сбои в употреблении пассивных конструкций было бы сложно объяснить диалектным варьированием, поскольку о фиксации каких-либо подобных примеров в современных хантыйских диалектах ничего не известно. По-видимому, в этом случае остается предполагать, что пассивные конструкции были недостаточно усвоены составителями памятника.

Формы пассива образуются и от некоторых непереходных глаголов изменения состояния ('сохнуть', 'засыпать', 'мерзнуть'), см. (15)—(16). Подобные образования были отмечены в монографии [Kulonen 1989: 133—151], посвященной пассивным конструкциям в обско-угорских языках. Ввиду малого объема доступного в памятнике материала мы можем только зафиксировать их, но не можем как-либо дополнить обобщения предшественников об их свойствах.

- (15) *...корабля' палъ ке'у лонлал-на со'р-с-а.*
 корабль высокий камень вершина-LOC сохнуть-PST-PASS
 '...корабль на вершине высокой горы высох' [с. 24, строки 8—9]
- (16) *Ма'н-м-ель пора'-на Лу'у во'им-с-а.*
 идти-PFV.PTCP-POSS.3PL время-LOC он засыпать-PST-PASS
 'Во время переправы Он уснул' [с. 86, строка 14; с. 87, строка 1]

3. Императив и эвиденциальные формы

3.1. Императив

Зафиксированные в тексте «Священной истории» показатели императива 2 л. представлены в таблице 3. Мы выделяем специальный показатель императива *-а*, к которому во 2 л. ед. ч. прибавляется нулевой показатель (не обозначаемый нами при глоссировании, как и нулевой показатель 3 л. ед. ч. индикатива). В других числах к этому показателю присоединяются соответствующие показатели 2 л. индикатива — кроме формы 2 л. ед. ч. субъекта, ед. ч. объекта, имеющей особый маркер. Такое устройство парадигмы типично и для современного хантыйского языка; в процедуре морфемного членения мы следуем, в частности, за [Honti 1986: 47; Николаева 1995: 125, 141; Abondolo 1998: 374—375]. Достаточно распространена и другая трактовка императивных форм, согласно которой выделяются кумулятивные личностно-числовые показатели императива (например, показатель IMP.2PL.S *-ати*), см. [Диденко 2010: 82—83; Кошкарёва 2011: 175; Онина 2019: 142]. В [Соловар и др. 2016: 130—131] в грамматических таблицах для разных западных диалектов сосуществуют оба решения. С материалом рассматриваемого памятника совместима любая из этих трактовок.

Формы дв. ч. субъекта не представлены в памятнике (формы, глоссируемые в соответствии с данными современных диалектов как DU/PL.S.SO, встретились в памятнике только с субъектом мн. ч.) Формы субъектно-объектного спряжения с объектом в дв. ч. или мн. ч. в памятнике не представлены. Формы

Таблица 3. Показатели императива 2 л.

Число субъекта	Субъектное спряжение	Субъектно-объектное спряжение (объект в SG)
SG	<i>-а, -я</i> <i>ман-а'</i> идти-IMP 'иди' [с. 27, строка 10]	(-и) <i>э'сл-и</i> отпускать-IMP.SG.SO 'отпусти' [с. 91, строка 5]
PL	<i>-а-ты, -а-ды, -а-ть, -а-дъ, -я-ть</i> <i>олл-а-ты</i> <i>ле'в-а-ды</i> быть-IMP-2PL <i>есть-IMP-2PL</i> 'будьте' [с. 64, строка 4] <i>'ешьте'</i> [с. 15, строка 1] <i>ро'мм-а-ть</i> <i>ну'мос-а-дъ</i> успокаиваться-IMP-PL <i>думать-IMP-PL</i> 'успокойтесь' [с. 87, строка 8] <i>'думайте'</i> [с. 80, строка 10] <i>е'нз-я-ть</i> пить-IMP-PL 'пейте' [с. 123, строка 14]	(-а-лнъ, -а-лнъ) <i>э'нас-а-лнъ</i> развязывать-IMP-DU/PL.S.SO 'развяжите его' [с. 116, строка 11] <i>ла'ри-т-а-лнъ</i> вращаться-CAUS-IMP-DU/PL.S.SO 'откатите его' [с. 116, строка 4]

субъектно-объектного спряжения с объектом в ед. ч. встречаются менее трех раз каждая, поэтому их показатели даны в таблице 3 в скобках.

Императивные значения с глагольными формами 3 л. ожидаемо выражаются аналитическими конструкциями с единицей *ать* 'пусть', добавляемой к формам не прошедшего времени индикатива, см. *ать а'гат-ль* (пусть собирать-NPST) 'пусть он соберет' [с. 34, строка 4], *ать во'ли-л-ать* (пусть прекращать-NPST-3PL) 'пусть они прекратят' [с. 23, строка 6].

Относительно форм субъектно-объектного спряжения отметим, что в шурышкарском диалекте показатели *-а-лән* (IMP-DU/PL.S.SO) используются, если хотя бы один из участников в переходной императивной предикации стоит не в ед. ч. (см., например, [Диденко 2010: 87; Онина 2019: 487]). В казымском диалекте эта парадигма устроена в основном так же, за исключением контекстов со 2 л. ед. ч. субъекта [там же]. В приуральском диалекте, согласно [Николаева 1995: 141], формы на *-а-лән* используются при 2 л. дв./мн. ч. субъекта, ед. ч. или мн. ч. объекта. Формы дв. ч. объекта, а также форма 2 л. ед. ч. субъекта, мн. ч. объекта кодируются особыми показателями. В памятнике встретилось всего два вхождения показателей вида *-а-лән* (с вариативностью в отражении согласного *п*). Обе они зафиксированы в контекстах 2 л. мн. ч. субъекта и ед. ч. объекта и помещены в соответствующую клетку таблицы 3. Эти данные соответствуют материалу современных западных диалектов. Форма императива 2 л. ед. ч. субъекта и ед. ч. объекта встретила в памятнике один раз — с показателем *-и*. Это соответствует данным приуральского, шурышкарского и низямского диалектов, см. [Honti 1986: 120; Николаева 1995: 141; Онина 2019: 437]. В казымском и шеркальском диалектах в этом случае используется показатель *-е*, см. [Steinitz 1975: 224; Диденко 2010: 85; Онина 2019: 437].

Требуют комментария формы множественного числа императива. В современных западных диалектах они типично имеют вид *-а-ти* (IMP-2PL), см. [Диденко 2010: 82—87; Кошкарева 2011: 175; Онина 2019: 437] и др. В тексте памятника устроенные таким образом формы встретились семь раз (включая примеры, где отражается позиционное озвончение согласного *д*), см. иллюстрацию в (17).

- (17) *Нынъ топъ веська'т-а, Торымъ на'рд-опсы сага'тъ о'лл-а-ты*
вы только праведный-ADV бог велеть-NMN за жить-IMP-2PL
Торымъ но'быть о'л-опса юга'н-ты о'рын-на...
бог век жить-NMN разделять-IPFV.PTCP/INF для-LOC
'Вы только живите праведно, по Божьим заповедям, чтобы унаследовать вечное царство Божие...'
[с. 81, строки 12—13]

В то же время 43 раза встретились в памятнике формы вида *-а-т*, см. иллюстрацию в (18).

- (18) *Ве'л-а-тъ во-я'нъ мусъ по'жахъ...*
убивать-IMP-PL жир-ATTR корова детеныш
'Убейте жирного теленка...' [с. 101, строка 12]

В некоторых работах формы вида *-a-t* (IMP-PL) отмечены наряду с формами на *-a-ti* (IMP-2PL) для шурышкарского диалекта [Rédei 1965: 64; Диденко 2010: 87; Онина 2019: 143, 487]. В описаниях других западных диалектов они не зафиксированы, см. данные приуральского диалекта в [Николаева 1995: 125; Ядобчева-Дресвянина 2004: 85—86], казымского диалекта в [Каксин 2007: 76]. Для низямского диалекта в [Honti 1986: 117] отмечены формы на *-a-tə*, также оканчивающиеся на гласный. В шеркальском диалекте, согласно [Steinitz 1975: 224], соответствующая клетка парадигмы заполнена показателем *-atŋ*, чего не наблюдается в тексте «Священной истории».

Относительно императивных форм на *-a-t* мы провели небольшой опрос носителей хантыйского языка — двух носителей шурышкарского диалекта и одного носителя казымского диалекта (доступа к носителям приуральского диалекта у нас не было). Все они оценили как возможную форму *tān-a-t* (идти-IMP-PL): один носитель шурышкарского диалекта утверждает, что она использовалась старшим поколением, другой — что она используется «в пренебрежительном отношении» (ср. рус. *Да идите вы!*), а носитель казымского диалекта счел ее возможной «в экспрессивной форме». Условия употребления таких форм, безусловно, требуют намного более подробного исследования, выходящего за рамки данной статьи (по тексту же памятника судить о различных прагматических нюансах не представляется надежным). В то же время нельзя исключать того, что в работах предшественников ареал распространения таких форм мог быть очерчен неполно: так, они не отмечены для казымского диалекта, но соответствующий пример не был отвергнут носителем; если верно, что такие формы были более распространены в речи старшего поколения, на что указал один из наших информантов, то они могли не попасть в современные описания. Поэтому вывод о диалектной принадлежности таких форм носит на данный момент только предварительный характер.

Происхождение императивных форм на *-a-t* неясно из работ предшественников и, по-видимому, может объясняться двумя сценариями. С одной стороны, маркер *-t* материально совпадает с показателем мн. ч. существительных и 3 л. мн. ч. глагольных форм индикатива (с точностью до наличия/отсутствия гласного *ə* в различном фонологическом окружении). Обе эти модели образования форм 2 л. мн. ч. императива возможны типологически, см. [Гусев 2013: 195]. Это отражено и в глоссировании данных форм. С другой стороны, можно предположить усечение конечного гласного в показателе *-ti*, которое может быть связано с семантикой экспрессивности, свойственной императивным формам. Примеры выпадения конечного гласного *-i* зафиксированы в хантыйских говорах и в других случаях, см. [Rédei 1965: 21; Николаева 1995: 46].

3.2. Эвиденциальность

В тексте памятника отмечены эвиденциальные формы — три вхождения форм прошедшего времени (см. иллюстрацию в (19)) и одно вхождение формы прошедшего времени (20). Эти формы стандартны для современных западнохантыйских диалектов. По происхождению они являются причастными (см., например, [Nikolaeva 1999: 132; Csepregi 2014: 202], о соответствующих причастиях см. раздел 4). Мы используем для них отдельную глоссу в эвиденциальных употреблениях, поскольку они употребляются в этом случае в конструкции, типичной для финитного глагола. Ввиду малого объема материала детальный анализ семантики этих форм в памятнике невозможен.

(19) *Христось Иуда пе'л-я я'ста-сь: «ло'гс-ые, мо'с-льта-ты*
 Христос Иуда к-ILL говорить-PST друг-DIM быть.нужным-CAUS-IPFV.PTCP/INF
онда'с-на Ма'н-эмь ты'ни-т-энь ла'мба».
 помощь-LOC я-1SG[DAT/ACC] продавать-EVID.NPST-2SG как
 ‘Христос сказал Иуде: «Друг мой, ты же Меня предаешь своим поцелуем»’ [с. 126, строка 14; с. 127, строки 1—2]

(20) *е'на: та'ми То'рымь Похь о'л-м-аль.*
 действительно это Бог сын быть-EVID.PST-3SG
 ‘Воистину это был Сын Божий’ [с. 135, строки 10—11]

4. Нефинитные формы глагола

В тексте «Священной истории» представлены формы двух типов причастий (одна из них также используется в функции инфинитива и служит базой для образования формы, трактуемой как супин, см. далее), номинализации и деепричастия. Следует оговорить, что нефинитные формы в хантыйском и в других уральских языках демонстрируют высокую полифункциональность, поэтому их наименования

могут быть в известной степени условны и различаться у разных авторов, см. об этой проблеме, например, [Ylikoski 2003].

Формы причастий подразделяются на имперфективные и перфективные¹⁵. Перфективные причастия имеют показатель *-мь*, в начале которого может также следовать буква, соответствующая фонеме /э/ в современных западных диалектах (ср. варианты *-амь*, *-емь*, *-омь*, *-ымь*, *-эмь*), ср. (21).

- (21) ...*топъ* *Ио'сифъ* *То'рымъ онда'с-на* *си* *ва'нд-амь* *у'л-ымь* *мола'*
 только Иосиф бог помощь-LOC тот видеть-PFV.PTCP спать-PFV.PTCP что
оль *хонъ пел-я'* *по'тард-асъ*.
 быть.NPST царь к-ILL говорить-PST
 '...только Иосиф с Божией помощью рассказал царю, что это за сон' [с. 29, строки 9—10]

Имперфективные причастия имеют показатель *-ты*. Встречается также вариант *-ды* с отражением на письме позиционного озвончения согласного, ср. использование обоих названных вариантов показателя в (22).

- (22) *То'рымъ Ной э'лты на'рд-асъ* *лу'у хотъ тэ'ль пиль-на*
 бог Ной из велеть-PST он дом полный с-LOC
кора'бль ли'би-я *ло'н-ды* *на ле'ль-ты*
 корабль внутренность-ILL входить-IPFV.PTCP/INF ADD грузить-IPFV.PTCP/INF
иза' во'-ять ро'т-л-ал-на.
 все зверь-PL род-PL-POSS.3SG/3PL-LOC
 'Бог велел Ною зайти на корабль со своей семьей и посадить всех зверей по родам' [с. 23, строки 11—13]

Относительно статуса рассматриваемой формы в литературе велись споры. Многие авторы трактуют ее в зависимости от синтаксического контекста как либо причастие, либо инфинитив (см., например, [Rédei 1965: 71—72; Николаева 1995: 143—144; Каксин 2007: 81—82]). В [Кошкарева 1990] описана полифункциональность данной формы в хантыйских диалектах в сопоставлении с некоторыми близкими нефинитными формами (в частности, с показателями *-та* и *-тија*, см. также далее). О казымском диалекте, в частности, сообщается, что в нем «об отдельной форме инфинитива говорить нельзя» [там же: 89]. В нашем описании мы используем глоссу IPFV.PTCP/INF, иллюстрирующую полифункциональность этой формы, ср., например, ее использование и в атрибутивной позиции (что ожидаемо для причастия), см. (23), и в функциях сентенциального актанта и участника с семантической ролью цели (что ожидаемо для инфинитива), см. (24)—(25).

- (23) *Си аръ со'ж-ты* *муръ ку'т-на*
 тот много идти-IPFV.PTCP/INF народ промежуток-LOC
и кажанъ нэ о-съ.
 один больной женщина быть-PST
 'Среди тех многих идущих людей была одна больная женщина' [с. 88, строки 9—10]
- (24) *Си ё'нъ на'рд-опсы тумби-инъ, хо'лна аръ на'рд-опсы Моисе'й хоз-я'*
 тот десять велеть-NMN кроме-LOC еще много велеть-NMN Моисей у-ILL
То'рымъ ма'-съ, Е'мынъ хотъ ве'р-ды на'рд-асъ.
 бог давать-PST священный дом делать-IPFV.PTCP/INF велеть-PST
 'Кроме этих десяти заповедей, Бог дал Моисею еще много законов, велел построить храм' [с. 41, строки 4—6]
- (25) *Еги'петъ хонъ э'ви си ёга'нъ ин-а пе'уль-ды о'хл-асъ...*
 Египет царь девушка тот река вода-ILL купаться-IPFV.PTCP/INF спускаться-PST
 'Дочь египетского царя спустилась купаться в этой реке...' [с. 31, строка 11]

¹⁵ Ярлыки «имперфективное причастие» и «перфективное причастие» используются нами вслед за [Муравьев 2017а, б], где первичным параметром для описания семантики этих форм признается видовой ракурс. Еще раньше подобная трактовка была принята в [Rédei 1965: 73], где используются наименования “continuous participle” и “perfect participle”. В грамматических описаниях хантыйского языка эти формы чаще обозначаются как причастия настоящего (или настояще-будущего) времени и причастия прошедшего времени, см., например, [Николаева 1995: 144; Каксин 2007: 82; Кошкарева 2011: 180].

Форма рассматриваемого показателя различается в западных диалектах: в основном в них распространен аффикс *-ti* [Rédei 1965: 72—73; Каксин 2007: 81—82; Кошкарева 2011: 180], но в ряде западнохантыйских идиомов фиксируется аффикс *-ta* с функцией инфинитива: см. [Кошкарева 1990: 80—81, 85] о среднеобском и приуральском диалектах, [Николаева 1995: 142] об усть-полуйском говоре приуральского диалекта (в [Кошкарева 1990] материал приуральского диалекта рассмотрен кратко без подразделения на говоры). Текст исследуемого памятника в этой точке сходен с шурышкарским и казымским диалектами, а также с усть-собским говором приуральского диалекта, но не с усть-полуйским говором приуральского диалекта и не со среднеобским диалектом.

Обе формы причастий могут присоединять посессивные показатели, см. (26)—(27), что типично для западнохантыйских диалектов (см., например, [Кошкарева 1986]). В (27) перед посессивным показателем усекается гласный причастного показателя, что также ожидаемо по современным данным.

(26) *Е'масъ о'л-м-ель онда'с-на, Ио'сифъ родъ ше'нгъ*
хорошо жить-IPFV.PTCP-POSS.3PL помощь-LOC Иосиф род очень
у'н-а и-съ, Евре'й ро'д-а и-съ.
большой-ILL становится-PST еврей род-ILL становится-PST
'Благодаря тому, что им хорошо жилось, род Иосифа очень разросся, стал еврейским народом'
[с. 30, строки 7—8]

(27) *Хал-д-а'ль э'льби-инъ Иисусъ Навинъ*
умирать-IPFV.PTCP/INF-POSS.3SG перед-LOC Иисус Навин
Евре'й родъ э'льты на'рд-опсы ма-съ...
еврей род из велеть-NMN давать-PST
'Перед смертью Иисус Навин отдал повеление еврейскому народу...' [с. 44, строки 7—8]

В [Черемисина, Кошкарева 1991: 14—15; Кошкарева 2011: 182] для шурышкарского и приуральского диалектов выделяется также форма супина на *-тыя*, восходящая к сочетанию показателя имперфективного причастия (инфинитива) и аффикса дательного-направительного падежа (гlossируется как ILL в описании памятника, см. также [Кашкин 2019]). Она может использоваться в функции сентенциального актанта при некоторых типах матричных предикатов либо выражать целевую семантику. В исследуемом памятнике такая форма встретилась четыре раза, см. (28). Еще один раз она встретилась в виде *-ды-и*, что соответствует приуральскому варианту *-tiji* (см. [Николаева 1995: 143]).

(28) *...тамъ а'т-на нынъ хо'лымъ пушь Ма'н-эмъ*
этот ночь-LOC ты три раз я-1SG[DAT/ACC]
антъ о'сь-ты-я я'ста-л-энъ.
NEG знать-IPFV.PTCP/INF-ILL говорить-NPST-2SG(S.SG.O)
'...этой ночью ты три раза скажешь, что не знаешь Меня' [с. 123, строки 5—6]

В тексте памятника встречаются также формы номинализаций (отглагольных существительных) с показателем *-опсы* (*-епсы*, *-псы*), *-опса* (*-пса*), см. (29)—(31), ср. также форму *ясто-пса* (говорить-NMN) 'сказание' в названии памятника.

(29) *Нэ'нхо-ятъ веська'тъ Ной на'рд-опсы антъ ху'л-с-атъ...*
человек-PL праведный Ной велеть-NMN NEG слушать-PST-3PL
'Люди не слушали увещания праведника Ноя...' [с. 23, строки 6—7]

(30) *Веська'тъ Ной по'их-ся-псы То'рымъ са'м-на ё'гт-асъ...*
праведный Ной молить-DETR-NMN бог сердце-LOC приходить-PST
'Молитвы праведника Ноя отозвались в сердце Бога...' [с. 24, строки 11—12]

(31) *...хонъ о'л-опса э'ультъ ма'н-асъ...*
царь жить-NMN из идти-PST
'...ушел от царской жизни...' [с. 32, строки 3—4]

В [Николаева 1995: 56] в приуральском диалекте зафиксированы показатели *-psi*, *-pti* (последний отсутствует в тексте «Священной истории»). И формы на *-ы*, и формы на *-а* отмечены в [Диалектологический атлас ЯНАО] в приуральском и шурышкарском диалектах, см. *вэдэпсы* 'охота', *йэнтэпсы* 'игра', *йонтэпсы* 'рукоделие', *нотэпсы* 'помощь' vs. *арийэпса* 'пение', *воштэпса* 'перекочевка', *кэсэпса* 'соревнование', *хэсэпса* 'отметка' и др. Форма *-эпси* (*-упси*) с конечным *-i* зафиксирована и в казымском диалекте [Каксин 2007: 43]. В [Соловар 2014] для казымского диалекта также приводятся формы на *-ы*,

но не формы на *-a*. Тем самым, материал памятника совпадает в этом случае и с приуральскими, и с шурышкарскими данными.

В формах с показателем *-(o)псы* конечный гласный основы чередуется с *э* при добавлении посессивных показателей, см. *па'рд-опсэ-мь* (велеть-NMN-POSS.1SG) 'мое веление' [с. 15, строка 4], *у'нтл-т-апсэ-ль* (учиться-CAUS-NMN-POSS.3SG) 'его учение' [с. 78, строка 8]. В морфемном анализе таких единиц мы принимаем трактовку [Николаева 1995: 86], где гласный относится в подобном случае к основе, к которой присоединяется посессивный показатель.

В памятнике встречаются деепричастия с показателем *-мань*, употребительные и в современных западных диалектах:

(32) *Си сага'ть па по'х-л-аль Ио'сифь нура'ла-мань та'й-с-ать.*
 тот за ADD сын-PL-POSS.3SG/3PL Иосифь враждовать-CVB иметь-PST-3PL
 'Поэтому другие сыновья враждовали с Иосифом (букв.: имели Иосифа враждуя)' [с. 29, строки 1—2]

(33) *Арь сирь вой э'сла-мань шо'гад-ась, арь сирь па'льзимь*
 много способ зверь пускать-CVB мучить-PST много способ страшный
ти'льна э'сла-мань шо'гад-ась, хоть вой хо'нз-епсы, нэ'нхо хо'нз-епсы
 комар пускать-CVB мучить-PST дом зверь страдать-NMN человек страдать-NMN
э'сла-мань шо'гад-ась.
 пускать-CVB мучить-PST
 'Мучил [Бог египетскую землю], напуская многих зверей, напуская много страшных насекомых, мучил болезнями скота, болезнями людей' [с. 33, строки 7—9]

5. Заключение

В области глагольной морфологии материал памятника «Священная история» в основном сходен с описаниями западных хантыйских диалектов, в первую очередь приуральского и шурышкарского (по сравнению с казымским, низямским и шеркальским диалектами в ряде случаев наблюдаются фонетические отличия). Некоторые факты указывают на его близость к усть-собскому говору приуральского диалекта: отсутствие показателя пассива *-ij*, характерного для более южных идиомов; показатель инфинитива (имперфективного причастия) имеет вид *-ti*, но не *-ta* (последний характерен для усть-полуйского говора приуральского диалекта). В то же время показатель *-ti* распространен по западным хантыйским говорам очень широко, и в целом во многих аспектах глагольной морфологии системы западных говоров сходны. Поэтому было бы преждевременным делать на основании представленных в статье данных однозначный вывод о принадлежности памятника к усть-собскому говору. Для однозначного решения вопроса о диалектной принадлежности памятника необходимы, помимо исследований его морфологии, уже проведенных в этой статье и в [Кашкин 2019], дальнейшие исследования как текста памятника (в частности, его графики и лексики), так и современных западнохантыйских говоров, в том числе распространенных на границе территорий, где говорят на приуральском и шурышкарском диалектах.

Помимо этого, в памятнике зафиксированы три важных расхождения с предшествующими описаниями говоров приуральского диалекта. Однако они могут быть обусловлены не идиомными различиями, а неполнотой имеющихся описаний в первом случае и недостаточным усвоением хантыйской грамматики составителями памятника во втором и третьем случаях.

Во-первых, в формах императива 2 л. мн. ч. представлены, помимо ожидаемых форм на *-a-ti* (IMP-2PL), формы на *-a-t* (IMP-PL), отмеченные в литературе только для шурышкарского диалекта. В этом случае нельзя полностью исключать, что в других идиомах формы на *-a-t* оказались незамеченными авторами имеющихся описаний (ср. указание носителя казымского диалекта на допустимость таких форм).

Во-вторых, при практически полном отсутствии в тексте форм дв. ч. существительных и местоимений (см. также [Кашкин 2019]), в нем встречаются глагольные формы дв. ч. Однако в их употреблении типично рассогласование с субъектом — в первую очередь в тех случаях, когда при субъекте, отсылающем к двум референтам, используется глагол в форме мн. ч.

В-третьих, в памятнике отмечены сбои в оформлении аргументов при глаголах в форме пассива, чего ранее не фиксировалось в западнохантыйских диалектах.

Наличие таких примеров делает рассматриваемый памятник (как и другие подобные тексты) интересным социолингвистическим источником, поскольку он отражает результат усвоения, вероятнее всего, не родного для составителей языка, сопряженного с разработкой, пусть и достаточно стихийной, письменной нормы на этом языке.

Сокращения

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	IPFV.PTCP — имперфективное причастие
ACC — аккузатив	LOC — локатив
ADD — аддитивная частица	NEG — отрицание
ADV — адвербиализатор	NMN — номинализация
ATTR — атрибутивизатор	NPST — непрошедшее время
CAUS — каузатив	O — объект
CVB — деепричастие (конверб)	PASS — пассив
DAT — датив	PFV.PTCP — перфективное причастие
DETR — детранзитивизатор	PL — множественное число
DIM — диминутив	POSS — посессивность
DU — двойственное число	PST — прошедшее время
EVID — эвиденциальность	PUNCT — пунктив
ILL — иллатив	S — субъект
IMP — императив	SG — единственное число
INF — инфинитив	SO — субъектно-объектное спряжение

Общие

дв. ч. — двойственное число	мн. ч. — множественное число
ед. ч. — единственное число	рус. — русский язык
каз. — казымский диалект	

Литература

- Гусев 2013 — Гусев В. Ю. Типология императива. М., 2013. {Gusev V. Yu. Typology of imperative. M., 2013.}
- Диалектологический атлас ЯНАО — Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа // <http://atlas.philology.nsc.ru/> Дата обращения: 27.05.2019. {Dialectological atlas of the Uralic languages spoken in the Yamalo-Nenets Autonomous District // <http://atlas.philology.nsc.ru/> Accessed on 27.05.2019.}
- Диденко 2010 — Диденко А. В. Категория императива в угорских языках. Томск, 2010. {Didenko A. V. Category of imperative in the Ugric languages. Tomsk, 2010.}
- Каксин 2007 — Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2007. {Kaksin A. D. The Kazym dialect of Khanty. Khanty-Mansiysk, 2007.}
- Кашкин 2019 — Кашкин Е. В. Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2019, 2. С. 22—37. {Kashkin E. V. Khanty written monument «Saint history» (Tobolsk, 1900): nominal morphology // Ural-Altaic Studies. 2019, 2. P. 22—37.}
- Кошкарёва 1986 — Кошкарёва Н. Б. Закономерности лично-притяжательного оформления причастий в причастно-послеложных конструкциях хантыйского языка // Материалы XXIV Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 1986. С. 22—26. {Koshkareva N. B. Patterns of possessive marking on participles in the participial-postpositional constructions in Khanty // Proceedings of the XXIV All-USSR conference for students «Student and scientific progress». Philology. Novosibirsk, 1986. P. 22—26.}
- Кошкарёва 1990 — Кошкарёва Н. Б. К вопросу об инфинитиве в хантыйском языке // Морфология глагола и структура предложения (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1990. С. 79—92. {Koshkareva N. B. Towards the notion of infinitive in Khanty // Morphology of verb and sentence structure (Collection of articles). Novosibirsk, 1990. P. 79—92.}
- Кошкарёва 2011 — Вальгамова С. И., Кошкарёва Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / под общ. ред. Н. Б. Кошкарёвой. Екатеринбург, 2011. {Valgamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shijanova A. A. Dialectological dictionary of Khanty (Shuryshkary and Obdorsk dialects) / ed. by N. B. Koshkareva. Ekaterinburg, 2011.}
- Кошкарёва 2013 — Кошкарёва Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013, 3 (14). С. 47—78. {Koshkareva N. B. Current issues of developing Khanty graphics and orthography // Bulletin of Ugric Studies. 2013, 3 (14). P. 47—78.}
- Кошкарёва, Соловар 2007 — Кошкарёва Н. Б., Соловар В. Н. Увты муй ўвты. Курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск, 2007. {Koshkareva N. B., Solovar V. N. Увты муй ўвты. Course of Khanty practical phonetics (Kazym dialect). Novosibirsk, 2007.}

- Муравьев 2017a — *Муравьев Н. А.* Семантика и прагматика глагольных форм одновременности в мокшанских, коми-зырянских и хантыйских идиомах // Финно-угорский мир. 2017, 2. С. 52—62. {*Muravyev N. A.* Semantics and pragmatics of verbal forms expressing simultaneity in the Moksha Mordvin, Komi-Zyrian and Khanty dialects // *Finnougric World*. 2017, 2. P. 52—62.}
- Муравьев 2017б — *Муравьев Н. А.* Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология. Дисс ... канд. филол. наук. М., 2017. {*Muravyev N. A.* Taxis and taxis forms in the world's languages: taxonomy and typology. Candidate dissertation in philology. M., 2017.}
- Николаева 1995 — *Николаева И. А.* Обдорский диалект хантыйского языка. М. — Гамбург, 1995. {*Nikolaeva I. A.* The Obdorsk dialect of Khanty. M. — Hamburg, 1995.}
- Онина 2019 — *Онина С. В.* Способы выражения побуждения в хантыйском языке. Дисс ... докт. филол. наук. Рукопись. Ханты-Мансийск, 2019. (Использована версия от 29.04.2019) {*Onina S. V.* Imperative expressions in Khanty. Doctoral dissertation in philology. Manuscript. Khanty-Mansiysk, 2019. (Version of 29.04.2019).}
- Соловар 2014 — *Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Ханты-Мансийск, 2014. {*Solovar V. N.* Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect). Khanty-Mansiysk, 2014.}
- Соловар и др. 2016 — *Соловар В. Н., Нахрочева Г. Л., Шиянова А. А.* Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2016. {*Solovar V. N., Nakhracheva G. L., Shijanov A. A.* Dialects of Khanty. Khanty-Mansiysk, 2016.}
- Черемисина, Кошкарева 1991 — *Черемисина М. И., Кошкарева Н. Б.* Сложное и осложненное предложение в хантыйском языке. Методические указания и лабораторные работы к курсу «Общее языкознание». Новосибирск, 1991. {*Cheremisina M. I., Koshkareva N. B.* Complex sentence in Khanty. Methodological recommendations and practical tasks for the course «General linguistics». Novosibirsk, 1991.}
- Ядобчева-Дресвянина 2004 — *Ядобчева-Дресвянина В. Я.* Склонение и спряжение в обдорском диалекте хантыйского языка. Дисс ... канд. филол. наук. СПб., 2004. {*Yadobcheva-Dresvyanina V. Ja.* Declension and conjugation in the Obdorsk dialect of Khanty. Candidate dissertation in philology. SPb, 2004.}
- Abondolo 1998 — *Abondolo D.* Khanty // *The Uralic languages* / ed. by Abondolo D. London, NY, 1998. P. 358—386.
- Csepregi 2014 — *Csepregi M.* Evidentiality in dialects of Khanty // *Linguistica Uralica*. 2014, 3. P. 199—211.
- Honti 1986 — *Honti L.* Chrestomathia Ostiacica. Budapest, 1986.
- Koshkareva 2001 — *Koshkareva N.* The case systems of nouns and pronouns in Khanty // *Variierende Markierung von Nominalgruppen in Sprachen unterschiedlichen Typs* / ed. by Boeder W., Hentschel G. Oldenburg, 2001. P. 235—254.
- Kulonen 1989 — *Kulonen U.-M.* The passive in Ob-Ugrian. Helsinki, 1989.
- Moldanova, Normanskaia 2018 — *Moldanova I., Normanskaia Ju.* The Graphical Features of the first texts in the Khanty language // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Vol. 5, 3.1. P. 197—204.
- Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I.* The semantics of Northern Khanty evidentials // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1999. Vol. 88. P. 131—159.
- Nikolaeva et al. 1993 — *Nikolaeva I., Kovgan E., Koshkareva N.* Communicative roles in Ostyak syntax // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1993. Vol. 51. P. 125—167.
- Rédei 1965 — *Rédei K.* Northern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, 1965.
- Steinitz 1975 — *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Band I. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten Texte. Berlin, 1975.
- Wagner-Nagy 2011 — *Wagner-Nagy B.* On the typology of negation in Ob-Ugrian and Samoyedic languages. Helsinki, 2011.
- Ylikoski 2003 — *Ylikoski J.* Defining non-finites: action nominals, converbs and infinitives // *SKY Journal of Linguistics*. 2003. Vol. 16. P. 185—237.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются особенности глагольной морфологии в памятнике хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900). Анализируется инвентарь лично-числовых показателей индикатива и императива. Обсуждается устройство пассивных конструкций. Дается краткий очерк системы нефинитных форм. Материал сопоставляется с опубликованными данными западных хантыйских диалектов.

SUMMARY

The article deals with verbal morphology in a Khanty manuscript “Holy history” (Tobolsk, 1900). I analyze the inventory of personal-number markers in indicative and imperative. Passive and evidential forms are

discussed as well. A brief overview of non-finite forms is provided. The material is compared with previously published data on Western Khanty dialects.

Ключевые слова: хантыйский язык, диалекты, письменные памятники, морфология глагола

Keywords: Khanty, dialects, ancient manuscripts, verbal morphology

Кашкин Егор Владимирович, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва), Томский государственный университет (Томск); egorka1988@gmail.com

Egor V. Kashkin, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS, Tomsk State University (Tomsk); egorka1988@gmail.com

Отражение консонантизма салымского диалекта хантыйского языка в графической системе словаря А. М. Шегрена¹

Методология сравнительно-исторического изучения языков предполагает как можно более полное привлечение данных синхронной и диахронной диалектологии. Совершенно естественно, что самые ранние фиксации территориальной вариативности языковых единиц представляют особую ценность для описания формирования диалектов и надежной реконструкции праязыка.

Однако даже при условии, что мы располагаем такими источниками, их введение в научный оборот связано с известными трудностями. Так, графическая фиксация слов в ранних записях может быть неточна, непоследовательна, не снабжена необходимыми пояснениями и т. д. Исследование графики рукописных словарей, таким образом, является актуальной задачей, предваряющей введение словарных материалов в диалектологические построения.

Настоящая работа посвящена анализу графики рукописного словаря салымского диалекта хантыйского языка из архивов А. М. Шегрена [Dictionary of Salym Khanty] (архив РАН, электронная публикация состоялась в рамках проекта Lingvodoc). Цель работы — описать графическую систему словаря в области консонантизма и предложить по возможности надежную систему транскрипции словарных записей, которая позволит сделать данные этого источника сопоставимыми с традицией финно-угорской лексикографии.

Место салымского диалекта в диалектной системе хантыйского языка

Хантыйский язык, относящийся к финно-угорской группе уральской языковой семьи, распространен на большой территории по бассейну реки Оби и имеет значительную диалектную раздробленность. Хантыйский диалектный континуум по-разному анализировался в работах различных ученых; в описаниях языка различается как сам состав хантыйских говоров, так и их классификация.

Так, в работах В. Штейница отражено деление хантыйских диалектов на северную, южную и восточную группы, выделенные на основании морфологических и фонетических признаков [Штейниц 1937: 194—196].

Позже трехчленное деление хантыйских диалектов было пересмотрено. Н. И. Терешкин указывал, что северные и южные диалекты должны быть объединены в единую группу западнохантыйских, или собственно хантыйских диалектов, противопоставленную восточнохантыйской, или кантыкской группе [Терешкин 1967: 36—38]. Основной чертой, противопоставляющей западные и восточные диалекты, считается характер отражения прахантыйского **k*. Если восточные диалекты сохраняют смычный во всех позициях, то западные диалекты отражают переход **k* → *x* в позиции рядом с исконно заднерядным гласным. Таким образом, западные диалекты характеризуются как *x*-диалекты, а восточные — как *k*-диалекты.

Как замечают авторы диалектологического словаря хантыйского языка, вопрос о статусе южных диалектов относится к истории языка. Для современного состояния языка после утраты южных диалектов и ассимиляции их носителей целесообразно противопоставлять западные и восточные диалекты [Диалектологический словарь хантыйского языка 2011: 159].

Помимо характера развития заднеязычных, важные изоглоссы в области фонетики, разделяющие хантыйские диалекты, связаны с характером подсистемы латеральных согласных и особенностями развития аффрикат.

Для прахантыйского состояния реконструируется четыре латерала **l*, **l*, **l'*, **l* (соответственно глухой шумный переднеязычный, сонорный переднеязычный, сонорный среднеязычный, сонорный какуминальный; в ряде источников вместо обозначения *l* используется *l*). В так называемых *l*-диалектах (казымский, сургутский) **l*, **l* совпали, оставив рефлекс *l*. В васюганском диалекте начальный **l* перешел в *j*, а в позиции перед *i* выпал. Неначальный **l* совпал с *l*. В ваховском диалекте **l*, **l* совпадают во всех

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения»).

позициях, давая рефлекс *l*. В t-диалектах (прииртышский, салымский) *l, *l совпали, дав *t*. Изменения *l' в различных диалектах были параллельны аналогичным переходам для *l: *l' → *l*', *l' → *l*', *l' → *t*' для ʃ-, ʃ-, t-диалектов соответственно [Honti 1981: 100].

Другой важной изоглоссой является характер аффрикат. Для прахантыйского состояния реконструируются переднеязычная аффриката *č* и среднеязычная *ć*. Для западнохантыйских диалектов характерна утрата смычных компонентов аффрикат. Таким образом, на месте *č и *ć в западных диалектах представлены щелевые *š*, *š*. Сургутский, ваховский, васюганский диалекты сохраняют *č* и имеют среднеязычный смычный *t*' на месте *ć.

Диалектная специфика салымского идиома обусловлена его географическим положением. Салымский ареал расположен на границе между территорией распространения восточных и западных ханты. В то же время, распространенный по левобережному притоку Оби, салымский диалект относится к периферии хантыйской территории.

Салымский идиом, как k-диалект, был отнесен к восточной диалектной группе наряду с сургутским и вах-васюганским диалектами. Н. И. Терешкин рассматривал салымский идиом не как самостоятельный диалект, а как говор в составе сургутского диалекта, противопоставленный группе агано-юганских говоров [Терешкин 1967: 37]. Описание салымского идиома как говора в составе сургутского диалекта сохраняется и в последующих источниках — ср., например, [Караулов 1976; Хантыйский язык 1988].

Однако в то время как сургутский является ʃ-диалектом, а вах-васюганский — ʃ-диалектом, салымский относится к t-диалектам. Это объединяет его с соседним прииртышским диалектом, относящимся к западнохантыйским диалектам (южнохантыйским диалектам по трехчленной классификации).

В салымском диалекте, как и в других восточных, среднеязычная аффриката *č* упрощается до смычной *t*'. Однако, как и западные диалекты, салымский испытал переход *č → *š*.

Говоря о смешанном характере хантыйских говоров, Н. И. Терешкин отдельно подчеркивал сложную природу салымского говора: «Есть все основания полагать, например, что различные говоры современных казымских, шурышкарских и среднеобских ханты образовались в результате смешения различных родо-племенных групп ханты. То же самое можно сказать о говорах сургутских ханты, особенно салымских» [Терешкин 1967: 14—15].

Л. Хонти, развивая идею непрерывного диалектного континуума, характеризовал салымский говор как промежуточный между иртышским и сургутским диалектами [Honti 1981: 105].

Таким образом, салымский диалект характеризуется как x-диалект, t-диалект смешанной природы, имеющий как восточнохантыйские, так и западнохантыйские черты.

Не углубляясь в вопрос об иерархии территориальных вариантов хантыйского языка и корректности употребления терминов «говор», «наречие», «диалект», в настоящей работе мы будем использовать применительно к салымскому идиому термин «диалект» как наиболее общее название территориально ограниченного идиома.

Источники данных по салымскому диалекту

С учетом того, что исследуемый словарь может содержать непоследовательности и неточности, мы вынуждены, анализируя его графическую систему, прибегать к сопоставлению с контрольными источниками.

Звуковой состав салымского диалекта в синхронном и диахронном аспектах описан в работах Л. Хонти [Honti 1981, 1982]. Основным источником по лексике салымского диалекта является «Словарь восточно-хантыйских диалектов» Н. И. Терешкина [Терешкин 1981], салымские материалы в котором основаны на полевых записях 1956 г.

Наиболее обширный лексикографический источник по хантыйским диалектам — «Диалектологический и этимологический словарь хантыйских диалектов» В. Штейница [DEWOS] — содержит салымские данные по словарю Н. И. Терешкина, а также немногочисленные данные по рукописям У. Т. Си-релиуса, опубликованным в 1904 г., а также архивным.

В настоящей работе мы будем основывать наш анализ на сопоставлении исследуемого словаря с транскрипцией в Словаре восточнохантыйских диалектов Н. И. Терешкина. Запись по данному источнику будем сопровождать пометой СалТ. При отсутствии данных по салымскому диалекту будем приводить данные по аганскому говору сургутского диалекта с пометой СургТ либо данные по ваховскому диалекту с пометой ВахТ. Казымские данные при необходимости приводятся по словарю [Соловар 2014] с пометой Каз.

При цитировании исследуемого словаря мы будем приводить расшифровку рукописи и перевод словарных записей в соответствии с электронным изданием [Dictionary of Salym Khanty].

Основные сведения об исследуемом словаре

Анализируемый словарь включен в состав сводного многоязычного списка, содержащего около 150 слов с латинским переводом без примеров употребления. Словарь содержит преимущественно базовую лексику: числительные первого порядка и некоторые числительные последующих порядков, соматическую лексику, термины родства, названия животных и растений, явлений природы. Списки слов подписаны по-немецки с указанием языка и места записи. Исследуемый словарь обозначен в рукописи как *Salimische Ostiakien*. Числительные подписаны цифрами и не имеют перевода на латынь. В нескольких случаях использована помета “е.”, значение которой не вполне ясно. Помета используется в тех случаях, когда для одного латинского слова приводится несколько хантыйских переводов, и, вероятно, может обозначать их эквивалентность.

Интересно наличие в словаре слова *foppoi* ‘cantherius (мерин)’ (СалТ *sōraj*). По данным DEWOS, это слово в хантыйском языке является заимствованием и фиксируется исключительно для салымского диалекта. Включение такого специфически салымского слова подтверждает, что идиом, описанный в словаре, правомерно отождествлять с тем, который понимается под салымским в хантыйской лексикографии.

Используется латиница. Судя по полиграфам *sch*, *tsch* на месте шипящих, автор ориентировался на практику немецкой орфографии. В ряде случаев составитель словаря фиксирует произносительные варианты. В то же время передача различий в произношении не является вполне последовательной. Например, одно слово, записанное в разных значениях, может фиксироваться по-разному: *lāwet* ‘hebdomas (неделя)’, но *lābat* ‘семь’.

Наоборот, в отдельных случаях словарь одинаково фиксирует слова, не являющиеся омонимами: *fem* ‘oculi (глаза)’ (СалТ *sām*) и *fem* ‘cor (сердце)’ (СалТ *sām*).

Таким образом, запись словаря не является последовательно фонетической или тем более фонологической.

Среди графических особенностей словаря необходимо отметить частое употребление диграфа *ch* в начальной позиции и буквы *l*. Таким образом, словарь не отражает характер салымского диалекта как *k*- и *t*-диалекта.

Для объяснения этих явлений рассмотрим в первую очередь характер отражения заднеязычных и латеральных согласных в словаре, затем затронем проблемы, связанные с другими согласными.

Отражение латеральных согласных в словаре

Словарь последовательно фиксирует *l* на месте прахантыйского глухого латерала в соответствии с *l/l* в других диалектах, тогда как в салымском диалекте на этом месте должно быть *t*:

nil_fot, ‘восемьдесят’ (СалТ *n'itsot*); *labat_jang* ‘семьдесят’ (СалТ *tapət jāŋ*); *nille_jong* ‘сорок’ (СалТ *n'ətjāŋ*); *chūlem_jang* ‘тридцать’ (СалТ *kutəmjāŋ*); *nülle* ‘восемь’ (СалТ *nitə*); *lābat* ‘семь’, *lāwet* ‘hebdomas (неделя)’ (СалТ *tapət*); *njēlle* ‘четыре’ (СалТ *n'ətə*); *chūlem* ‘три’ (СалТ *kutəm*); *aleng* ‘mane (утро; рано)’ (СалТ *atəŋ*); *chal* ‘mortuus (мертвый)’ (СургТ *kaləm*); *lileng* ‘vivus (живой)’ (СалТ *titəŋ*); *lel* ‘humilis (низкий)’ (Каз *лел*); *pel* ‘altus (высокий)’ (СургТ *pəlit* ‘рост’); *luch* ‘он’ (СалТ *tūw, tūŋ*); *lau* ‘equus (конь, лошадь)’, *lāuat_menle* ‘equo vehi (ездить верхом)’, *lau_pum* ‘foenum (сено)’, *neng_lau* ‘equa (кобыла)’ (СалТ *tōŋ* ‘лошадь’); *chūsla* ‘sile imperat. (тихо!)’ (Каз *хосла*); *létal* ‘edere (есть)’ (СалТ *tita*); *ler* ‘radix (корень)’ (СалТ *tār, tārə*); *lägal* ‘cedrus (кедр)’ (СалТ *teŋət*); *chol* ‘abies (ель)’ (СалТ *ḳöt*); *land* ‘frumentum (пшеница/зерно)’, *lant* ‘farina (мука)’ (СалТ *tant*); *fällä* ‘sal (соль)’ (СалТ *söttə*); *nür_pailang* ‘летучая мышь’ (СалТ *pōjtāŋ* ‘крыло’); *lunt* ‘anser (гусь)’ (СалТ *tunt*); *töchling_woie* ‘avis (птица)’ (СалТ *tōtəŋ*); *kul* ‘piscis (рыба)’ (СалТ *küt*); *lénker* ‘mus, glis (мышь, грызун)’ (СалТ *tāŋkər*); *lótŋchik* ‘gulo (росомаха)’ (Каз. *лошэк*); *ógol* ‘traha (сани)’ (СалТ *oŋət, oŋət*); *njol* ‘sagitta (стрела)’ (СалТ *n'ot*); *jógol* ‘arcus (лук-оружие)’ (СалТ *joŋət*); *lui* ‘digitus (палец)’, *lui* ‘annulus (кольцо)’ (СалТ *tuj* ‘палец’); *laiem* ‘ascia (топор)’ (СалТ *tajəm, tājəm*); *njalle* ‘cochlear (ложка)’ (Каз *њалы*); *pógle* ‘vesica (мочевой пузырь)’ (СургТ *pōŋli* ‘брюхо’); *ful* ‘intestina (кишки, внутренности)’ (СалТ *sōt*); *mōqil* ‘pectus (грудь)’ (СалТ *māwet, māŋet*); *púglem* ‘genae (щеки)’ (СалТ *puŋtəm*); *njālem* ‘lingua (язык)’ (СалТ *n'atəm*); *pillem* ‘labia (губы)’ (СалТ *pətəm*); *lul* ‘os (кость)’ (СалТ *tut*); *nj'ul* ‘nasus (нос)’ (СалТ *n'ot*); *pell* ‘aures (уши)’ (СалТ *pət*); *léu* ‘servus (слуга)’ (СалТ *tāw*); *lälpe* ‘stannum (олово), plumbum (свинец)’ (СалТ *totpə*); *pai_sol* ‘fulgur (молния)’ (СургТ *pāj soł*); *logem* ‘femoralia (брюки)’ (DEWOS 740 *tōxim, tōxəm* (DEWOS КоР ‘штаны’); *jilpe-jink* ‘fons (родник)’ (СалТ *jətəp* ‘свежий’).

Тем не менее, в слове *höt* ‘annus (год)’ (СалТ *ot*, СургТ *ål*), на месте *l* фиксируется *t*.

В то же время мы наблюдаем непоследовательность в фиксации морфем там, где есть контактное расположение *t* и *l*. Так, слово со значением ‘день, солнце’ (СалТ *ḳat*), судя по диалектным данным,

должно иметь в праформе последовательность **tl* (ср. Каз. *xǎmǎl*). В исследуемом словаре мы видим следующие варианты записи:

hulmet_chal 'nudius tertius (позавчера)', *chall* 'sol (солнце)' — утрачен *t*;
mogal_chalt 'heri (вчера)', *pügge-chalt* 'perendie (послезавтра)' — метатеза *t* и *l*;
tam-chatt 'hodie (сегодня)', *chatt* 'dies (день)' — утрачен *l*;
chatl-küttele 'meridies (полдень)' — запись соответствует ожидаемой.

Для корня со значением 'утро, завтра' (СалТ *ḳōṭaŋ*, ВахТ *ḳōṭaŋ*) фиксируются следующие варианты:
cholléngēt 'cras (завтра)' — утрачен *t*;
chüttele 'mane (утро)' — метатеза *t* и *l*.

В слове *püllem* 'tenebrosus (темный)' (СалТ *pətlam*) наблюдается утрата *t*.

Также отметим не вполне ясные выражения *chatl-küttele* 'meridies (полдень)' и *at_küttele* 'media nox (полночь)'. Сопоставление с другими диалектами показывает, что вторым компонентом в них должно выступать СалТ *küttəp* 'середина'. Вместо этого мы наблюдаем написание, похожее на слово *chüttele* СалТ *ḳōṭaŋ* 'утро'. Такая замена могла иметь аналогический характер, при этом примечательна сама возможность фонетического сближения *t* и *l*.

Таким образом, мы видим, что сочетание *tl* в описываемом говоре подверглось какому-то развитию, мешавшему его однозначной фиксации. Такое взаимодействие не описано для хантыйских диалектов.

Салымское *l* фиксируется буквой *l*, то есть разница между сонорным *l* и шумным *l* в словаре не отмечается:

lübet 'folium (лист, листья)' (СалТ *lipət*); *püllem* 'tenebrosus (темный)' (СалТ *pətlam*); *mil* 'mitra (головной убор)' (СалТ *miŋ*); *tileſch* 'mensis (месяц)', *tileſch* 'luna (луна)' (СалТ *tiləs*); *pagilim wach* 'железо' (DEWOS 1126 *pōḫəl*- Кам, Кг *p-wāḫ* 'ковкое железо' КТ 668а); *lau* 'руна (уголь)' (Каз *лавэм*); *kelle* 'vestis (одежда)' (СалТ *kälə* 'меховая распашная доха').

Среднеязычный боковой *l'* фиксируется как *l* или *lj*, при этом переход *l' → t'*, характерный для салымского как для t-диалекта, не отражается:

lólje 'стоять' (СалТ *t'öt't'a*).

В слове *ljanki* 'sciurus (белка)' (СалТ *taŋkə*) согласный *l* по неясной причине записан как *lj*.

В случае *lonſch* 'nix (снег)', *keung-lanſch* 'grando (град)' (СалТ *t'önt* 'снег') обнаруживается нетипичное соответствие салымского *t'* согласному *l* в казымском и сургутском диалектах. Исследуемый словарь отражает здесь *l*.

Непоследовательна фиксация числительных второго десятка:

igot_jang 'одиннадцать', *kétechot_jang* 'двенадцать', *cholym_chol_jang* 'тринадцать'. Очевидно, здесь числительные образованы по западнохантыйской модели с участием форманта со значением 'около' (Каз. *хуц*), в котором реконструируется среднеязычная аффриката. В салымском диалекте эта аффриката должна была отразиться как *t'*, но исследуемый словарь дважды фиксирует ее как *t* и один раз как *l*. Возможно, эта аномалия вызвана влиянием корня *cholym* и является опiskeй.

Таким образом, словарь последовательно фиксирует боковой звук на месте салымского *t*; отражение салымского перехода *l → t* наблюдается в единичных случаях; описываемый идиом имел комбинаторное взаимодействие *l* и *t*, нетипичное для хантыйских диалектов. Если учесть, что t-диалекты, по всей видимости, архаичны, а t-диалекты инновационны, мы можем объяснить эти факты тем, что словарь зафиксировал t-диалект в процессе перехода в t-диалект. Неразличение *l* и *l* следует признать графическим неразличением, но не совпадением этих звуков в самом диалекте.

У В. Штейница мы находим датировку развития *t* на месте *l*. В 1937 г. он пишет «разница [t-диалектов и l-диалектов] недавнего происхождения: около 200 лет назад начался процесс перехода *l* в *t* в иртышско-кондинском диалекте, распространяясь постепенно к северу (и востоку). (...) Сейчас этим процессом охвачены даже соседние диалекты северной и восточной групп: шеркальский и салымский». [Штейниц 1937: 196].

Таким образом, отсутствие черт t-диалекта в исследуемом словаре вполне закономерно и соответствует исторической диалектологии хантыйского языка. Более того, словарь позволяет точнее датировать этот процесс. Так, в первой половине XIX в. салымский имел еще характер l-диалекта, но наблюдались тенденции к смешению боковых и смычных. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в сочетаниях *l* и *t*.

Отражение заднеязычного согласного на месте **k*

В анлауте многих слов в словаре используется диграф *ch*, скорее характерный для обозначения звука *x*. Это вступает в противоречие с тем фактом, что в салымском диалекте как в восточном *x* из **k* не развивается.

При этом в восточнохантыйских диалектах выделяется согласный *ķ*, охарактеризованный Н. И. Терешкиным как смычный увулярный [Терешкин 1981: 9]. Звук *ķ* на сегодняшний день не имеет ни объективного экспериментального описания, ни однозначно определенного фонологического статуса. Так, для ваховского диалекта Н. И. Терешкин указывает на позиционное распределение: *k* перед гласными переднего ряда, *ķ* перед непередними гласными [Терешкин 1967: 84]. По данным Словаря восточнохантыйских диалектов, в салымском диалекте *k* употребляется перед переднерядными *á, ǎ, ə, ǐ, í, ó, ú*, в то время как *ķ* — перед заднерядными *ǎ, o, ǒ, u, ǔ*. Перед переднерядным *e* и заднерядным *a* возможны как *k*, так и *ķ*. Минимальных пар, противопоставляемых только звуками *k/ķ*, не обнаружено. Однако, судя по словарным данным, разницу между *k* и *ķ* нельзя объяснить позиционно, что говорит в пользу фонологичности этого противопоставления: *kes* 'раз', *ķešam* 'плесень'.

Позиция развития восточнохантыйского *ķ*, как правило, соответствует позиции западнохантыйского перехода **k* → *x*. На месте **k* мы наблюдаем регулярные соответствия зап. *k* ~ вост. *k*; зап. *x* ~ вост. *ķ*.

На месте западнохантыйского *x* в соответствии с восточнохантыйским *ķ* в словаре последовательно фиксируется *ch*:

chúlem_jang 'тридцать' (СалТ *ķutəm_jāŋ*); *chúfs* 'двадцать' (СалТ *ķus*); *ir_chufs* 'девятнадцать' (СалТ *ǎrķus*); *cholym_chol_jang* 'тринадцать', *chúlem* 'три', *chulmet_chal* 'nudius tertius (позавчера)' (СалТ *ķutəm* 'три'); *chollénget* 'cras (завтра)', *chütlel* 'mane (утро)' (СалТ *ķǒtaŋ_ķat*); *chal* 'mortuus (мертвый)' (СургТ *ķatəm*); *chúsla* 'sile imperat. (тихо!)' (Каз *xəcɟa*); *chántfche* 'scribere (писать)' (СалТ *ķántša*); *chol* 'abies (ель)' (СалТ *ķǒt*); *chon* 'venter (живот)' (СалТ *ķǒn*); *chús* 'stella (звезда)' (СалТ *ķus*); *chulmet_chal* 'nudius tertius (позавчера)', *chall* 'sol (солнце)', *mogal_chalt* 'heri (вчера)', *pügge-chalt* 'perendie (послезавтра)', *tam-chatt* 'hodie (сегодня)', *chatt* 'dies (день)', *chatl-ķüttelel* 'meridies (полдень)' (СалТ *ķat*); *karing_moch* 'ovum (яйцо)', *newur_moch* 'equuleus (жеребенок)' (СалТ *moķ* 'детеныш'); *chótteng* 'cygnus (лебедь)' (СалТ *ķǒtaŋ*); *aiachar* 'caballus (лошадь, конь)' (СалТ *ajķār* 'жеребец').

На месте западнохантыйского *k* в соответствии с *k* в словаре достаточно последовательно фиксируется *k*: *ket_fot* 'двести', *ķétechot_jang* 'двенадцать', *katn* 'duo (два)' (СалТ *kát* 'два'); *karing_moch* 'ovum (яйцо)' (СалТ *kārəŋ* 'покрытый корой'); *kitji_jim* 'hirundo (ласточка; с пометой е.)', *kitfchi_wóie* 'hirundo (ласточка)' (СургТ *kət'í*); *kürrek* 'aquila (орел)' (СалТ *kürək*); *körrä* 'sterled (стерлядь)' (СалТ *kārə*); *kurieng_woi* 'alces (лось)' (СалТ *kürəŋ* 'чернобурый'); *ķǒtfche* 'culter (нож)' (СургТ *ķǒcəŋ*); *ķür* 'pedes (ноги)' (СалТ *kür*); *ket* 'manus (рука)' (СалТ *kát*); *ķeu* 'lapis (камень)', *ķeung-lantfch* 'grando (град)' (СалТ *kāw* 'камень'); *kelle* 'vestis (одежда)' (СалТ *kälə* ' меховая распахнутая доха').

Исключение составляет лексема *ķoat* (помета: monos.) 'domus (дом)' (СалТ *ķǒt*). Здесь мы видим не только написание *k* вместо ожидаемого *ch*, но еще две аномалии: уникальную помету monos. (которую, вероятно, можно понимать как «односложное») и диграф, связанный лигой, на месте одиночного гласного. Возможно, эти факторы как-то взаимосвязаны. В сложном слове *cháttau* 'janua (дверь)' с тем же корнем фиксируется уже *ch*.

Из-за специфики диалектного развития вокализма возможны случаи, когда западнохантыйскому *x* соответствует салымское *k*, а не *ķ*. В исследуемом словаре встречается два таких корня:

ķul 'piscis (рыба)' (СалТ *ķüt*), запись отражает то же произношение, что и словарь Н. И. Терешкина; *ķut* 'шесть', *chut_jang* 'шестнадцать' (СалТ *ķüt*), словарь фиксирует как салымский, так и западный вариант.

В слове *édfchik* 'frigidus (холодный)' (СалТ *ət'ək*), по данным Словаря восточнохантыйских диалектов, представлено салымское *k* в соответствии с западным *k* и ваховским *ɣ*. Исследуемый словарь закономерно отражает здесь *k*.

Также представлен ряд аномальных написаний:

в суффиксе числительного второго десятка наряду с ожидаемым *ch* фиксируется как вариант *g*: *igot_jang* 'одиннадцать', *ķétechot_jang* 'двенадцать', *cholym_chol_jang* 'тринадцать'. Предположительным объяснением этого явления может быть интервокальное озвончение, непоследовательно отражаемое в словаре;

корень со значением 'мужчина, человек' (СалТ *ķu*) записан в словаре в двух вариантах, и оба не подчиняются закономерностям: *gui* 'homo (человек)', *qui* 'maritus (муж)'. Обращение к рукописи словаря показывает, что первая буква в записи *qui* может быть прочитана не как *q*, а как вариант начертания *g* с тонкой нижней петлей.

В словах *hócus* 'taurus (бык)' (СалТ *ǐkəs*); *nocutu_wach* 'forfex (ножницы; с пометой е.)' (?) употребляется буква *c*, возможно обозначающая *k* в медиальной позиции.

Таким образом, ситуация с отражением **k* в исследуемом словаре крайне противоречива. С одной стороны, последовательное употребление *ch* в графической системе говорит о диалекте западного типа. С другой стороны, судя по словам 'шесть' и 'рыба', сохранившим в салымском начальное *k*, позиции

отражения $*k$ как ch в словаре соответствуют позициям салымского перехода $*k \rightarrow k$, но не обязательно западнохантыйского $*k \rightarrow x$. К сожалению, однозначного объяснения этому мы не находим. Мы можем предложить следующие гипотезы:

1. Салымский диалект развивался как x -диалект, но затем испытал переход $x \rightarrow k$. Это объяснение кажется маловероятным, поскольку именно x -диалекты считаются инновационными, а k -диалекты — архаичными. Впрочем, нельзя полностью исключать, что совмещение x -признаков и k -признаков было возможным на каком-то этапе. Учитывая указания исследователей на смешанный характер этого идиома, мы можем предполагать здесь суперстратные или субстратные явления.

2. Диграф ch в исследуемом словаре обозначает некий промежуточный звук в процесс развития $*k \rightarrow ? \rightarrow k$. Здесь можно предположить, например, аффрицированный или аспирированный согласный.

3. Словарь фиксирует иной говор в составе салымского диалекта, чем тот, который использовался для составления словаря Н. И. Терешкина, и этот говор был x -типа, а не k -типа.

К сожалению, фактических подтверждений ни одной из этих гипотез мы не находим. Однако мы можем утверждать, что словарь отражает неоднозначный, смешанный характер салымского диалекта в процессе развития хантыйской изоглоссы x/k .

Обозначение в словаре губного и заднеязычного щелевого в медиальной и финальной позициях

Для прахантыйского состояния реконструируется губной щелевой $*w$ и заднеязычный щелевой $*\gamma$, не встречающийся в начале слова. В западнохантыйских диалектах γ не сохраняется, переходя в зависимости от позиции в j , w или x .

В восточных диалектах γ сохраняется, однако в салымском и сургутском диалектах приобретает огубленный оттенок после исконно огубленных гласных. Фонологический статус такого звука, обозначаемого знаком γ , не вполне ясен.

Так, Н. И. Терешкин для аганского, усть-аганского, тром-аганского говоров сургутского диалекта последовательно фиксировал γ как на месте $*\gamma$ после исконно огубленных гласных, так и на месте $*w$. Для юганского и усть-юганского говоров сургутского диалекта в этих же случаях указывалось γ и в ряде случаев также w как вариант.

В салымских записях в срединной и конечной позициях может фиксироваться и γ , и γ , и w , и различные виды их вариативности.

В исследуемом словаре на месте заднеязычного щелевого находим g или ch .

В следующих случаях употребляется g :

lägal 'cedrus (кедр)' (СалТ *teγät*); *figg* 'mustela flav.' (род миноги или угря)' (СалТ *səγ*); *njógus* 'martes zibeline (соболь)' (СалТ *n'öγas*); *tógot* 'lectus (кровать)' (СургТ *täγtə*); *püglem* 'genae (щеки)' (СалТ *puγtəm*); *jagon* 'silva (лес)' (СургТ *jaγəm*); *mügg* 'terra (земля)' (СалТ *məγ*); *pagilim wach* 'железо' ([DEWOS 1126] *pöχəl-*, [КТ 668a] Кам, Кг *p-wāχ* 'ковкое железо'); *njogo* 'caro (мясо)' (СалТ *n'öγə*); *logem* 'femoralia (брюки)' (DEWOS *töχim*, *töχəm* КоР 'штаны').

В следующих случаях фиксируется ch :

fugmut_juch 'betula (береза)', *ámys_juch* 'стул' (СалТ *juγ* 'дерево'); *tóchling_woie* 'avis (птица)' (СалТ *töγtəγ*); *foch* 'sturio (осетр)' (СалТ *soγ*); *pach* 'puer (мальчик)', *pach* 'filius (сын)' (СалТ *pāγ*); *jach* 'homo, plur. (люди)' (СалТ *jāγ*); *pagilim wach* 'железо', *pügr wach* 'aurichalcum (латунь)', *wafta wach* 'aurichalcum (латунь; с пометой e.)', *pütr wach* 'cuprum (медь)', *jim wach* 'argentum (серебро)', *nocutu wach* 'forfex (ножницы; с пометой e.)' (СалТ *wāch* 'железо'); *uáchsar* 'vulpes (лиса)' (СалТ *wāγsar*, *wöksar*).

Слово со значением 'черный' (СалТ *pəγtə*) имеет двойную фиксацию: *püchte*, *püggete*.

На месте γ и w в исследуемом словаре находим g , ch , q , w или u .

Примеры использования g :

fugmut_juch 'betula (береза)' (СалТ *süγmät*, *süwmät*); *mógo* 'carassius (карась)' (СалТ *moγə*, *māwə*); *ógol* 'traha (сани)' (СалТ *oγət*, *oγət*); *pógle* 'vesica (мочевой пузырь)' (СургТ *pöγli* 'брюхо'); *og* 'caput (голова)' (СалТ *oγ*, *oγ*); *pügr wach* 'aurichalcum (латунь)' (СургТ *pāγər* 'медь'); *jāga* 'fluvius, amnis (река)' (СургТ *jāγən*); *schagem* 'fumus (дым)' (СалТ *šiw* 'туман'); *pügge-chalt* 'perendie (послезавтра)' ([DEWOS 1112] КоР *pāγ-χāt*, Кг *pəγ-χāt*, Патк. *pəγ-χatt* 'übermorgen').

В слове *luch* 'он' (СалТ *tüw*, *tüγ*) используется ch .

В следующих словах употребляется w :

tšchawr 'lepus (заяц)' (СалТ *šāwər*, *šāγər*); *newur_m'och* 'жеребец' (возможно, связано с СургТ *neγrilita* 'скакать'); *éwü* 'puella (девочка)', *éwü* 'filia (дочь)' (СалТ *āwə*); *njāwrem* 'infans (ребенок)' (СалТ *n'āwrem*, *n'āγrem*).

В следующих словах употребляется *u*:

náue 'lucidus (светлый), albus (белый)' (СалТ *nāwə*); *jeu* 'perca (окунь)' (СалТ *jaw*); *léu* 'servus (слуга)' (СалТ *tāv*); *keu* 'lapis (камень)' (СалТ *kāw*); *lau* 'pruna (уголь)' (Каз *лавэм*); *lau* 'equus (конь, лошадь)', *lau_pum* 'foenum (сено)', *láuat_menle* 'equo vehi (ездить верхом)' (СалТ *tōŷ*).

В слове *mōqil* 'rectus (грудь)' (СалТ *māwet, māŷet*) используется буква *q*. Обращение к рукописи показывает, что на месте *q*, возможно, следует читать *g*.

Вариативную фиксацию имеет слово *fochta* 'lutum (глина; с пометой *ε*)', *faiúa* 'lutum (глина)' (СалТ *sōwə, sāŷə*).

В словах *tu* 'stagnum, lacus (озеро)' (СалТ *tōŷ*); *tut* 'ignis (огонь)' (СургТ *tūŷət*) согласный, соответствующий *ŷ*, не обозначен.

В русских заимствованиях используется *w*:

derewnja 'ragus (деревня, село)'; *wiño* 'вино'.

Таким образом, мы можем выделить графему, имеющую варианты *g* и *ch*, а также графему, имеющую варианты *w* и *u*. В середине слова употребляется *g*, на конце слова употребляется *ch* или удвоенная *g* (проблемы удвоения согласных в словаре мы коснемся ниже отдельно). Графема *w/u* записывается на конце слова исключительно как *u*, тогда как в середине возможны и *w*, и *u* (отметим, что после срединного *w* гласный записывается как огубленный, а после *u* — нет).

Там, где Н. И. Терешкин фиксировал *ɣ*, исследуемый словарь последовательно дает *g/ch*. Однако на месте *ŷ* и *w* может быть записано как *g/ch*, так и *w/u*. При этом на месте *ŷ* более частотно *g/ch*, на месте *w* — *w/u*.

Вероятно, нейтрализацию *w* и *ɣ* в определенных позициях можно считать явлением, характерным для различных хантыйских диалектов. Салымский диалект показывает такую модель смешения, когда в отдельных лексемах *w* и *ɣ* оказались вариативными, а в других случаях продолжали различаться. Необходимо установить, является ли распределение таких случаев позиционным или обусловлено историей отдельных морфем.

Однако можно сделать вывод, что вариативность *w* и *ɣ*, отраженная в Словаре восточныхантыйских диалектов, уже имела место в начале XIX в., когда был записан исследуемый словарь.

Обозначение в словаре губного щелевого *w* в инициальной позиции

Губной щелевой *w* в инициальной обозначается в словаре при помощи букв *w* и *u*, причем *u* почти во всех случаях связывается с соседним гласным лигой.

Слова, в которых используется *w*:

wófte 'viridis (зеленый), caeruleus (голубой), flavus (желтый)' (СалТ *wōstə* 'зеленый, желтый'); *wārtə* 'ruber (красный)' (СалТ *wārtə*); *woilte* 'dormire (спать)' (СургТ *wōjəmtəŷəltə* 'заснуть'); *willä* 'cervus, rangifer (олень)' (СалТ *wātə*); *kurieng_woi* 'alces (лось)', *jəmməng_woiə* 'ursus (медведь, букв.: священный зверь)' (СалТ *wōjə* 'зверь'); *woi* 'tibialia, osrea (~ носки, обувь)' (СургТ *wāj* 'голенище'); *pagilim_wach* 'железо', *pügr_wach* 'aurichalcum (латунь)', *wafsta_wach* 'aurichalcum (латунь; с пометой *e*)', 'cuprum (медь)', *jim_wach* 'argentum (серебро)' (СалТ *wāch* 'железо'); *wont* 'silva (лес)' (СалТ *wōnt*).

Слова, в которых используется *u*:

uarrəs 'accipiter (ястреб/коршун)' (СалТ *wōrəs*); *uāfse* 'anas (утка)' (СалТ *wasə*); *uāchfar* 'vulpes (лиса)' (СалТ *wāysar, wōksar*); *uofch* 'urbs (город)' (СалТ *wōš*); *uat* 'ventus (ветер)' (СалТ *wōt*).

В корне со значением 'пять' *w* и *u* используются как варианты:

uet_jong 'пятьдесят', *uet, wet* 'пять' (СалТ *wāt*).

Ударение, там, где оно поставлено, указывает на неслоговой характер такого *u*, использование лиги также подтверждает это. Возможно предположить, что в такой вариативности *w* и *u* отражен губно-губной сонорный характер хантыйского *w*.

В слове *únno* 'magnus (большой)' (Каз *вөн*) начальный *w* в западных диалектах является, по-видимому, протетическим и закономерно не отражается в исследуемом словаре.

Отражение в словаре аффрикат

Отдельные написания позволяют полагать, что в исследуемом словаре фиксируются смычно-щелевые согласные.

Так, на месте реконструируемой *č записываются *fch, tŷch, dch*:

ōntŷche 'pinus (сосна)' (СалТ *ōnšə*); *fchérmet* 'frenum (узда)' (СалТ *šermat*); *tŷchundche* 'funis (веревка)' (СалТ *šunšə*); *hiŷchnues* 'fenestra (окно)' (СалТ *išən*); *óŷchni* 'vestis pellicea (одежда из шкур?)' (СалТ *ōšnə*)

'ууба'); *tʃhündʃcha* 'dorsum (спина)' (СалТ *ʃənʃ*); *ʃchagəm* 'fumus (дым)' (СалТ *ʃiw* 'туман'); *kötfche* 'culter (нож)' (СургТ *kočəu*).

На месте *č фиксируется *tj*, *tʃch*, *dʃch*:

tʃchórros 'тысяча' (СалТ *t'órəs*); *jántje* 'bibere (пить)' (СалТ *jan't'itta*); *kütfche* 'ebrius (пьяный)' (СалТ *küt'*); *tʃchores*, *tʃchorresch* 'mare (море)' (СалТ *t'orəs*); *édʃchik* 'frigidus (холодный)' (СалТ *ət'ək*); *chótʃchum* 'calidus (горячий, теплый)' (СургТ *kačəm* 'тепло'); *lontʃch* 'nix (снег)', *keung-lantʃch* 'grando (град)' (СалТ *t'ont'* 'снег').

В слове *kitji_jim* 'hirundo (ласточка; с пометой е.)', *kitʃchi_wóie* 'hirundo (ласточка)' (СургТ *kət'i*) зафиксированы варианты *tj*, *tʃch*.

Написание полиграфов через *d*, очевидно, обозначает озвончение аффрикаты в интервокальной позиции и после *n*, но в тех же позициях наблюдается и глухой звук.

Если сравнить запись *tj* с сочетаниями *lj*, *nj*, которые также используются для обозначения среднеязычных согласных, мы можем прийти к выводу, что приписной *j* автор обозначал среднеязычный характер согласного и запись *tj* действительно соответствует *t'*.

Таким образом, салымские *ʃ* и *t'* на месте исконных аффрикат фиксируются вариативно в их инновационном произношении соответственно как *ʃch* и *tj* либо в архаичном как *tʃch*, причем при помощи *tʃch* могут обозначаться обе аффрикаты. Это может говорить о том, что процесс упрощения аффрикат в момент записи еще не был закончен. Зафиксирована вариативность *ʃch/tj* и *tʃch/ʃch*, но не *tj/ʃch*. По этой причине одинаковая фиксация двух аффрикат как *tʃch* еще не свидетельствует об их совпадении в произношении, а может быть графической особенностью словаря.

Отражение в словаре других согласных

Согласные, не затронутые выше, не связаны настолько сильно с проблемой диалектного членения и хронологии фонетических переходов хантыйского языка. Тем не менее, они важны для анализа графической системы словаря.

Среднеязычный носовой *n'* обозначается как *nj* или *n*:

njän 'panis (хлеб)' (СалТ *n'an'*); *njógo* 'caro (мясо)' (СалТ *n'oʒə*); *njókus* 'martes zibelina (соболь)' (СалТ *n'ʒyəs*); *njuchrub* 'forfex (ножницы)' (СургТ *n'ʒyərta* 'строгать'); *njalle* 'cochlear (ложка)' (Каз ьалы); *njālem* 'lingua (язык)' (СалТ *n'atəm*); *nj'ul* 'nasus (нос)' (СалТ *n'ot*); *njāwrem* 'infans (ребенок)' (СалТ *n'āwrem*, *n'āyrem*); *ninga* 'soror (natu minor) (младшая сестра)' (СалТ *n'əjə*); *mónja* 'frater (natu minor) (младший брат)' (СалТ *mōn'ə*); *mōn'ənille_jong* 'soror', *njélle* 'четыре' (СалТ *n'ətə*).

Написание *n* на месте *n'* используется перед переднерядным гласным *ə* (по СалТ), и, возможно, автор словаря мог не фиксировать разницу между среднеязычным согласным и позиционно смягченным *n*. В слове *njän* 'panis (хлеб)' (СалТ *n'an'*), в котором встречается два среднеязычных, аномальное написание одного из них может быть своеобразной графической диссимиляцией.

Диграф *nj* также используется в русском заимствовании *derewnja* 'ragus (деревня, село)' в соответствии с мягким *n*.

Заднеязычный носовой *ŋ* последовательно отражается как *ng* во всех случаях, кроме сочетания *ŋk*:

jang 'desiat' (СалТ *jəŋ*), также последовательно во всех производных; *aleng* 'mane (утро; рано)' (СалТ *atəŋ*); *lileng* 'vīvus (живой)' (СалТ *titəŋ*); *núr pailang* 'vespertilio (летучая мышь)' (СалТ *pōjtəŋ* 'крыло'); *chótteng* 'cygnus (лебедь)' (СалТ *qōtəŋ*); *kurieng_woi* 'alces (лось)' (СалТ *kūrəŋ* 'чернобурый'); *jetteng_woie* 'ursus (медведь, букв.: священный зверь)' (СалТ *jitəŋ* 'святой'); *angem* 'mentum (подбородок)' (СалТ *aŋəŋ*); *ninga* 'soror (natu minor) (младшая сестра)' (СалТ *n'əjə*).

Сочетание *ŋk* записывается как *ŋk*:

éfem_jink 'lac (молоко)' (СалТ *ásəmjəŋk*); *nank* 'larix (лиственница)' (СалТ *nəŋk*); *ljanki* 'sciurus (белка)' (СалТ *taŋkə*); *jéŋk* 'glacies (лед)' (СалТ *jəŋk*, *jōŋk*); *ánke* 'mater (мать)' (СалТ *aŋkə*).

В единичном случае *ŋk* записано как *ng*:

jing 'aqua (вода)', *jilpe-jink* 'fons (родник)' (СалТ *jəŋk* 'вода').

В слове *keung-lantʃch* 'grando (град)' (буквально 'каменный снег' от СалТ *kāw*) *ng* относится к адъективному суффиксу.

Среднеязычный сонорный *j* последовательно отражается как *j* в начальной позиции и как *i* на конце слова. В середине слова написания *j* и *i* вариативны:

jang 'desiat' (СалТ *jəŋ*), также последовательно во всех производных; *jástele* 'loqui (говорить)' (СалТ *jasətta*, *jásətta*); *woilte* 'dormire (спать)' (СургТ *wōjəmtəyətla* 'заснуть'); *jántje* 'bibere (пить)' (СалТ *jan't'itta*); *éfem_jink* 'lac (молоко)' (СалТ *ásəmjəŋk*); *núr pailang* 'vespertilio (летучая мышь)' (СалТ *pōjtəŋ* 'крыло'); *kitʃchi_wóie* 'hirundo (ласточка)' (СургТ *wojə* 'зверь'); *jipp* 'noctua (сова)' (СургТ *t'ōp jəpəu*);

foppoi ‘cantherius (мерин)’ (СалТ *sōpaj* ‘мерин’); *aiachar* ‘caballus (лошадь, конь)’ (вероятно, от СалТ *aj̄kor* ‘маленький бык’); *jógol* ‘arcus (лук-оружие)’ (СалТ *joyət*); *lui* ‘digitus (палец)’, *lui* ‘annulus (кольцо)’ (СалТ *tij* ‘палец’); *woi* ‘tibialia, osrea (~ носки, обувь)’ (СургТ *wāj* ‘голенище’); *jája* ‘frater (natu major) (старший брат)’ (СалТ *jajə, jājə*); *jilpe-jink* ‘fons (родник)’, *jing* ‘aqua (вода)’ (СалТ *jəŋk* ‘вода’); *pai fol* ‘fulgur (молния)’ (СургТ *pāj soł*); *ai* ‘parvus (маленький)’ (СалТ *aj, āj*); *laiem* ‘ascia (топор)’ (СалТ *tajəm, tājəm*); *jäga* ‘fluvius, amnis (река)’ (СургТ *jāyən*); *pai* ‘tonitru (так в рукописи и издании) (гром)’, *pai fol* ‘fulgur (молния)’ (СургТ *pāj* ‘туча’).

При этом в некоторых корнях *j* остается необозначенным:

it ‘unum (один)’, *igot_jang* ‘одиннадцать’ (СалТ *əjət*); *se* ‘arena (~ песчаная площадка)’, *foi* ‘arena (~ песчаная площадка; с пометой ε)’ (СалТ *səj* ‘песчаный плес, коса, отмель’).

В единичных случаях мы находим начальное *h*, которое не имеет соответствий в других источниках и, вероятно, обозначает придыхание при неприкрытом гласном:

höt ‘annus (год)’ (СалТ *ot*); *hifchnues* ‘fenestra (окно)’ (СалТ *išən*); *hocus* ‘taurus (бык)’ (СалТ *ūkas*).

В следующих словах мы находим написание *sch*:

tšhores ‘mare (море)’, *tšchorresch* ‘mare (море)’ (СалТ *t’orəs*); *tilefch* ‘mensis (месяц)’, *tilefch* ‘luna (луна)’ (СалТ *tiləs*). Данные слова являются заимствованиями из коми, и словарь, очевидно, отражает неассимилированное произношение звука *f*, отсутствующего в исконных лексемах. При этом *sch* фиксируется вариативно наряду с *s*, тогда как словарь Н. И. Терешкина отмечает в этих словах только *s*.

При записи смычных *t, p* возможно вариативное озвончение (как и для аффрикат, рассмотренных выше) в позициях между гласными, после гласного на конце слова и после *n*. Озвонченный вариант *p* может также записываться как *w*:

labat_jang ‘семьдесят’, *lābat* ‘семь’, *lāwet* ‘hebdomas (неделя)’ (СалТ *tapət, tāpət* ‘семь’); *lūbet* ‘folium (лист, листья)’ (СалТ *lipət*); *land* ‘frumentum (пшеница/зерно)’, *lant* ‘farina (мука)’ (СалТ *tant*); *njuchrub* ‘forfex (ножницы)’ (DEWOS DN *ñōxṛəp*, Кр *ñōxṛip*, Ni. Kaz. *ñōxṛəp* ‘нож’).

При этом представлены и примеры, когда согласный в тех же позициях остается неизменным.

Во многих словах согласный записывается удвоенным. Удвоению подвергаются согласные в позиции между гласными и после гласного на конце слова. Не удваиваются согласные в консонантных сочетаниях и звуки, записываемые диграфами и полиграфами. Насколько можно судить, удвоение частотно после кратких гласных, тогда как после долгих гласных удвоения, как правило, не происходит (долгота гласных в словаре специально не обозначается). Однако для этой закономерности есть ряд контрпримеров. Также мы не во всех случаях можем проверить эту закономерность, поскольку междиалектные различия в области вокализма не позволяют привлекать данные других диалектов там, где нет надежной салымской фиксации. Также не удваиваются озвонченные согласные. Возможно, озвончение и удвоение согласных в словаре следует рассматривать в контексте фиксации гласных в словаре.

Отражение в словаре случаев утраты согласных

Салымскому диалекту свойственна утрата конечных согласных в некоторых основах. Исследуемый словарь уже отражает утрату конечного *y*:

uāfse ‘anas (утка)’ (СалТ *wasə*, но СургТ *wasəy*); *tšhundche* ‘funis (веревка)’ (СалТ *šunšə*, но СургТ *šōŋčəy*); *kelle* ‘vestis (одежда)’ (СалТ *kālə* ‘ меховая распашная доха’, но СургТ *kōləy*).

При этом словарь фиксирует конечное *ŋ* основы в слове *nāng* ‘ухог (жена)’ (СалТ *ne*) и конечный *j* в слове *gui* ‘homo (человек)’, *qui* ‘maritus (муж)’ ‘мужчина, человек’ (СалТ *ku*), утратившиеся ко времени создания Словаря восточнохантыйских диалектов.

В корнях *it* ‘unum (один)’, *igot_jang* ‘одиннадцать’ (СалТ *əjət*); *tut* ‘ignis (огонь)’ (СургТ *tūyət*) не обозначаются срединные сонорные *j, w*. Такое написание соответствует произношению в западных диалектах (Каз *ut, tūt*), но противоречит более поздней фиксации медиальных сонорных у Н. И. Терешкина. Возможно предполагать, что в ходе конкуренции вариантов западный был вытеснен восточным.

О некоторых труднообъяснимых примерах

Для ряда лексем мы не находим надежного соответствия в лексикографических источниках и не можем с определенностью говорить об особенностях их графики.

Сюда относятся:

tšchele ‘buturum, oleum (масло, жир)’, *wiūkai* ‘vestis (одежда)’, *jāgot* ‘retrosum (паньше, назад?)’, *jógot* ‘sego (поздно)’ (возможно, соотносимо с ВахТ *joyət* ‘в следующем году’); *nocutu_wach* ‘forfex (ножницы; с пометой e.)’, *epoch* ‘fumus (дым)’, *huofsing* ‘procella (буря)’.

Для глагола *ménta* ‘ire (идти)’, *menta* ‘vehi (ехать)’ (СалТ *mánta*) фиксируется вариант *ménle* ‘ire (идти)’ с неким суффиксальным расширением. Возможно, это форма третьего лица единственного числа настоящего времени с суффиксом *əl*. То же в глаголе *jástele* ‘loqui (говорить)’ (СалТ *jasætta, jástætta*).

В слове *foppor_mes* ‘bos (корова)’, вероятно, следует читать не *foppor*, а *foppoi* (СалТ *sõpaj* ‘мерин’).

Принципы чтения согласных в словаре

Обобщая графические закономерности в обозначении согласных, перечислим согласные буквы и сочетания, используемые в словаре, и принципы их перевода в финно-угорскую транскрипцию:

b — озвонченный вариант фонемы *p* в позиции между гласными и на конце слова после гласного;

c — редкий знак, вероятно обозначающий звук *k* в медиальной позиции;

d — озвонченный вариант фонемы *t* в положении между гласными и после *n*;

g — *ɣ*, в единичном случае *k*;

h — вариативное нефонематичное придыхание перед начальным гласным;

i, j — вариативные записи *j* в различных позициях;

k — *k*;

l — *l, l'*, также *l'* (наряду с *lj*);

m — *m*;

n — *n*, также *n'* (наряду с *nj*);

p — *p*;

q — редкий знак, используется в уникальных случаях на месте *ɣ, k*, возможно, в рукописи здесь следует видеть не букву *q*, а вариант начертания *g*;

r — *r*;

s, f — *s*;

t — *t*;

u, w — вариативные записи *w* в различных позициях;

ch — в начальной позиции обозначает, вероятно, заднеязычный щелевой, но не в соответствии с западнохантыйским *ɣ*, а на месте восточнохантыйского *k*;

fch — *ʃ*, также вариативно на месте *s*;

tj — *t'* (наряду с *tfch, dfch*);

nj — *n'* (наряду с *n*);

lj — *l'* (наряду с *l*), в единичном случае *l*;

tfch, dfch — вариативно на месте *ʃ* и *t'*;

ng — *ŋ*, в единичном случае сочетание *ŋk*;

nk — сочетание *ŋk*.

Таким образом, автор словаря придерживался следующих принципов фиксации консонантизма:

— для специфических хантыйских среднеязычных *t', n', l'* автор ввел обозначения *tj, nj, lj*, но пользовался ими непоследовательно, иногда заменяя на *tfch, n, l*;

— автор не различал шумный боковой *l* и сонорный *l*;

— для обозначения заднеязычного носового *ŋ* автором введено обозначение *ng*, которое используется последовательно, однако сочетание *ŋk* записывается как *nk, ng*;

— для обозначения аппроксимантов *w* и *j* наряду с буквами *w, j* используются также знаки неслоговых гласных *u, i*. Эти согласные могут оставаться необозначенными;

— вариативное оглушение и озвончение согласных может оставаться необозначенным, при этом оглушенный *ɣ* обозначается как *ch* и не различается по написанию со звуком, соответствующим *k*;

— на месте *ʃ* и *t'* из прахантыйских аффрикат вариативно отражается архаичное аффрицированное произношение, причем автор, последовательно различая *ʃ* и *t'*, одинаково обозначает переднеязычную и среднеязычную аффрикаты.

Особенности консонантизма салымского диалекта, восстанавливаемые по данным словаря

Исследуемый источник позволяет сделать следующие выводы о характере салымского диалекта в момент записи словаря (не позже начала XIX в.):

— переходы *l → t* и *l' → t'* еще не совершились, однако мы уже видим отдельные случаи неразличения боковых и смычных, в первую очередь в их сочетаниях;

- формирование салымского идиома как к-диалекта имело сложную историю. Так, в словаре мы видим отражение *x* на месте **k*, но это *x* соответствует восточнохантыйскому *k̄*, но не западному *x*;
- упрощение аффрикат не было завершившимся процессом, однако смычно-щелевой вариант и упрощенный конкурировали;
- развилась вариативность *w/ɣ* в некоторых словах, при этом словарь не позволяет надежно судить о развитии восточнохантыйского *ʃ*;
- отпадение конечного *ɣ* основы уже произошло, однако конечные согласные в некоторых других основах, утратившиеся позже, сохраняются.

Сопоставление словаря с другими источниками по хантыйским диалектам показывает, что словарь включает несколько слов, не фиксируемых ранее для салымского диалекта. В этой связи представляется перспективной дальнейшая работа со словарем, анализ графической системы в области вокализма и изучение данных по другим диалектам, описанным в источнике.

Сокращения

При цитировании DEWOS сохраняются следующие пометы:

DN — говор верхнего течения р. Демьянки по словарю К. Карьялайнена;

Kam — говор д. Каменские на р. Конде по словарю К. Карьялайнена;

KoP — говор д. Каменское на р. Конде по словарю Х. Паасонена.

Kr — говор д. Красноярские на р. Конде по словарю К. Карьялайнена;

KT — индекс по словарю К. Карьялайнена;

Kaz — казымский диалект

Ni — низямский диалект на Оби по словарю К. Карьялайнена;

Patk — иртышский диалект по записям С. Патканова.

Литература

- Караулов 1976 — *Караулов Ю. Н.* Хантыйский язык // Основы финно-угорского языкознания. М., 1976. С. 239—252. {*Karaulov Yu. N.* The Khanty language // Introduction to Finno-Ugric linguistics. M., 1976. P. 239—252.}
- Терешкин 1967 — *Терешкин Н. И.* Ваховский диалект хантыйского языка (фонетика и морфология). Л., 1967. {*Tereshkin N. I.* The Vach dialect of Khanty (phonetics and morphology). L., 1967.}
- Хантыйский язык — Хантыйский язык / Под редакцией Е. А. Немысовой. Л., 1988. {The Khanty language / Ed. Nemysova E. A. L., 1988}
- Штейниц 1937 — *Штейниц В.* Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. М.—Л., 1937. Ч. 1. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. С. 193—227. {*Steinitz W.* The Khanty (Ostyak) language // Languages and writings of peoples of the North. M.—L., 1937. Part 1. Languages and writings of Samoyedic and Finno-Ugric peoples. P. 193—227.}
- Honti 1981 — *Honti L.* Zur Frage nach der Herausbildung der ostostjakischen Mundarten im Lichte der Lautgeschichte // Acta Linnistica Academiae scientiarum Hungaricae. Tomus XXXI. Budapest, 1981. P. 87—106.
- Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe (Bibliotheca Uralica, 6). Budapest, 1982.

Источники

- Диалектологический словарь хантыйского языка 2011 — *С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарёва, С. В. Онина, А. А. Шиянова.* Диалектологический словарь хантыйских диалектов (шурьшкарский и приуральский диалекты) / Под ред. Н. Б. Кошкарёвой. Екатеринбург, 2011. {The Khanty dialect dictionary (Shuryshkary and Uralian dialects) / Ed. Koshkareva N. B. Ekaterinburg, 2011.}
- Соловар 2014 — *Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Ханты-Мансийск, 2014. {*Solovar V. N.* Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect). Khanty-Mansiysk, 2014.}
- Терешкин 1981 — *Терешкин Н. И.* Словарь восточнохантыйских диалектов Л., 1981. {*Tereshkin N. I.* Dictionary of eastern dialects of Khanty. L., 1981.}
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin, 1956—1993.
- Dictionary of Salym Khanty (archives of RAS, St. Petersburg) // <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1827/6/perspective/1827/7/view>

РЕЗЮМЕ

Салымский диалект хантыйского языка представляет особый интерес для хантыйской диалектологии, поскольку носит смешанный характер и сочетает черты восточных и западных диалектов; при этом он является одним из наименее описанных. В статье анализируется одна из старейших словарных фиксаций этого диалекта из архива А. Н. Шегрена (первая половина XIX в.). Рассмотрены особенности записи согласных в словаре, необходимые для сопоставления данных словаря с другими источниками. На материале словаря сделаны наблюдения о некоторых деталях развития хантыйского консонантизма.

SUMMARY

The Salym dialect is of special interest for Khanty dialectology, because it is heterogeneous and combines both East Khanty and West Khanty features. The paper considers one of the earliest lexicographic descriptions of the dialect from the A. Sjögren's archives (first half of 19th century). The paper discusses characteristics of the earliest documentation of consonants in the dictionary that are necessary for its comparison with other literature on the matter. Some observations about Khanty consonants development are made based on the material.

Ключевые слова: хантыйский язык, салымский диалект, графика, диалектология, консонантизм

Keywords: Salym dialect, Khanty language, dialectology, graphics, consonants

Тимкин Тимофей Владимирович, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); Институт языкознания РАН (Москва); ttimkin@yandex.ru

Timofey V. Timkin, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk); Institute of Linguistics, RAS (Moscow); ttimkin@yandex.ru

Bemerkungen zum Bestand der dentalen Spiranten der U/FU/Ug Grundsprache

0. Einleitung

In dieser Studie behandle ich zusammenfassend solche Fragen, mit denen ich mich bereits früher beschäftigt habe, es aber für sinnvoll halte, meine lautgeschichtlichen Erkenntnisse, ergänzt durch neue Gesichtspunkte, zum Strauß gebunden zu veröffentlichen. Dessen Grund ist, dass mich die Mitteilungen im Buch von Róna-Tas—Berta [RTA 2011a, b] dazu bewogen, die etymologischen und lautgeschichtlichen Meinungen der dortigen Stellungnahmen notwendigenfalls zu kommentieren, was ich bereits in meinem letzten Buch [Honti 2017] tat, aber wegen der Thematik des Buches nicht auf jedes wichtige Detail eingehen konnte und seither auch auf sonstige Fragen Antwort gefunden habe.

In dieser Studie werden folgende Konsonanten behandelt: * δ , * δ' , * ϑ , * ϑ' , * λ , * λ' , * s , * s' , * $\check{s}$. Da die von mir aufgearbeiteten Studien und zum Thema gehörigen eigenen Arbeiten in mehreren, zuweilen schwer zugänglichen Foren erschienen sind, möchte ich — meinem eigenen Brauch treu — mit reichhaltigen Zitaten und bibliographischen Hinweisen die Sache meiner eventuellen Leser erleichtern. Zugleich bin ich auch bestrebt, auf die wissenschaftsgeschichtlichen Präliminarien des hier Vorgetragenen hinzuweisen. Deswegen und weil in gewissen Bibliotheken die Fachliteratur relativ mangelhaft ist, gebe ich auch an, wenn eine Studie eventuell auch an zwei Stellen erschienen ist.

Schlüsselfiguren meiner Abhandlung sind * λ , * λ' , * ϑ und * ϑ' , von denen die ersten beiden Phoneme der ostjakischen Surgut- und Kazym-Dialekte sind. Als erste enthält Castréns Surgut-ostjakische Grammatik die Mitteilung des λ , spricht aber nicht von dessen palatalisiertem Pendant: „Die Consonanten ϑ und ϑ' bezeichnen zwei aspirierte Laute, von denen der eine wie *tl* oder *thl*, der andere wie *dl* oder *dhl* ausgesprochen wird, z. B. *âđan* oder *âđlan* (*âđhlan*) 'Morgen', *kaŕ* oder *katl* (*kathl*) 'Tag'“¹ [Castrén 1858/1969: 6]. Auch in den Arbeiten des im nördlichen Dialektgebiet Material sammelnden Ahlqvist taucht dieser Laut mit der Bezeichnung *l* auf, aber auf dessen palatalisiertes Pendant stieß ich auch in seinen Aufzeichnungen nicht.² Ahlqvist arbeitete im Gebiet zwischen Bol'soj Atlym und Obdorsk mit seinen Sprachmeistern, unter anderem auch mit denen von Berjuzovo [Ahlqvist 1880: V]; unter ihnen waren gewiss auch Kazymer, die Angaben mit Buchstaben K stammen offensichtlich von ihnen. In Ahlqvists Schriften fand ich keine phonetische Angabe dieses Lautes, vielleicht hat er sich damit auch nicht befasst, da er auch in seiner wogulischen Sammlung den phonetischen Wert der von ihm verwendeten Buchstabenzeichen nicht bekanntgab (s. dazu Yrjö Wichmann in [Ahlqvist 1894: XI]). Zur Bezeichnung der Laute λ und λ' hat Karjalainen die verstümmelte Variante von Lambda (λ) eingeführt: λ , λ' (vgl. [Karjalainen 1905: XII, XIV, KT XXVII—XXVIII]). Diese Bezeichnungsweise hat der größte Teil der Fachleute akzeptiert und verwendet sie, aber Verte hat statt dieser andere kreierte, die meisten Varianten bezeichnete sie so:

λ = Ɑ [Bepre 1979], *L* [Bepre 1985, Verte 1990], *l* [Bepre 1986],
 λ' = λ' [Bepre 1979], *L'* [Bepre 1985, Verte 1990], *l'* [Bepre 1986].³

Bedauerlich ist diese Sonderlösung, weil ein solches Verfahren den Leser zur Rätselauflösung zwingt.

Im Folgenden zähle ich meine Argumente auf, die für die Streichung der grundsprachlichen * δ und * δ' sowie die Aufnahme der grundsprachlichen * ϑ (und eventuell für die Annahme von * ϑ') sprechen. Meine Meinung trage ich bei der Behandlung der folgenden Probleme vor:

1. die angeblichen U/FU grundsprachlichen * δ und * δ' ,
2. die U/FU grundsprachlichen * ϑ und * ϑ' ,
3. die ugrischen Fortsetzungen der U/FU grundsprachlichen Sibilanten (* s , * s' , * $\check{s}$).

1. Die angeblichen U/FU grundsprachlichen * δ und * δ'

Auf die in Punkt 0. **Einleitung** genannten Konsonanten stieß ich, als ich den Versuch unternahm, mich mit dem phonologischen Status der mir überaus problematisch erscheinenden grundsprachlichen Rekonstrukte * δ

¹ Vgl. Trj *âłan* 'Morgen', *kâta* 'Tag' [DEWOS: 83, 571].

² Vgl. *lak* 'Ring, Kreis', *lou* 'Pferd', *laktem* 'spucken' [Ahlqvist 1880: 92, 99] ~ Kaz *lak*, 'Ring', *łow* 'Pferd', *łak* 'schießen' [DEWOS: 822, 730, 864].

³ Vertes Beschreibung der ostjakischen λ und λ' habe ich ausführlich in einer früheren Studie zitiert [Honti 2016a: 49—50].

und * δ' zu beschäftigen. Das Wesentliche daran ist, dass es der traditionellen Ansicht nach im gewiss uralten Wortbestand der uralischen Sprachen Lexeme mit den Konsonanten * δ und * δ' gibt, die eine sehr bunte Konsonantenentsprechung in den verwandten Sprachen aufweisen. Dazu gehören z. B. FU * $wi\delta\delta_3(-m\delta)$ 'Knochenmark, Gehirn' > ung. *velő* 'Mark' ~ ostj. *weləm* ~ syr. *vem* ~ lp. *āđā* ~ fi. *ydin* [UEW 1: 572—573], U * $ka\delta\delta_a$ - 'lassen, verlassen, bleiben' > ung. *hagy* 'lassen' ~ ostj. *kāj-* ~ syr. *kol'* ~ lp. *guođde-* ~ fi. *katoa-* [UEW 1: 115—116]. Meiner Kenntnis nach versuchte sich als erster Genetz an der Bestimmung des konsonantischen grundsprachlichen Inlaut-Vorgängers (der bis heute natürlich oft zum Stammaslaut geworden ist) solcher Wörter; er vermutete einen $\bar{d}$ (= δ)-artigen Laut und begründete es folgendermaßen: „... für die finnougriische Grundsprache ist ein spezieller, den Lauten finnisch *d*, *l* und *r* ähnelnder stimmhafter Konsonant anzunehmen... dieser Laut war kein wahrer Dental, sondern ein Alveolar, der entweder ein Spirant war wie in den westfinnischen Dialekten auch heute oder eventuell ein bilateraler Explosivlaut, von der Art wie das $\bar{d}$ des ostjakischen Surgut-Dialektes und das *l* des Norddialektes“ [Genetz 1896: 11]. Auch Setälä beschäftigte sich mit dieser Frage, aber er sprach auch der Tatsache Bedeutung zu, dass es aufgrund einiger Sprachen auch ein palatalisiertes Pendant dieses Spiranten gab, also * δ' [Setälä 1896: 418—419].

Die Erklärung von Genetz und Setälä ist tief in die Uralistik eingegangen, jahrzehntelang rechneten die Fachleute mit den Rekonstrukten * δ und * δ' . Als erster äußerte Steinitz [Steinitz 1952: 37; Steinitz 1980: 139] Zweifel daran, und dem folgten Gegenmeinungen (über sie s. z. B. [Honti 1983: 118, 1992]). Казанцев [Казанцев 1990: 181—184] lehnte die Rekonstrukte * δ und * δ' ab, er rechnete anstelle dieser mit *l und **l'* im Inlaut unter Berufung auf die permischen und ugrischen Vertretungen und postulierte den Wandel *l > *t (> lapp. $\bar{d}$, fi. *t*, *d*, mord. *d*, tscher. $\check{c}$, *c*) und **l'* (> *l > *t > lapp. $\bar{d}$, fi. *t*, *d*, mord. *d'*, tscher. $\check{c}$, *c*), diese Annahme kann aber nicht ernst genommen werden. Korhonen argumentierte dafür, dass sie dennoch nicht bei den grundsprachlichen Rekonstrukten gestrichen werden müssen: „Andererseits kann man z. B. dem uralischen oder finnisch-ugrischen Phonemsystem nicht solche Phoneme wie $\bar{u}$, $\bar{i}$, $\bar{\delta}$, $\bar{\delta}'$ nur deshalb absprechen, weil sie stark merkmalfhaft und sekundär sind“ [Korhonen 1990: 170—171]. Früher hat sich auch Merlingen zu dieser Frage geäußert, seiner Meinung nach konnten die archaischen Sprachen auch über mehrere Arten von lateralen Phonemen verfügen, und die Grundsprachen seien vor mehreren zehntausend Jahren „altertümlicher“ gewesen als ihre heutigen Vertreter ([Merlingen 1984: 332—333], vgl. noch Korhonen a. a. O.). Seine Auffassung aktualisierte er folgendermaßen auch bezüglich der uralischen Sprachen: „Auch dort [im Uralischen; L. H.] treten in einzelnen Sprachen und in bestimmten Fällen Laterale (*l*, $\bar{l}$)⁴ auf, wo sonst *s*, $\bar{s}$, *t*, *j* (usw.) stehen. Auch dort haben die Väter dieser Wissenschaft aus dem Vorrat der ihnen bekannten Laute geschöpft und aus den Entsprechungen Sibilanten und (im Inlaut) $\bar{\delta}$ -Laute rekonstruiert (immerhin waren die Entsprechungen deutlich genug, um nicht — wie in der Indogermanistik — beiseitegeschoben werden können“ [Merlingen 1984: 334]. Mit diesen Aussagen kann ich nur schwer etwas anfangen, höchstens hinzufügen, dass die Sprachsysteme von nur einigen tausend Jahren zuvor — wie z. B. die uralische Grundsprache — offensichtlich ebenso funktionierten und ebensolchen Regularitäten gehorchten wie die heutigen, sie konnten also kaum den allgemeinen Prinzipien und Gesetzmäßigkeiten der heutigen Sprachen entgegengesetzt sein. Zudem äußerte sich Merlingen erheblich ungenau über die uralischen Sprachen, und in seiner Tabelle [Merlingen 1984: 334] gibt es Fehler.

In meinen Schriften nach Erscheinen der seine Ansicht enthaltenden Studie Korhonsens bemühte ich mich, gerade diese Auffassung mit der Analyse sprachlicher Angaben zu widerlegen. Wenn es in der Grundsprache * δ und * δ' gegeben hätte, würde es dem phonologischen Prinzip widersprechen, dass das Vorhandensein eines von irgendeinem Gesichtspunkt aus merkmalfhaften (marked) Phonem das Vorhandensein des entsprechenden merkmallosen (unmarked) voraussetzt, wenn es also die Phoneme * δ und * δ' in einem Idiom gibt, dann notwendigerweise auch die Phoneme * ϑ und * ϑ' . Diese behandle ich im Punkt „2. U/FU grundsprachliche * ϑ und * ϑ' “.

Könnte * δ' nicht doch die einstige Existenz der von vielen für die Grundsprache rekonstruierten * δ und * δ' belegen? Denn damit könnte man zumindest im Falle von * δ damit rechnen, dass es das stimmlose Grundglied der „stimmhaften—stimmlosen“ Opposition $\vartheta \leftrightarrow \delta$ doch gegeben hat, das ϑ . Wenn es neben ϑ ϑ' gegeben hätte, dann natürlich auch neben $\vartheta \leftrightarrow \vartheta'$ das Phonempaar $\delta \leftrightarrow \delta'$. Ich glaube, dagegen können zwei Argumente vorgebracht werden, das erste ist ziemlich schwach, aber das zweite verdient ernsthafte Erwägung:

1. Auch wenn es die Opposition * $\vartheta \leftrightarrow * \delta$ gab, weiß ich von keiner Wortfamilie, in der * ϑ -*t* rekonstruiert werden könnte, also dass es auch die Opposition * $\vartheta' \leftrightarrow * \delta'$ gegeben hätte. Natürlich hätte es sie geben können, aber als ein stark bezeichnetes Phonem wäre es noch seltener gewesen als * ϑ ; das Fehlen des Beweismaterials bedeutet selbstverständlich nicht die Unmöglichkeit seiner einstigen Existenz.

2. Ein nachdrücklicheres Argument ist, dass die Vertretung der bisher angenommenen stimmhaften Elemente * δ und * δ' in einem Teil der verwandten Sprachen — außer dem der Erwartung nicht widersprechenden *l* — ein stimmloses *t* ist (vgl. [Honti 1992: 209]). Statt ihrer schlug ich in einer früheren Arbeit [Honti 1992] * $\bar{l}$ und

⁴ *l*, $\bar{l}$.

* λ zu rekonstruieren vor, obwohl auch sie sich bei den Fortsetzungen der betreffenden grundsprachlichen Wörter in keiner einzigen verwandten Sprache nachweisen lassen, sich aber phonetisch und phonologisch widerspruchslos in das System einfügen. Bakró-Nagys Untersuchungen gemäß belegen die Silbenstrukturen der solche Phoneme kennenden ostjakischen Dialekte sogar die Wahrscheinlichkeit von * λ und * λ , und auch sie nahm für die Unwahrscheinlichkeit von * δ und * δ Stellung [Bakró-Nagy 2001: 21—22]. Ein weiterer Vorteil dieses Rekonstrukts wäre, dass es als Fortsetzung sowohl den Explosivlaut t als auch den Liquid l verständlich macht.

Ein wichtiges Moment ist auch, dass es unter den rekonstruierten Lexemen des uralten Wortschatzes keine gibt, die die eventuell gleichzeitige Existenz der Phonempaare * $\vartheta \leftrightarrow *g$, * $\delta \leftrightarrow *d$ belegen würden.

Vielleicht erhebt sich die Frage, ob statt der als * δ und * δ (= * λ , * λ ; L. H.) rekonstruierten Elemente nicht ebenso mit * ϑ und * g gerechnet werden könne? Die Antwort ist eindeutig Nein, denn der Konsonant * δ (= * λ) und das von mir postulierte * ϑ haben in der überwiegenden Mehrheit der uralischen Sprachen verschiedene Fortsetzungen. (Über all das s. [Honti 2016a: 51].)

2. U/FU grundsprachliche * ϑ und * g

Schon als Forschungsanfänger machte mich ein Vortrag von Tibor Mikola sehr nachdenklich, die nicht viel später auch erschienen ist [Mikola 1976]. Das Grundprinzip seiner Aussage formulierte er folgendermaßen: Wenn sich in zwei verwandten Sprachen Lexeme finden, die semantisch gut zueinander passen, aber keine reguläre Lautentsprechung aufweisen, können sie nicht doch zu einer Familie gehören? „Wo wir eine anscheinend unüberbrückbare phonetische Kluft sehen, aber alle übrigen Umstände für Übereinstimmung sprechen, muss zumindest versucht werden, Brücken zu bauen“ [Mikola 1976: 211]. Dabei inspirierte mich eine Bemerkung Kiparskys: „ich bleibe dabei, daß bei scheinbar unüberbrückbaren semantischen Klüften zunächst einmal versucht werden soll, Brücken zu schlagen“ ([Kiparsky 1966: 75]; zitiert [Mikola 1976: 210]). Mikola suchte die folgenden Wörter in drei etymologische Wortfamilien einzubeziehen: (1) ung. *toll* usw. ~ fi. *sulka* 'Feder' usw., (2) ung. *él*, fi. *elä-* ~ md. *éa-* 'leben' usw., (3) ung. *száj*, fi. *suu* ~ ostj. *V lul*, *Vj jul*, *Trj $\lambda\lambda$* 'Mund' (a. a. O.). Allerdings machte er keine phonetischen, lautgeschichtlichen Vorschläge zum Beleg der Zusammengehörigkeit dieser Wörter. Über das Verhältnis von ung. *toll* usw. und fi. *sulka* spreche ich später, für die Verbindung von ung. *él*, fi. *elä-* ~ md. *éa-* sehe ich kein Hindernis (s. [Honti 2016a: 53—54]) aufgrund der überzeugenden Argumentation von Keresztes ([Keresztes 1987: 181—182]; vgl. noch [Rédei 1980: 260]), wogegen die etymologische Entsprechung von ung. *száj* und fi. *suu* nicht ostj. *V lul*, *Vj jul*, *Trj $\lambda\lambda$* 'Mund' sein kann, das nämlich ist ganz sicher der unbestreitbare Bruder der ostseefinnischen und lappischen Entsprechungen von fi. *huuli* 'Lippe' [Rédei 1988, 1991: 93—95; UEW 1: 903]. Eines der neuesten etymologischen Wörterbücher der uralischen Sprachfamilie erwähnt dagegen das Verb md. *éa-* gar nicht als mit fi. *elä-* verwandt (s. *elää* [SSA 1: 103b—104a]), und unter den Entsprechungen von fi. *huuli* findet sich ostj. *lul* nur mit Fragezeichen [SSA 1: 195a].

Durch Mikola bewogen begann ich also über das etymologische Verhältnis von ung. *toll* und fi. *sulka* sowie dem identische Entsprechung zeigenden ung. *tó* 'See' und fi. *suo* 'Morast' zu grübeln. Jetzt stelle ich kurz deren wissenschaftsgeschichtliche Beurteilung dar. Die Zusammengehörigkeit von *tó* und *suo* wurde bis zum Ende des 19. Jahrhunderts akzeptiert, später aber wegen der offenbar erkannten phonetischen Schwierigkeit abgelehnt, dann hat Janhunen [Janhunen 1981: 257] als eventuell regelwidrige Lautvertretung fi. *suo* bei der Verwandtschaft von ung. *tó* eingereiht, und bei Sammallahti [Sammallahti 1988: 540b] kommt fi. *suo* überhaupt nicht vor. Sammallahti versieht die Verwandtschaft von fi. *sulka* mit ung. *toll* mit Fragezeichen, und Janhunen [Janhunen 1981: 241] — wenn ich ihn richtig verstehe — akzeptiert die Zusammengehörigkeit von *sulka* und *toll*, aber als absurd betrachte ich, dass er auch fi. *tuuli* 'Wind' glaubt, eventuell dazu rechnen zu können. Das neueste finnische etymologische Wörterbuch vertritt Sammallahtis Ansicht im Falle von *sulka* [SSA 3: 211b] und im Wortartikel *suo* Janhunens Ansicht [SSA 3: 213b—214a].

Im Grundsprachenvorgänger des Anlautkonsonanten der genannten beiden ungarisch-finnischen Wortpaare kann nicht mit einem Anlautkonsonanten gerechnet werden, aus welchem im Besitz der traditionellen lautgeschichtlichen Kenntnisse die Entsprechung von ung. t (< * t) und (ostsee)finnisch s (< U/FU * s , * $\acute{s}$) erklärbar wäre. Es muss ein solcher grundsprachlicher Konsonant postuliert werden, der phonetisch die Zusammengehörigkeit dieser Wörter belegen kann, selbst wenn er nicht bis zu den heutigen Sprachen dieser Konsonant geblieben ist. Das wiederum kann nur * ϑ sein, denn sowohl $\vartheta > s$ als auch $\vartheta > t$ ist in den Sprachen der Welt reichlich belegt, es handelt sich um einen phonetisch natürlichen Wandel. In diesem Sinne müssen also ung. *tó* ~ fi. *suo* < U * $\vartheta\omega\acute{s}$ 'See, Teich' (vgl. U * $\vartheta\omega\acute{s}$ 'See, Teich' [UEW 1: 533]), ung. *toll* ~ fi. *sulka* < U * $\vartheta\lambda\lambda\acute{k}$ 'Feder, Flügel' (vgl. U * $\vartheta\lambda\lambda\acute{k}$ 'Feder, Flügel' [UEW 1: 535—536]) eindeutig als Geschwisterworte betrachtet werden. Mit dieser Frage habe ich mich mehrfach beschäftigt, und da ich hier nur auf die wichtigsten Details eingegangen bin, erwähne ich, wo sich meine anderen diesbezüglichen Wahrnehmungen befinden: [Honti 2001, 2004, 2012: 52—57, 2013a, 2016a: 52—57, 2017: 98].

In diesem Zusammenhang muss ich bemerken, dass neue, in phonetischer und semantischer Hinsicht belegte etymologische Erklärungen (wie z. B. die in diesem Punkt behandelten) zuweilen schwer in den wissenschaftlichen Kreislauf gelangen, und bei anderen Gelegenheiten die Absurditäten zu meiner nicht geringen Verwunderung ganz leicht den Weg finden (z. B. engl. *whale* ~ dt. *Wal-fisch* < IE *hwala 'Walfisch' < U *kala > fi. *kala* ~ ung. *hal* 'Fisch', s. [Honti 2015: 487—488]; fi. *löytä-* 'finden' < urgerm. *χleutan, über sie s. [Honti 2017: 124—126]).

Zum Schluss muss ich bemerken, dass im erhaltenen Material des uralten Wortschatzes der Sprachfamilie — vorerst — nur zwei Lexeme auf *ʒ hinweisen, und auch nur in Anlautstellung, und es keine Wörter oder Wortfamilien gibt, die auf *ʒ schließen lassen.

3. Die ugrischen Fortsetzer der U/FU grundsprachlichen Sibilanten (*s, *ś, *š)

Anderson hat sich in seinem 1893 erschienenen Buch detailliert mit den dentalen Spiranten der Sprachfamilie beschäftigt und ist in deren Frage zu wesentlich anderen Folgerungen gelangt als Budenz vor ihm, was sich zwischen ihnen zu einer schriftlichen Meinungsverschiedenheit ausweitete. Den Streit löste aus, dass Budenz z. B. die Lautentsprechung ung. *θ* ~ obugr. *t*, fi. *h* mit ursprünglichem dentalen Verschlusslaut (*t* oder *d*) interpretieren zu können glaubte (z. B. ung. *egér* ~ ostj. *tengere* ~ fi. *hiire* 'Maus', ung. *öv-* (sic!; L. H.) ~ wog.-ostj. *täu, teu* ~ fi. *häne* (sic!; L. H.) 'er, sie' [MUSz: 767, 845; Budenz 1879: 312—313]), während „Anderson... dem Wogulisch-Ostjakischen die bei weitem nicht natürliche Lautentsprechung *s* : *t* (Spirant : Explosivlaut) zu eignet, in der Annahme, dass im Finnischen aus einem solchen Anlaut-*s*, das vorher *t* war, kaum *h* geworden wäre (seiner Meinung nach also z. B. wog. ostj. *tengere* 'Maus' nur aus dem ursprünglicheren *sengere* entstand, von dem ein für allemal fi. *hiire* ausging" [Budenz 1879: 312—313]; natürlich muss angemerkt werden, dass Budenz' als Widerlegung vorgetragene Argumentation falsch ist. Dies war eine Reflexion auf Andersons folgende Aussage: „einem *s* der übrigen finnischen sprachen steht im ostjakisch-vogulischen sehr häufig *t*, resp. *thl*⁵ oder *l* gegenüber, während im magyarischen der anlautende consonant in solchen fällen meistens geschwunden ist, vgl. z. b. ... ostj. *teñer*, vog. *täñer*, magy. *egér* maus" [Anderson 1879: 30—31, Anm. **].

Es ist also auf jeden Fall Andersons Erkenntnis, dass in den auch von ihm genannten uralten Wörtern ein Anlautspirant (-sibilant) (*s, *š) war, aber ich fand keine Spur in seinen das Thema behandelnden Büchern [Anderson 1879, 1893], wie er sich die Veränderungen dieser Konsonanten in den ugrischen Sprachen vorstellte. Dieses Rätsel blieb lange ungelöst, vgl. „Das in der finnougri-schen Grundsprache vorhandene palatalisierte *ś verlor in der ugrischen Grundsprache seine Palatalisierung, wurde zum einfachen Alveolar, während das aus der finnougri-schen Grundsprache ererbte nicht palatalisierte *s sich zu irgendeinem noch nicht genau feststellbaren neuen Laut entwickelte, zu einem solchen, aus dem später im Wogulischen *t*, im Ostjakischen je nach Dialekt wechselnd *l*, *ʌ*, *t*, *ʃ* wurde und das im Ungarischen verloren ging" [Zsirai 1937: 146, Zsirai 1994: 148]. Die befriedigende Lösung haben wir Steinitz zu verdanken: „In den ugr. Sprachen ist *š und *s zusammengefallen in einem im Urugr. wohl *ʒ*-artigen Laut... Für das Urugr. sind also anzunehmen: *č č ʒ* (< *š, *s) *s* (< *ś)" [Steinitz 1952: 28, Steinitz 1980: 130], „*š und *s > urugr. *ʒ. Im Ostj. erscheint mundartlich (Lirk.) *ʒ*, häufiger jedoch spirantisches *ʌ*, das in den Randdialekten > *l* (Erweiterung der Enge), in den mittleren Dialekten > *t* (Schließung der Enge: wog.-südostj. Isoglosse *t*). In allen diesen Dialekten ist fluigr. *š — *s mit *l* zusammengefallen. Eine Sonderstellung nehmen die östlichen Vj. VK ein, in denen im Anlaut *š — *s > *j*, aber *l > *l* (inlaut., auslaut. aber *š — *s > *l*)" [Steinitz 1952: 29, Steinitz 1980: 131].

Steinitz' außerordentlich wichtige Erkenntnis enthält jedoch auch einen unangenehmen Fehler, den er auch in DEWOS eingebaut hat und dadurch unwissentlich mehrere in die Irre führte (darüber s. [Csepregi 2014: 26]), denn die im Dorf Likrisovskoe gesprochene Surgut-Dialektvariante kann kein Phonem *ʒ* gehabt haben, weil Karjalainens Sprachmeister einen Sprachfehler hatte, statt des in den übrigen Surguter Dialekten vorhandenen *ʌ ʒ* und statt des *ʌ, ʒ, ś, ź* und *ž* aussprach (s. [KT XV; Honti 1981: 101]), was dadurch erklärt wird, dass sein Informant lispelte: „seine Zunge lispelte" [KT XV]. Das *ʌ* statt des *ʒ* von Likrisovskoe kann eine entscheidende Rolle dabei gespielt haben, dass Steinitz mit der Veränderung „U/FU *s × *š > *s > *ʒ" gerechnet hat. Der Zusammenfall der beiden Sibilanten und sein Wandel ist zwar ein völlig natürliches Ereignis, aber die Bewahrung des *ʒ der ugrischen Grundsprache im Dialekt von Likrisovskoe ist nur Anschein, die historische Wirklichkeit ist grundsätzlich anders [Honti 1981: 101].

Im Laufe meiner wissenschaftsgeschichtlichen Nachforschung stellte sich heraus, dass vielleicht István Papp *h* in die Wandelreihe „früh Ug *s > spät Ug *ʒ > frühurug. *ʒ > späturng. *h > ung. *θ*" eingetragen hat: „Es ist anzunehmen, dass im Ungarischen das *s* (oder das aus ihm entstandene *ʒ*) verschwand (eventuell über die Stufe *h*), d. h. der Lautwandelprozess *s* > (*ʒ*) *h* > *θ* sein konnte" [Papp 1968: 88, teilweise fehlerhaft angegeben:

⁵ *ʌ*.

Papp 2014: 75], also handelt es sich darum: „FU *š > Ug *ʒ > urung. (*ʒ >) *h > ung. ʔ“ (vgl. [Papp 1968: 89, Papp 2014: 76]).

Ein allbekanntes Faktum in der Uralistik ist, dass das uralische Phonem *ʒ in den uralischen Sprachen folgende Fortsetzungen hat:

urostjakisch *ʌ > heutiges ostjakisch: V O l, Vj j, ʔ-, Sur Kaz ʌ, Irt Ni KO t,

urwogulisch *t > heutiges wogulisch: t,

urungarisch *ʒ > *h > heutiges ungarisch: ʔ.

Als urostjakische Fortsetzung von uralisch *ʒ hat Paasonen [Paasonen 1918: 117] — richtig — *ʌ angenommen (er aber bezeichnete es noch als t).

Dies sind die häufigsten Entsprechungen, aber in allen drei Sprachen gibt es auch einige andere Fortsetzungen. Diese behandle ich jetzt.

3.1. Meines Wissens wurde als erster Anderson auf das Verb ung. *aszik* im Zusammenhang mit seiner ostjakischen Entsprechung aufmerksam, dass sich im Ostjakischen *s-* finden lässt, während in den beiden anderen uralischen Sprachen aufgrund mehrerer anderer Wörter ein anderer Konsonant stehen müsste: „Da die anlautverhältnisse hier genau dieselben sind wie bei [ung.; L. H.] *arasz*, [wog.; L. H.] *tāras*, [ostj.; L. H.] *sōres* spanne, vgl. n° 11,⁶ so könnten diese wörter als ein neues beispiel für die von uns vorausgesetzte metamorphose der dentalen spirans gelten, wenn nicht ein anderer umstand dagegen spräche. Im lappischen nämlich gibt es ein wort, das nach form und bedeutung ebenso gut zum magyarischen passt wie die ostj.-vogul., das aber mit einem vocal beginnt, vgl. ... Lapp. N. *āstat* vertrocknen...“⁷ [Anderson 1893: 161a].

Steinitz hat die Ursache für das unerwartete Erscheinen des anlautenden ostjakischen *s* gefunden: „In Fällen wie (fiugr. **sōks-*, **sōys-*) ostj. V. *sōyas* usw., wog. S *tōks* usw., ung. *ősz*, wotj. *sizil*, *šizil*, tšer. KB *šəžə*, U M *šizə*, md. E *sokš*, *šokš*, *šoks*, M *šokš*, *šoks*, fi. *syksy*, lp. N. *čāk'čā* liegt in mehreren Sprachen (ostj., tšer., lp., wotj. *š-*, md. *š-*) Assimilation des anlautenden *s-* an das inlautende **š-* vor (beachte die Parallelformen im Wotj. und Md.)“ (Steinitz 1952: 28, Steinitz 1964: 130). Also hat schon Steinitz den Grund der ostjakischen Erscheinung entdeckt, Collinder — vielleicht unabhängig von Steinitz — bemerkte im Zusammenhang mit der Entsprechung von ung. *asz-ik* 'trocknen' ~ wog. *tāš-* id. ~ ostj. *sos-* id.: „os *s-* by assimilation“ [Collinder 1960: 96],⁸ demnach haben Vértes [Vértes 1970: 319] und Honti [1983: 115—117] dies nur erneut entdeckt...⁹ Im Mordwinischen und Wotjakischen handelt es sich jedoch nur um gelegentliche Assimilation zwischen Sibilanten, nicht um die konsequente Metamorphose eines Konsonanten unter phonetischen Bedingungen wie im Ostjakischen!

Im Ostjakischen findet sich in Wörtern, die Ug *ʒ- vertreten, in Anlautstellung statt des üblichen ʌ usw. bei mehreren Gelegenheiten *s-* (s. die Beispiele weiter unten; vgl. noch [Collinder 1960: 96]). Die dieses belegenden Angaben bemühte ich mich schon vor Jahrzehnten zusammenzustellen [Honti 1972: 22] und ergänze die damalige Liste jetzt nur mit weiteren:

ostj. V *sāwās*, Trj *sāpās*, Irt *supās*, Kaz *sopās*, O *sopās* 'Netznadel' (DEWOS 1358) ~ wog. K *tōs* 'fatú hálókötéshez; Holznadel zum Netzstricken' (M-WWb 663a), TJ *tās*, KU *tō's*, P *tās* (~ *tōst* z. B.) 'Netznadel' (K-WWb 946ab)¹⁰ < OUg *šōpās [Honti 1982: 138, Honti 1999: 131] < < FU *sapšs 'Netznadel; Spule, Weberspule' [UEW 1: 432],

ostj. V *sort*, DN *surt*, O *sorās* ~ wog. KU *tōrās*, So *tōras* < OUg *šōrās [Honti 1982: 140, Honti 1999: 131] ~ ung. *arasz* < < FU *sorš ~ *sorš-šš 'Spanne'¹¹ [UEW 1: 448],

ostj. V *sos-*, DN *sās-*, Kaz. *sōs-*, O *sās-*, aber: wog. TJ *tāš-*, KU P *tōš-*, Szo *tōs-* < OUg **šōs-* ~ **šōsā-* [Honti 1982: 140, Honti 1999: 131] ~ ung. *asz-ik* < < Ug **šasš-* 'dorren, trocknen' [UEW 2: 844],

⁶ S. [Anderson 1893: 12ab].

⁷ Dieses lappische Wort hierzu zu rechnen, ist selbstverständlich falsch!

⁸ Collinder erwähnt dies nicht an der glücklichsten Stelle, im Zusammenhang des Inaut-*š, unter *š der ostjakischen Entsprechung von ung. *asz-ik*, die Regel nicht erörternd und fast versteckt, nur in Klammern, in den übrigen hierzu gehörenden Fällen (i. a. W. 60, 96—97) weist er auch nicht auf diese Erklärung hin.

⁹ Vgl. noch „... im Sonderleben des Ostjakischen *ʒ > s*, wenn in der folgenden Silbe *s* (< finnougriech *š) stand (Hartmut Katz ist darüber der gleichen Meinung; mündliche Mitteilung)“ [Honti 1972: 24].

¹⁰ Die aus dem UEW zitierten wogulischen Angaben ergänze und/oder ersetze ich hier durch Angaben aus Kannistos zuverlässigem Wörterbuch (K-WWb).

¹¹ Vgl. aber: „Auf Grund der Ableitung auf *šš im Tscher., Ostj. (Obdorsk), Wog. und Ung. kann vorausgesetzt werden, daß das Grundwort *sorš-šš früher auch in anderen Dialekten der ostj. Sprache vorhanden war, später aber durch V *sort* usw., das das Ableitungssuffix *t* enthält, verdrängt wurde“ [UEW 1: 448]; die auf das Fehlen des ostjakischen Wortes mit *t*-Anlaut gegebene Erklärung ist jedoch völlig falsch aufgrund der logischen Erklärung von Steinitz! Das Auslaut-*t* einzelner ostjakischer Wörter ist wohl dissimilatorischen Änderung zu verdanken: urostj. *sorās > V *sort*, DN *surt* ~ O *sorās* (denselben Wandel zeigt wog. *sāt 'sieben; Woche!').

ostj. V *söyäs*, Trj *sāyās*, Irt Kaz O *sewās* 'Hinterteil, Hintersteven des Bootes' (DEWOS 1324) ~ wog. TJ *tās*: *kāpt*. 'Hintersteven des Bootes', TJ *tās*, TČ *t'ās* 'Heck, hinterer Bootssteven' (K-WWb 946b) < OUG *ḡōyās [Honti 1982: 136, Honti 1999: 131],

ostj. V *söyäs*, DN *sēwās*, Kaz *sūs*, O *sus* ~ wog. TJ *tüks*, KU *tāyś*, P *tāks*, So *taks* ~ ung. *ősz* < OUG *ḡūyās [Honti 1982: 140, Honti 1999: 131] << FU *sikše (*sükše) 'Herbst' [UEW 1: 443].

3.2. Auch in zwei wogulischen Wörtern erscheint *s-*, obwohl *t-* zu erwarten wäre. Im Sonderleben des Wogulischen veränderte sich in Anlautstellung *ḡ > *s*, wenn die Vokale des Wortes palatal waren und an der Grenze der ersten Silbe *j* oder ein palatalisierter Konsonant stand [Honti 1972: 24]. In den wogulischen Entsprechungen von ung. dial. *ev*, *év* 'Eiter' findet sich Anlaut-*s-*: TJ *sāj*, KU *sāj*, P *sej*, So *saj* 'Eiter', dagegen in den ostjakischen Entsprechungen *t-*, *l-* usw.: V *lōj*, Vj *jōj*, *ōj*, DN *těj* 'Eiter', O *lij-* 'eitern'. Nach MSzFE [MSzFE 1: 165] ist die Behauptung von *s* mit der palatalisierenden Wirkung von *j* zu erklären. Wenn das wahr wäre, müsste wohl auch in den wogulischen Entsprechungen von ung. *ujj* 'Ärmel' *s-* stehen, jedoch findet sich *t-*: TJ *tejət*, VNK *tēt* (Plur. *tajtət*), SV *tēt*, P *tajt*, So *tājət* < U *soja 'Arm → Ärmel' [UEW 1: 445]. Die wogulischen Entsprechungen von ung. *hét* 'sieben' haben ebenfalls Anlaut-*s-*: TJ *sāt*, KU *sāt*, P *sōt*, So *sāt*, wogegen im Ostjakischen *t-*, *l-* usw. steht: V *lāwət*, Vj *jāwət*, DN *tāpət*, O *lāpət* < Ug *ḡāptə 'sieben' (UEW 3: 844). Nach MSzFE (2: 284): „Im Urwogulischen palatalisierte sich das ursprüngliche **s-* auf Wirkung des darauffolgenden palatalen Vokals, depalatalisierte sich dann zusammen mit den Fortsetzungen von fgr. **ś-*: **s-* > **ś-* > **s-*“. Wenn das wahr wäre, könnte man annehmen, dass sich auch in den wogulischen Entsprechungen von ung. *ősz* 'Herbst' *s-* findet, diese aber beginnen mit *t*: TJ *tüks*, KU *tāyś*, P *tāks*, So *taks* (über diese Frage s. Honti 1972: 23). Die Erklärung für die überraschende Vertretung des Anlaut-*s* dieser beiden Wörter:

Beim Wort 'Eiter' kann die Vermeidung der Homonymie mit dem Wort 'Schöpflöffel' den vereinzelt Wandel *ḡ > *s verursacht haben, vgl. OUG *ḡāj/*ḡēj*/*ḡōj* > urwog. *sāj > wog. T *sāj*, KU *sāj*, P *sāj*, So *saj* 'Eiter' (K-WWb 714a) — OUG *ḡēj/*ḡāj* > urwog. *tāj > KM *tāj*, P *tāj*, So *taj* 'Schöpflöffel' (K-WWb 876b); vgl. [Honti 1982: 134, Honti 1986: 262, Honti 1999: 131—132].

Vom wog. TJ TČ *sāt* usw. 'sieben; Woche' wäre im Urwogulischen statt *sāt *tāt die zu erwartende, reguläre Lautform gewesen. Dass dennoch nicht die Fortsetzungen eines solchen in den heutigen wogulischen Dialekten zu sehen sind, kann ich nur mit — individueller — Dissimilierungsbestrebung erklären: *ḡāt [> *tāt] > *sāt (vgl. Anm. 11).

3.3. Das Zustandekommen der Entwicklung von „U/FU *š × *s > Ug *s > *ḡ > ung. *sz*“ hat Steinitz teilweise falsch beurteilt, seiner Meinung nach: „*š und *s > urugr. *ḡ > ung. 1. $\emptyset$ im Anlaut und nach Konsonanten; 2. *s* intervokalisch“ [Steinitz 1952: 30, Steinitz 1980: 132]. Die 2. Entwicklung wäre für mein Thema interessant, aber Steinitz sagt nicht mehr über sie, die betreffende Anmerkung enthält nichts darüber, obwohl man sehr gern auch ein Beispiel sehen würde, doch offensichtlich dachte er an *fészék* 'Nest', die von ihm mitgeteilte phonetische Umgebung hat jedoch nichts mit dem eingetretenen Lautwandel zu tun.

Rédei hat unter anderem seinen auch im MSzFE veröffentlichten Standpunkt in einer lautgeschichtlichen Studie formuliert: „Il faut se garder de poser une évolution proto-ougrienne **-s-* > hongrois *-sz-* sur la foi du mot *fészék* 'nid'. Nous sommes, en effet, en présence d'un changement **-s-* > **-ś-* > hongr. *-sz-* survenu sous l'effet de l'entourage vocalique palatal, dans un dialecte du proto-ougrien“ [Rédei 1972: 233, Anm.].

Von Rédeis Erklärung zu *fészék* stellte sich inzwischen heraus, dass sie grundlos ist und phonetisch anders, aber völlig authentisch erklärt werden kann: „Zur Zeit der Auflösung der uralischen Grundsprache lautete 'Nest, Vogelnest' infolge des Wandels *s > *ḡ etwa *peḡz, das sich im Urungarischen durch anlautendes *p > *f* zu *feḡz entwickelte. Und bei dieser Entwicklungsphase sind wir zu dem Schlüssel des Rätsels des Sibilanten in ung. *fészék* gelangt:

$$\mathfrak{g} \rightarrow s/fV \_\_\_$$

welcher Lautwandel eigentlich als eine Art partielle Assimilation der stridency nach aufzufassen ist (*ḡ* ist [–strident], *s* und *f* sind dagegen [+strident]) und so ist eine ungarische Form *fesz zustande gekommen, deren *s* wegen eines stellungbedingten Wandels als vollkommen regelmäßig anzusehen ist und aus der die gegenwärtige Form *fészék* durch Anknüpfung des Ableitungssuffixes *k* (< *kkz)¹² an den Stamm und durch die Dehnung des Vokals in erster Silbe erzeugt ist“ [Honti 1983: 115; vgl. noch UEW 1: 375]. Zu diesem Lautwandel war zum Zeitpunkt des Erscheinens meiner Studie nur diese eine ungarische Angabe bekannt, aber drei analoge motorisch-tajgi-karagassische Etymologien bestätigen die Regularität dieses anscheinend ausnahmsweisen Lautwandels, Etymologien, die allerdings nicht genau solch ein Ergebnis aufweisen [Хелимский 1987]. Mit dem im Wort *fészék* als aus der phonetischen Umgebung stammende teilweise Assimilation eingetretenen Wandel FU **-s-* > Ug **-ḡ-* > ung. *-sz-* ist auch noch in den Wörtern *ezüst* und *vész*¹³ zu rechnen. Über die Vertretungen der grundsprachlichen Sibilanten s. [Honti 2017: 40—41].

¹² Da es sich um ein Ereignis in uralischer Zeit handelt, muss es richtig so sein: *kz.

¹³ *ezüst* 'Silber', *vész* 'Not'.

Das *z* von *ezüst* 'Silber' entstand durch eine ähnliche Reihe von Wandeln: „ich gehe das Risiko ein, dass es in der finnougri-schen Grundsprache auch eine Zusammensetzung mit der Lautform **äsš-wašks* und der Bedeutung 'irgendein hellfarbenedes Metall' gegeben hat. Dieses Rekonstrukt kann der einwandfreie Vorgänger der permischen Wörter (syry. *ez-iš* ~ wotj. *az-veš*, syry. *oz-iš* ~ wotj. *uz-veš*)¹⁴ sein, aber das wogulische Wort (*öä* 'tβəs, a' tβš, ätβäs) würde auch die Form FU **ätš-wašks* erlauben, dagegen das ungarische (*ezüst*) nur dieses letztere, mit Berücksichtigung der allgemeinen lautgeschichtlichen Tendenzen. Dennoch halte ich die Form **äsš-wašks* für sehr wahrscheinlich, vor allem wegen der permischen Angaben. Im Falle dieses Rekonstrukt-es ist das *z* des ungarischen Wortes ähnlich dem *sz* von *fészék* zu interpretieren: In der ugrischen Grundsprache muss der Wandel FU **äsš-wašks* > Ug **äḡš-wašks* eingetreten sein, dann hat im Urungarischen das *š* des zweiten Gliedes der Zusammensetzung hinsichtlich der Bildungsstelle das **ḡ* sich teilweise assimiliert: Ug **äḡš-wašks* > urung. **äsš-wašš*, und daraus kann sich mit vereinzelter Stimmhaftmachung **-s-* > **-z-* die heutige Form des Wortes gebildet haben. Die einzelnen Elemente dieses grundsprachlichen Wortes sind in den Nachfolgersprachen (im Permischen, Wogulischen und Ungarischen) verblasst und haben deshalb möglicherweise auch unerwartete Lautwandel erlitten (s. [Honti 2017: 94]).

Der Artikel Napolskichs über die Wörter 'Silber' und 'Zinn' der permischen Sprachen [Napolskich 2010] ist bedauerlicherweise meiner Aufmerksamkeit entgangen, als ich an meinem 2017 erschienenen Buch gearbeitet habe. Darin lässt er die Möglichkeit aufblitzen, dass das Vorderglied der permischen und ungarischen Angaben auf die Grundform (?FU) **ōš* zurückführbar sei [Napolskich 2010: 456—457], ein Wort, dessen Bedeutung 'weiß' gewesen sein kann. FU **ō* ist natürlich Nonsens sowohl aus der Sicht des Permischen wie des Ungarischen, und **š* braucht Napolskich wegen des ungarischen *sz*, denn U/FU **š* depalatalisierte sich zu **s* (= ung. *sz*). Die Basis der Idee ist aus semantischer Sicht rational, aber ansonsten können die etymologischen Erörterungen dieses Autors beinahe in jeder Hinsicht vergessen werden (nicht zum ersten Mal, vgl. z. B. [Widmer 2002]). Das wogulische Wort kann schwerlich von den permischen und dem ungarischen getrennt werden, unzweifelbar ist mit einem Erstsilben-Palatalvokal zu rechnen, der Konsonant war gewiss **s*, aus ihm lässt sich sowohl das permische *z* wie das wogulische *t* erklären; und zum ungarischen *z* s. das im vorigen Absatz Vorgetragene. So kann als Grundform nur FU **äsš* oder **esš* 'weiß, grau' in Frage kommen (vgl. [Szinnyei 1897]; bezüglich des Erstsilbenvokals vgl. [Itkonen 1954: 270, 277, 278, 305, 306; Лыткин 1964: 159]).¹⁵ Sowohl im Falle von U/FU **ä* als auch von **e* gibt es ungarische Vertretungen mit *ő*, allerdings weit weniger als die Fortsetzungen von *e* (s. [Csúcs et al. 1991: 16, 21]). Ich halte es für sehr wahrscheinlich, dass bei der Entstehung des Vokals von ung. *ősz* 'weiß, grau' das Nomen ung. *ősz* 'Herbst' eine Rolle gespielt haben kann, da beide Wörter sind, die implizite auf die vergehende Zeit hinweisen. So erweitert sich der rekonstruierte Wortbestand der finnougri-schen Grundsprache um ein wahrscheinliches Glied, dessen Fortsetzung ung. *ősz* 'weiß, grau' die ungarischen etymologischen Wörterbücher [TESz 3: 42ab; EWUng 2: 1089a] als Wort unbekannter Herkunft verbucht haben.

3.4. Im Vorgänger von ung. *fészék* geschahen die Lautwandel „Ug **peḡš* > frühurung. **peḡš* > späturung. **feḡš* > ung. *fészë-k*“ [Honti 1983: 113—117, Honti 2013b: 24]. Einzelne Kollegen beanstandeten teilweise die (von Steinitz aufgestellte) Hypothese von **ḡ* in der ugrischen Grundsprache, teilweise waren sie damit nicht einverstanden, dass der Lautwandel Ug **ḡ* > urung. **h* (> ung. *h*) möglich wäre (s. weiter unten).

Irgendwann hat Béla Kálmán auch starke Zweifel am ugrischzeitlichen **ḡ* formuliert, meiner Meinung nach im Gegensatz zu ihm war das *ḡ* keineswegs „nicht zum System passend“, ein „vom System abstechender“ Laut, der „bereits die Keime des Verfalls in sich trug“ [Kálmán 1965: 390, 391] und zwar deshalb nicht, weil es im Konsonantensystem **t* (< finnougri-sch **t*) und **s* (< finnougri-sch **š*) gab, bzw. neben **k* ~ **γ*, **p* ~ **w* das **t* ~ **ḡ* sehr gut passte (s. [Honti 1972: 24]). Aber auch nach Rédei [Rédei 1972: 233—234] ist „POu/PFOu **s*, **š* > proto-ougri-en **ḡ* (> hongrois *h*)...“.

Edit Vértes äußerte sich zur von mir vorgetragenen Erklärung. Mit einem längeren Zitat muss ich zwei ihrer Behauptungen kommentieren. In einem Artikel geht Edit Vértes auch auf die phonetische Erklärung von ung. *fészék* ein: „Vom **-s-* in der Rekonstruktion des in allen uralischen Sprachen belegten *fészék* können weder ungarisch *-sz-* noch wogulisch *-t'* abgeleitet werden. Von den vier modernen etymologischen Wörterbüchern geht nur das UEW auf das ungarische Problem ein; seine Begründung, dass *sz* statt zu erwartendem *h* der teilweisen assimilierenden Wirkung von *f* zuzueignen ist, kann nicht überzeugen, denn aus FU *s* musste in ugrischer Zeit *ḡ* entstehen, und warum sollte daraus im Urungarischen nach dem Ablaufen der Entwicklung *p* > *f* — von der wir nicht wissen, ob sie der Umwandlung *ḡ* > *h* vorausging oder folgte — sich *sz* assimiliert haben? Die Behauptung kann nicht mit einer Analogie gestützt werden. Statt des zu erwartenden wogulischen *t* gibt es nirgendwo eine Erklärung für den entsprechenden palatalisierten Laut. Das kann kaum dem *i* der ersten Silbe zugesprochen

¹⁴ 'Zinn' bzw. 'Silber'.

¹⁵ Auf die hier behandelten permischen Wörter bin ich in den Arbeiten über permische Lautgeschichte weder bei Itkonen [Itkonen 1954] noch bei Lytkin [Лыткин 1964] gestoßen.

werden, da im Wogulischen die Lautverbindung *-it-* keine Seltenheit ist... vgl. noch *kit* 'zwei', *pit* 'schwarz', *tit* 'Baumstamm, torkolat/Mündung'..., aber s. *t'* in der wogulischen Entsprechung von *víz* 'Wasser'" [Vértes 1994: 454]. Darauf muss ich in drei Punkten reagieren: (1) Die von mir gegebene Erklärung des *sz* von *fészék* rechnet mit dem Wandel $*s > *g$, und für den Wandel $*g > *s$ (= *sz*) gab ich einen plausiblen phonetischen Grund an, nämlich den sog. rau (strident) gebildeten Konsonant φ -/*f*-, gegenüber dem nicht rau gebildeten *-g*-, das, sich auf Wirkung des Anlautkonsonanten teilweise assimilierend, zum Sibilanten des ebenfalls rau gebildeten *-s*- (= *sz*) wurde. Auch wenn die uralische Lautgeschichte nur mangelhaft ausgearbeitet ist, wissen wir doch mit voller Sicherheit, dass der Wandel $*s \times *š > *s > *g$ und der mit ihm fast synchrone Wandel $*s > *š$ uralischzeitliche lautgeschichtliche Erscheinungen waren, dagegen $*\delta' > *h > \emptyset$ und $*p- > *\varphi- > f$ - urungarischzeitliche. Das Wesentliche ist, dass $*\varphi$ -/*f*- und $*g$ gleichzeitig am Beginn des Urungarischen existierten, also die Voraussetzung der teilweisen Assimilation vorhanden war, und bekanntlicherweise kommt es, wenn die Voraussetzung eines Wandels besteht, zum Wandel oder nicht...¹⁶ (2) Das wogulische So *pit* 'schwarz' hat enge dialektale Verbreitung, ist offenbar ein Folklorewort spätostjakischer Herkunft (DEWOS 1136; M-WWb 444a; K-WWb 663a). (3) Auch das *t'* der wogulischen Entsprechung von *víz* erklären MSzFE [MSzFE 3: 696], TESz [TESz 3: 1166—1167], UEW [UEW 1: 570] und EWUng [EWUng 2: 1648] nicht, weil es eine triviale Sache ist. Den Wandel $t > t'$ neben *i* belegt die auch von Vértes genannte Tawda-Form des Zahlwortes '2', von der sie den Anzeichen nach nichts wusste: KU P So *kit* 'zwei' ~ TJ *kit'* 'id.', KU P *kitəy*, So *kitiy* ~ TJ *kit'əw* 'beide' (z. B. [MSzFE 2: 360]); solche (Ver)Änderung anzeigenden Entsprechungen sind im Wogulischen nicht selten, es genügt schon ein Blick in die wogulischen Wörterbücher, damit der/die Zweifelnde sich überzeugen kann. Zudem ist die von Helimskij [Хелимский 1987] zitierte Analogie sehr wohl eine Analogie, wenn auch nicht aus dem Ungarischen (s. weiter unten)... Natürlich wäre es ungeachtet dessen um der Vollständigkeit willen tatsächlich sinnvoll gewesen, von diesem vereinzelt Lautwandel zu reden, zumindest im MSzFE und UEW, schließlich kann nicht von jedem (auch) die Kenntnis der wogulischen Sprache erwartet werden.

Übrigens hat den Wandel uralisch $*gVsz > ostjakisch *sVsš$ schon Vértes festgestellt: „Wenn wir statt der finnougri-schen bzw. uralischen Dreiheit $*š, *s, *š$ die uralische und finnougri-sche Zweiheit $*g, *s$ ($*s$) akzeptieren, dann bleiben unsere bisher Sibilanten enthaltenden etymologischen Zusammenstellungen unverändert richtig, nur die rekonstruierten Formen müssen wir revidieren. Ausführlicher: Die für die finnisch-permischen, finnisch-wolgaischen Grundsprachen oder die späteren als diese geschaffenen Rekonstruktionen (permisch, wolgaisch, ostseefinnisch, urlappisch usw.) bleiben vollständig unverändert; anstatt $*s$ und $*š$ kommt in die uralische, die finnougri-sche und die uralische Rekonstruktion $*g$, und eventuell an die Stelle von fgr., uralisch $*š$ kommt $*s$. Außer der Unverändertheit der etymologischen Zusammenstellungen können sich die stellenweise erforderlichen Erklärungen modifizieren: z. B. *aszik*, das nicht aus der uralischen Grundform $*sšsš$ - ableitbar ist (wo *š* auf keinen Fall als uralischzeitlich rekonstruiert werden kann, sondern nur als finnougri-sch), sondern aus uralisch $*gšsš$ -; und ostjakisches Anlaut-*s*- ist statt den lautregelmäßig zu erwartenden *l*-, *l*-, *t*-, *š*- darauf zurückzuführen, dass sich auf assimilierende Wirkung des Inlaut- $*-s$ - aus $*g$, abweichend vom Üblichen, das sibilante Element im Urostjakischen bewahrt hat und so die weitere Entwicklung mit der der Fortsetzungen des $*s$ zusammenfiel. Ähnlicherweise kann somit der Vorgänger von *šsz* und seinen finnougri-schen Entsprechungen nicht $*šikeše$ (CompGrUr. 414)¹⁷ gewesen sein, sondern vielleicht $*gšksš$ oder noch eher $*gšksš$, wo das ostjakische Anlaut-*s*- wie beim vorangehenden zu erklären ist, die eventuell mögliche Erklärung von mordwinisch *s* ~ *š* s. oben auf S. 316—8" [Vértes 1970: 319]. Das stimmt genau mit dem auch von mir vorgeschlagenen Wandel $*g- > s$ - des im Urostjakischen vor dem an der Grenze von erster und zweiter Silbe stehenden *s* überein [Honti 1983: 115—117], der wesentliche Unterschied zwischen unseren beiden Auffassungen liegt darin, dass Vértes, wie aus dem Zitat eindeutig hervorgeht, statt $*s, *š$ und $*š$ der uralisch-finnougri-schen Grundsprachen „uralische und finnougri-sche $*g, *s$ ($*s$) Doppelheit" voraussetzte, wo $*g$ statt $*s$ und $*š$ stehen würde, während die Stelle des traditionellen $*š$ bei ihr $*s$ einnehmen würde, aber woher das in Klammern stehende „ $*š$ “ kommt, wird nicht klar. Ebensowenig gab sie eine rationale Erklärung (auf den von ihr angegebenen Seiten 316—318 ihrer Studie), wie die erheblich vielen Lexeme uralischer und finnougri-scher Zeit interpretiert werden sollen, in denen die Fachleute von Anfang an mit $*š$ rechnen. Dazu gehören z. B. U $*pašz$ ($*paškz$) 'Loch, Öffnung, Spalt, Riß' [UEW 1: 357], FU $*kešz$ - 'reißen' [UEW 1: 151] und das gerade von ihr auch erwähnte FU $*sikše$ ($*šikše$) 'Herbst' [UEW 1: 443] (s. [Honti 2017: 172—173]).

Katz [Katz 1973: 283] verneinte, dass der angenommene Lautwandel habe eintreten können, weil seiner Ansicht nach: „ein $*g > *h$ ($> \emptyset$ im Ungarischen) unwahrscheinlich ist" (s. [Honti 1979a: 203]; ebenso [Honti 1979b: 7]).

¹⁶ Dessen prächtiges Beispiel ist, dass während die Sequenz $gV(C(V))s$ im Ostjakischen zur Lautreihe $sV(C(V))s$ wurde, im Ungarischen $\emptyset V(C(V))s$ steht, z. B. Ug $*gšsšz$ - 'trocknen' $>$ ostj. V *sāsa*- ~ *sos*- ~ ung. *asz-ik*, Ug $*gšššš$ 'Herbst' $>$ ostj. V *šššš* ~ ung. *šsz*.

¹⁷ [Collinder 1960: 414].

Den in der ugrischen Grundsprache vor sich gegangenen Wandel der U/FU grundsprachlichen Sibilanten (*s, *š, *ś) hat Róna-Tas auf ganz radikale Weise zurückgewiesen: „PUgr /s/ disappeared through EAH /h/ to /θ/¹⁸: PUgr *säppä > EAH *häpə > H epe 'bile', but PUgr /s/ changed to /s/ in EAH after the change of PUgr /s/ to /h/” [RTA 2011b: 1095]. „In word-initial position PFUgr /s/ was preserved in PUgr, becoming voiceless interdental /θ/ in POUgr, and disappearing in H in 29 cases (21 PFUgr + 8 PUgr). For general phonological reasons I have to suppose that PUgr had /s/ and not /θ/. /s/ changes frequently to /h/, while this is not the case with /θ/.

PFUgr /s/ > PUgr /s/ ↗ POUgr /θ/ > PVog /t/, POsty /ʌ/
 ↘ EAH /h/ > H /θ/...

PFUgr *särə > PUgr *särə (> POUgr *θērə > PVog *tār, POsty *ʌer) > EAH *härə > H ér 'vein, artery’” [RTA 2011b: 1027, s. noch 1015; s. noch Honti 2017: 169].

Róna-Tas erklärte die Lautform von *fészék* folgendermaßen: „PUgr had /s/ in intervocalic position, which was preserved only under special conditions: PFUgr > PUgr *pesə > EAH *φesə > H *fészék* 'nest' under the influence of the spirant /φ/” [RTA 2011b: 1095], hier allerdings sieht die faktische Reihe des Wandels so aus, wie ich auch früher schon vorgetragen hatte: U *pesä > Ug *peθš > ung. *φeθš > *φesš > *fesš > *fészé-k* (vgl. [Honti 1983: 113—117, 2013b: 23—24, 2017: 169]).

Die Erklärung von Róna-Tas kann ich sogar mit drei Argumenten zurückweisen: (1) Die zwei ersten Abschnitte der Modifizierung der Sibilanten der uralischen Grundsprache (*s × *š > *s > *θ und *ś > *s) scheinen mit vollster Sicherheit ein einheitlicher ugrischzeitlicher Wandel zu sein, den wir im Gegensatz zur Meinung von Helimskij [Хелимский 1982: 119, 123—125] und Salminen [Salminen 2002: 49] nicht als mit dem ähnlichen ursamojedischen Wandel eine in Raum und Zeit gemeinsame, zusammenhängende lautgeschichtliche Entwicklung interpretieren können (vgl. [Honti 2014: 220—221]). (2) Neben dem Wandel U/FU *s > Ug *θ > OUg *θ (> wog. *t ~ ostj. *ʌ) ~ frühurug. *θ > späturng. *h (> ung. θ) hatte nach Róna-Tas die Sequenz urug. *pVs als Ausnahme den Sibilanten beibehalten, wenn als spezielle Voraussetzung diese Lautsequenz verständlich war, aber für diesen [von Róna-Tas vorgestellten Wandel] gibt es keine phonetische Motivation. (3) Auch *ezüst* belegt zweifellos meine Erklärung (s. [Honti 2017: 169]); über *ezüst* s. noch weiter oben (3.3.) und unten in diesem Punkt.

Tatsächlich ist „s > h” ein häufiger Wandel, und „θ > h” ist es nicht. Auch Serebrennikov [Serebrennikov 1974: 93], der die häufigsten Wandel, „Frequentalien” vieler Sprachen registrierte, konnte nur einen Fall nennen, eben das hypothetische „Ug *θ > urug. h > ung. θ”. Wir müssen akzeptieren, dass es sich um einen sehr seltenen Wandel handelt, aber im Südlappischen, in einzelnen finnischen Dialekten, im Persischen und sonstigen südwestiranischen Sprachen ist er gewiss eingetreten (s. weiter unten).

Auch das Lappische belegt die Möglichkeit des Wandels „θ > h”, denn dort findet sich in den alten skandinavischen Lehnwörtern statt *p*¹⁹ *h*. „... the initial *d*- or *t*- versus *h*- in words such as Kola *tam'bâ*, Skolt Lapp — Arjeplog *dab'bâ*, etc. Arvidsjaur *hab'bâ*... 'the marrow-bone above the reindeer's knee (radius and ulna)'... (Finnish *tymä*).²⁰ In Southern Lapp it has probably passed to *h*- through a voiceless dental spirant, cf. *huwrə* 'thunder'... < ON *pór(r)*, whereas in the northern and eastern dialects, as also in Finnish, the spirant has coincided with the original dental stop” [Bergsland 1967: 43; vgl. noch Collinder 1960: 61—62]. „In the 14th century *p* became Norwegian *t*-, and no doubt Southern Lapp *h*-...” [Bergsland 1962: 39].

Der Wandel finnisch dialektal „θ ~ θ > östlich *ht* ~ *t* (θθ ~ θ > westlich *tt* ~ *t*)” [Rapola 1966: 190 ff.] zeigt, dass der Wandel „θ > h” im Finnischen, wenn auch nur beschränkt, dennoch belegt ist! Im Wesentlichen wird dies dadurch bestärkt, dass im frühen Urfinnischen der Schlusslaut der schwachstufigen Variante der Lautverbindung *tr im westlichen Dialektgebiet die Vertretung *h* hat, im Osten dagegen *tr* erhalten bleibt; also *tr > *δr/*δr > westlich *hr* ~ östlich *tr* [Rapola 1965: 138, Rapola 1966: 216—218], z. B. *kehrä* ~ *keträ* 'Spindel, Scheibe' [SKES 1: 176b; SSA 1: 336b], *ohra* ~ *otra* 'Gerste' [SKES 2: 420a; SSA 2: 259b; s. Honti 2017: 174].

In den iranischen Sprachen ist ebenfalls bei mehreren Gelegenheiten der Wandel „θ > h” belegt (s. [Оранский 1979: 99—101]).

¹⁸ θ.

¹⁹ θ.

²⁰ SSA [SSA 3: 346ab] bezog in die Familie fi. *tymä* mit Fragezeichen ostj. V *ejəm* usw., wog. So *ēləm* usw., ung. *enyv* 'Leim' (so [UEW 2: 835]) mit ein. Diese Übereinstimmung ist unter den maßgeblichen Quellen zuletzt bei Bárczi [Bárczi 1941: 65a] zu sehen, FUV¹, FUV² und SKES [SKES 5: 1452ab] haben sie gar nicht erwähnt, und UEW lehnte sie wegen der abweichenden Anlaute ab, s. U *δimä (*δümä) 'Leim' [UEW 1: 66], Ug *äðə-mə (*äðmə) 'Leim' [UEW 2: 835]. Die Erklärung von SSA: „Das wogulische, das ostjakische und das ungarische Wort gehören zusammen und gehen auf die Form *äðmə oder *iðmə zurück; sie gehören in dem Fall hierzu, wenn im Anlaut eine Metathese geschah” [SSA 3: 346ab]; dies erscheint eine sehr reale Hypothese zu sein, diese Erklärung kann also akzeptiert werden.

Ähnlich war das Schicksal des ehemaligen * δ (d. h. des stimmhaften Pendants des ϑ) im Südestnischen, wo dieser Konsonant unter gewissen Bedingungen zu h und hh geworden ist [Nigol 1975].

Aus allem folgt, dass der Wandel „Ug. * ϑ > urung. * h > ung. $\emptyset$ “ nicht verworfen werden kann, ja sogar als sicher zu betrachten ist, also mit Ug * ϑ gerechnet werden muss, und dessen Fortsetzung offensichtlich über die Zwischenstufe * h im Ungarischen $\emptyset$ wurde. Zu diesem ugrischzeitlichen Lautwandel s. noch [Honti 1979b: 7, Honti 1999: 124—134, Honti 2017: 173].

Für ung. *ezüst* halte ich also als finnougri-schen Grundsprachenvorgänger die Form *äsš-wašks für sehr wahrscheinlich. In der ugrischen Grundsprache muss der Wandel FU *äsš-wašks > Ug *ä9š-wašks stattgefunden haben, später im Urungarischen hat s des zweiten Gliedes der Zusammensetzung in Bezug auf die Bildungsstelle sich δ teilweise assimiliert, also: Ug *ä9š-wašks > urung. *äsš-wašks, und daraus konnte sich die heutige Lautform unseres Wortes entwickelt haben (s. [Honti 2017: 169]).

Brühwarm habe ich entdeckt, dass es noch ein drittes Wort gibt, das den Wandel des vermutlich nicht rauen Reibelautes * ϑ in der Nähe eines rauen Reibelautes zum ebenfalls rauen Reibelaut belegt. Das wiederum ist die ungarische Wortfamilie *veszik*, *vész* 'umkommen, sich verlieren', *vész* 'Not, Unglück', *veszekszik* 'zanken', *veszély* 'Gefahr', als deren fraglichen Verwandten die Fachliteratur wotj. *vez-* 'sich entfernen, sich aus dem Staube machen' in Evidenz hält und welches ungarisch-wotjakische Wortpaar aus der Grundform FU **wäs3-* 'verschwinden, verlorengelangen' abzuleiten ist [UEW 1: 566]. Diese Übereinstimmung stammt von Bereczki, der nur festgestellt hat, dass „... es auch aus semantischer Sicht keine Schwierigkeit für die Zusammengehörigkeit des ungarischen und wotjakischen Verbs gibt“ [Bereczki 1964: 385]. Die phonetische Entsprechung schien jedoch im Licht der damaligen phonetischen Kenntnisse regelwidrig zu sein, worauf unser erstes modernes etymologisches Wörterbuch aufmerksam machte und zu erklären versuchte: „Die Übereinstimmung kann nur dann angenommen werden, wenn ungarisch *-sz-* — als Ergebnis der durch Wirkung des darauffolgenden Palatalvokals eingetretenen Palatalisierung — als letzte Station der Entwicklungsreihe fgr. **-s-* ugrisch (dialektal) oder frühurung. **-ś-* > urung. **-sz-* betrachtet werden kann. Eine ebensolche Entwicklungsreihe setzen wir in unserem Wort *fészék* voraus ...“ [MSzFE 3: 688]. Ähnlich hat auch das TESz [TESz 3: 1126b] diese Etymologie beurteilt. Das EWUng [EWUng: 1626a—1628b] hat dagegen die Übereinstimmung im Wesentlichen zurückgewiesen. Das UEW [UEW 1: 566] ist ähnlicher Meinung wie MSzFE, ja beruft sich bezüglich des Schicksals des ungarischen Sibilanten auf ung. *fészék* und verweist den Leser zu U *pesä 'Nest' [UEW 1: 375] auf recht inkonsequente Weise, denn dort steht bereits die von mir mitgeteilte Lösung. Diese drei ungarischen Wörter (*ezüst*, *fészék*, *vész*) belegen nicht nur eindeutig die von mir vorausgesetzte raue Lautung, sondern konnten auch * ϑ bezüglich der Stimmhaftigkeit zum den Lautwandel verursachenden rauen Konsonanten ausrichten, also einerseits: (*pVs >) **φV9*²¹ > *φVs > *fVs (*fészék*), andererseits: *wV9 > *wVs > *vVz (*ezüst*, *vezš > *veszš > *vész*). Im Falle von *vész* musste ursprünglich demnach *vezš der Vorgänger gewesen sein, aber offensichtlich kam zur Vermeidung der Homonymität mit dem Verb *vez-et* 'führen' (< FU **wetä-* 'führen, leiten, ziehen' [UEW 1: 569]) *veszš zustande (s. [Honti 2017: 169—170]).

Als ich die Erklärung des *sz* von *fészék* formulierte, musste ich mit Bedauern feststellen, dass für den Wandel „Ug * ϑ > ung. *sz*“ nur diese eine Angabe existiert. Auf diese (damalige) Tatsache wies auch Helimskij [Хелимский 1987: 58] hin, ebenso Kotliarov [Kotliarov 2009: 233] und Róna-Tas [RTA 2011b: 1027]. Da wir nun schon in drei ungarischen Wörtern damit rechnen müssen, fällt dieses statistische Argument weg.

Helimskij hat in seinem Kommentar zur von mir für *sz* von *fészék* gegebenen Erklärung *φV9 > *φVs [Honti 1983: 115—117] als Parallele mitgeteilt, dass in drei motorisch-taigisch-karagassischen Wörtern statt des zu erwartenden Wandels *pVs > *hVs der Wandel *pVs > *bVs geschehen sei [Хелимский 1987: 58—59]. Diese und andere Beispiele mit Inlautkonsonant [Хелимский 1987: 58] vergleichend, habe ich den Verdacht, dass in dieser südsamojedischen Gruppe auf dissimilierende Wirkung des stimmlosen *-s-* die Stimmhaftwerdung *p-* > *b-* in der Lautverbindung *pVs stattfand. Wegen des sehr spärlichen sprachlichen Materials gelang es mir nicht, zu kontrollieren, ob sich dasselbe auch bei den Sequenzen *kVs und *tVs verwirklicht hat (s. [Honti 2017: 171]).

Ähnlich kann auf den ersten Blick das Verhältnis von ung. *fal* 'Wand' ~ fi. *pato* 'Damm' (< FU *pad3 [UEW 1: 347]) erscheinen, da dessen Inlautkonsonant zu Zeiten der finnougri-schen Grundsprache der traditionellen Rekonstruktion nach * δ (der stimmhafte Pendant von * ϑ) war [Honti 1983: 118], in dessen Fortsetzung kann im Laufe seiner Geschichte jedoch nicht die Sequenz urung. *pad3 entstanden sein, da (1) dem Lautwandel UF/U **p-* > urung. **φ-* der angebliche Wandel „UF/FU * δ > Ug *l“ vorangegangen wäre, vgl. der traditionellen Auffassung gemäß: „FU *pad3 [UEW 1: 347] > Ug *pal3“; (2) bemühte ich mich zu beweisen, dass in der uralischen oder finnougri-schen Grundsprache kein * δ (und * δ') stehen konnte, sondern statt dessen * λ (und * λ'), und demnach der Vorgänger in finnougri-scher Zeit von ung. *fal* 'Wand' *pal3 war.

²¹ Zum Lautwandel **p-* > **φ-* > **f-* vgl. Honti 2013b: 4, Anm. 3.

3.5. Es gibt wogulische Wörter, in denen anlautendes U/FU *ś- die Fortsetzungen s- und š- hat.

Sammallahti meinte dazu: „... there was a tendency to alveolarize *s (from PFU *ś) to *š except in words with palatalized consonants (PFU *śilmä 'eye' > PUg *šimä > PV *šäm, cf. PU *śüdi 'charcoal' > PUg *šüdi > PV *šüli). This tendency has been independently noticed by Honti (forthcoming)²² [Sammallahti 1988: 511], vgl. noch FU „*śüksi > *θüksi > ősz” [Sammallahti 1988: 517, 518], was auch richtig ist, abgesehen von dem offensichtlichen Fehler, dass Sammallahti die FU Grundform an beiden letzteren Stellen in der Form *śüksi angab statt des richtigen *süksi.²³

Im UEW sammelte ich Material, um zu entscheiden, wann für den Konsonanten „U/FU *ś- > Ug *s-“ im Wogulischen s die Fortsetzung ist und wann š. Insgesamt fand ich neun Wortartikel, in denen grundsprachliches *ś- im Anlaut stand; sie zeigen, dass dessen Vertretung wog. s- ist, wenn im Inlaut *j oder ein palatalisierter Konsonant stand:

KU P *sōjam*, So *sōjam* 'Bach' (K-WWb 721a) (< wog. *sājəm ~ ostj. *sajəm [Honti 1982: 182, Honti 1999: 127]) < FU *śajmz 'Vertiefung' [UEW 1: 457],

TJ *sēlt*, KU *sāl't*, P *sēlt*, So *sāl't* 'Lindenbast' (K-WWb 748a) (~ ung. *száldok* 'Linde') < ?FU, Ug *śal'z 'Bast, Baumrinde' [UEW 1: 462],

KU P *siw(ə)s*, So *siyəs* 'Möwe' (K-WWb 710a) (< wog. *siyəs ~ ostj. *süyəs [Honti 1982: 183, Honti 1999: 127]) < FU *śäkce 'eine Art Raubvogel' [UEW 1: 469],

TJ *sül'ī* 'Kohle', KU *sül'āńś-* 'erhitzt werden', So *sūlit-* 'erhitzen' (K-WWb 746a) (< wog. *sül'ī ~ ostj. *sōj [Honti 1982: 181, Honti 1999: 127]; fi. *sysi*) < U *śiđz (*śüđz) 'Holzkohle' [UEW 1: 477],

TJ *sülk-*, KU *säl'γ-*, P *säll'-*, So *sal'γ-* 'spucken' (K-WWb 746b) (< wog. *sül'γ- ~ ostj. *sōjγ- [Honti 1982: 181, Honti 1999: 127]; fi. *sylke-*) < FU *śilke- (*śülke-) 'spucken' [UEW 1: 479],

TJ *sēl*, KU *sāl*, P *sēl*, So *sāl* 'Entenart' (K-WWb 743ab) (< wog. *sāl ~ ostj. *saj [Honti 1982: 181, Honti 1999: 127]; fi. *sotka*) < FU *śodka 'Entenart' [UEW 1: 482]; zum Konsonantismus im Inlaut vgl. FU *śuđa 'Reif, Rauhrost' [UEW 1: 488] unten,

TJ KU *soj*, P So *suj* 'Stimme' (K-WWb 716a) (< wog. *suj ~ ostj. *sōj [Honti 1982: 181, Honti 1999: 127]; ung. *zaj*, veralt. *szaj*, fi. *soi-*) < FU *śoje- 'Ton, Laut, Stimme; tönen, lauten' [UEW 1: 482],

KU KM *sājy-* 'sich drehen' (K-WWb 718b—719a) (< wog. *sājy- ~ ostj. *sej- [Honti 1982: 182, Honti 1999: 127]; ung. *szé-dül*) < Ug *sejz- 'sich drehen → schwindeln' (vgl. [DEWOS: 1297—1298; UEW 2: 889]).

Bei den neun scheint nur die folgende Wortfamilie Ausnahme zu sein: wog. TJ KU P *śal'*, So *sol'* 'Reif' (K-WWb 742b) ~ ostj. *soj (Honti 1982: 181, Honti 1999: 47, 127, 134) ~ lp. *čodde* < FU *śuđa 'Reif, Rauhrost' [UEW 1: 488; vgl. Honti 1982: 181, Honti 1986: 260—262, Honti 1999: 125—132]. Ich nehme an, hier muss man mit Dissimilation *śuśa > *śuśa und Wandel *a > *δ *śuśa im frühen Uralappischen und mit Dissimilation *śuśa > *śuśa im Urobugrischen rechnen. Auch die Möglichkeit ist nicht auszuschließen, dass drei alternative FU Grundformen existierten: *śuśa, *śuśa, *śuśa. Das Lappische spricht übrigens eher für *śuśa, während das Obugrische eher für *śuśa (vgl. noch unten).

Aus dem zusammengekommenen etymologischen Material schließe ich, dass nach den Wandeln (1) U/FU *ś > Ug *s, (2) U/FU/Ug *s > Ug *ʒ die Stelle des früheren s nicht ein als Ergebnis einer allgemeinen Depalatalisierung *ś > *s entstandener Sibilant eingenommen hat, sondern (3) ein (a) infolge des Wandels *ś > *s entstandener Sibilant vor dem in der Zeit des ugrischen Zusammenlebens positionsgebundenen, als aus dissimilativer Herkunft zu betrachtenden j oder einem palatalisierten Konsonanten und in sonstigen Situationen (b) infolge des Wandels *ś > *š. Dieser Depalatalisierungsvorgang begann in der ugrischen Grundsprache, setzte sich aber — nun nicht mehr positionsgebunden — auch nach deren Zerfall fort, aber mit jeweils anderem Ergebnis im (frühen) Uralappischen und in der obugrischen Grundsprache: (4) (U/FU *ś >) Ug *s > ung. s (= sz), selten š (= s) ~ OUG *s und *š > wog. *s und *š ~ ostj. *s (in der phonetischen Umgebung der beiden Fortsetzungen der obugrischen Grundsprache konnte ich keinerlei Unterschied feststellen, eventuell Zeuge des chronologischen Unterschiedes können OUG *s und *š sein) (vgl. [Honti 2016b: 279]). Das heißt:

1. U/FU *s × *š > Ug *s

2. Ug *s > *ʒ

3.a U/FU *ś → Ug *s / $\begin{matrix} [*j] \\ [*ć] \end{matrix}$

3.b U/FU *ś → Ug *š

4. (U/FU *ś >) Ug *s > ung. s ~ š ~ OUG *s ~ *š > wog. *s, *š ~ ostj. *s.

²² [Honti 1986].

²³ *śüksi = *śikše (*śükše) 'Herbst' [UEW 1: 443].

Als dessen Ergebnis haben die Stelle der Sibilanten U/FU *s, *ś, *š in der ugrischen Grundsprache Ug *s, *š, *g eingenommen. In den ugrischen Sprachen weisen diese (Anlaut-)Sibilanten das folgende reguläre, aber nicht einheitliche Entsprechungssystem auf (vgl. [Honti 1999: 124—130]):

1. Ug *s > ung. sz ~ OUg *s > wog. s ~ ostj. s,
2. Ug *š > ung. s ~ sz ~ OUg *š > wog. *š > ś ~ s ~ ostj. s.

Das Problem des Vorgängers der obugrischen Grundsprache der Lautentsprechung urwog. *š ~ urostj. *s scheint mir also mit der Hypothese (ugrisch *š >) obugrisch *š lösbar zu sein. Dieses *š fiel im Urowogulischen mit dem das frühere *č fortsetzenden *š und im Urostjakischen mit *s zusammen.

Es gibt reichlich Wortfamilien, die die Lautentsprechung „ung. s- (= sz-) ~ wog. s- ~ ostj. s-“ aufweisen z. B. ung. szél 'Rand' ~ wog. KU So sēl (K-WWb) (< urwog. *sēl [Honti 1982: 184, Honti 1999: 128]) ~ ostj. V O sil (< urostj. *sil [Honti 1982: 184, Honti 1999: 128] < Ug *selz 'Rand', vgl. [UEW 2: 887]).

Die Voraussetzungen der dem Zerfall der ugrischen Grundsprache folgenden Phonemspaltung *ś > obugrisch *s und *š kann ich zwar nicht feststellen, aber die obigen acht Etymologien lassen für die Zeit des ugrischen Zusammenlebens nur die Hypothese des dissimilativen Lautwandels *ś > *s zu. Die einzige mögliche Ausnahme ist FU *śuđa [= *śuļa, *suļa, *śuļa] 'Reif, Rauhrost' (s. oben).

Es gibt zudem ugrische Wörter, die eine Entsprechung „ung. sz, s ~ wog. s, ś ~ ostj. s“ aufweisen. Sie verdanken ihre Existenz offensichtlich der Wandelreihe „(U/FU *ś >) Ug *s > ung. s (= sz) ~ ś (= s) ~ OUg *s ~ *š > wog. *s, *š ~ ostj. *s“:

ung. száz 'hundert' ~ wog. TJ šēt, KU šāt, P šēt, So sāt (K-WWb 808a) ~ ostj. V sat, Trj sāt, DN sot, Ni Kaz sōt, O sat '100' (< wog. *šītš ~ ostj. *sat [Honti 1982: 186, Honti 1999: 125] < Ug *sata < FU *śata 'hundert', vgl. [UEW 1: 467]),

TJ šat (~ šāt), KU šōt, P šot (~ šōt), So sōt 'Glück' (K-WWb 807a) ~ ostj. Kaz sōt, O sot 'Kraft, Macht' (< wog. *šāt ~ ostj. *sōt/*sot [Honti 1982: 186, Honti 1999: 186; DEWOS 1383]),

ung. szőr 'Haar' ~ sörény 'Mähne' ~ wog. TJ šār, KU šōr, P šōr, LO sāyr, So sāyra (K-WWb 779b) (< wog. *šār < Ug *sāy3-r3 oder *sākr3 'Haar'; vgl. [UEW 2: 886]),

ung. szem 'Auge' ~ ?sömör 'Flechte' ~ wog. TJ KU P šām, So sam (K-WWb 749a) ~ ostj. V Ni Kaz O sem (< wog. *šām ~ ostj. *sem [Honti 1982: 184, Honti 1999: 128] < Ug *sem < *šilmä 'Auge', vgl. [TESz 3: 579ab; EWUng 2: 1348ab; UEW 1: 479]),

ung. sző 'weben' ~ sövény 'Hecke' ~ TJ sāv, KU sāy, LU sāv, So say 'Flechte' (K-WWb 703a) ~ ostj. V sōy, DN O sew 'Haarflechte' (< wog. *sāy ~ ostj. *sōy [Honti 1982: 182, Honti 1999: 108]) < Ug *seyz < FU *šāne (*šāk3 etc.) 'Haar' [UEW 1: 471],

ung. segg 'der Hintere' ~ wog. TJ süṅ, sāṅ, KU sōṅk, P sōṅk, So sāṅka 'die Weichen' (K-WWb 766b) (< wog. *sāṅk3 < Ug *sāṅk3 < FU *šāṅk3 'der Hintere, Arsch'; vgl. [UEW 1: 472; Honti 1986: 260]). Die Lautform des letzteren ungarischen Wortes konnte auch dadurch beeinflusst sein, dass sie die Homonymie mit dem Verb szeg 'nähen; schneiden' (< FU *cāṅk3 ~ *šāṅk3 'brechen' [UEW 1: 31—32]) vermeiden soll.

Übrigens ist infolge der im Ugrischen vereinzelt eingetretenen Desaffrikatisierung (und Depalatalisierung) die Zahl der Sibilanten enthaltenden Wörter gewachsen. Solche sind z. B.

ung. szeg 'nähen; schneiden' ~ wog. TJ sāṅk-, KU sōṅk-, P sanṅk-, LO sāṅk- 'hacken' (K-WWb 767a) ~ ostj. V sōṅk-, DN O senṅk- 'schlagen' (< wog. *sāṅk- ~ ostj. *sōṅk- [Honti 1982: 185, Honti 1999: 110—111]) < FU *cāṅk3 ~ *šāṅk3 'brechen' [UEW 1: 31—32],

wog. TJ sāk, KU saṅ, P sak, So sāṅk 'Hitze' (K-WWb 725b) ~ ostj. Trj DN čēṅk, O sāṅk 'id.' (< wog. *sāṅk ~ ostj. *čēṅk [Honti 1982: 133, Honti 1999: 124]) ~ fi. henki 'Atem etc.' < FU *čēṅke 'Dampf, Dunst' od. 'warm, Wärme' [UEW 1: 57],

wog. TJ końc-, KU xońs-, P kuńs-, So xuńs- 'harnen' (K-WWb 330a) ~ ostj. V Vj kōs-, DN O xōs- 'id.' (< wog. *kuńc- ~ ostj. *kōs- [Honti 1982: 153, Honti 1999: 129]) ~ ung. húgy ~ fi. kusi < U *kuńce ~ *kuće² 'Harn; harnen' [UEW 1: 210].

Diesen Punkt muss ich damit schließen, dass der in ihm behandelte Fragenkreis einer der schwierigsten Punkte der ugrischen Konsonantismus-Geschichte zu sein scheint, woraus auch folgt, dass meine hiesigen Folgerungen in einigen Fragen im Gegensatz zu den Berufungen auf meine früheren Arbeiten stehen. Offensichtlich ist weitere Recherche vonnöten...

Abkürzungen

dial. — dialektisch
dt. — deutsch
EAH — Early Antic Hungarian

engl. — englisch
fgr. — finnugor
fi. — finnisch

fiugr. — finnisch-ugrisch	PU — Proto-Uralic
frühurung. — frühurungarisch	PUg — Proto-Ugric
FU — finnisch-ugrisch	PUgr — Proto-Ugric
H — Hungarian	PV — Proto-Vogul
hongr. — hongrois	PVog — Proto-Vogul
IE — indo-europäisch	späturung. — späturungarisch
lapp. — lappisch	südostj. — südostjakisch
lapp. N. — norwegisch-lappisch	syr. — syrjänisch
lp. N — norwegisch-lappisch	syrj. — syrjänisch
magy. — magyarisch, ungarisch	tscher. — tscheremissisch
md. — mordwinisch	tšer. — tšeremissisch, tscheremissisch
mord. — mordwinisch	KB — tscheremissischer Dialekt von Kozmodemjansk
E — erza-mordwinisch	U — tscheremissischer Dialekt von Ufa
M — mokša-mordwinisch	Ug — ugrisch
obugr. — obugrisch	ung. — ungarisch
ON — Old Norse	urgerm. — urgermanisch
ostj. — ostjakisch	urostj. — urostjakisch
DN — ostjakischer Dialekt an der oberen Demjanka	Urugr. — urugrisch
Irt — ostjakischer Dialekt am Irtysch	urung. — urungarisch
Kaz — ostjakischer Dialekt in Kazym	urwog. — urwogulisch
KO — ostjakischer Dialekt am oberen Konda	vog. — vogul, wogulisch
Likr. — ostjakischer Dialekt Likrisivskoe	wog. — wogulisch
Ni — ostjakischer Dialekt in Nizjam	K — wogulischer Dialekt an der Konda
O — ostjakischer Dialekt von Obdorsk	KU — wogulischer Dialekt an der unteren Konda
Sur — ostjakischer Dialekt im Surguter Kreis	LO — wogulischer Dialekt an der oberen Lozva
Trj — ostjakischer Dialekt am Tremjugan	LU — wogulischer Dialekt an der unteren Lozva
V — ostjakischer Dialekt am Vach	P — wogulischer Dialekt an der Pelymka
Vj — ostjakischer Dialekt am Vasjugan	S — südwegulisch
Vj. — ostjakischer Dialekt am Vasjugan	So — wogulischer Dialekt an der Sosva
VK — ostjakischer Dialekt in Verchne-Kalymysk	SV — wogulischer Dialekt von Süd-Vagilsk
ostj.-vogul. — ostjakisch-wogulisch	Szo — szoszvai vogul nyelvjárás, wogulischer Dialekt an der Sosva
OUg — obugrisch	T — wogulischer Dialekt an der Tavda
PFOu — proto-finno-ougrien	TČ — wogulischer Dialekt von Čandyri an der Tavda
PFU — Proto-Finno-Ugric	TJ — wogulischer Dialekt von Janyčkova an der Tavda
PFUgr — Proto-Finno-Ugric	VNK — wogulischer Dialekt von Nord-Vagilsk im Dorfe Kama
POsty — Proto-Ostyak	wotj. — wotjakisch
POu — proto-ougrien	
POUgr — Proto-Ob-Ugric	

Literatur

- Ahlqvist 1880 — *Ahlqvist A.* Über die Sprache der Nord-Ostjaken. Sprachtexte, Wörtersammlung und Grammatik. Forschungen auf dem Gebiete der ural-altaischen Sprachen. Dritter Theil. Helsinki, 1880.
- Ahlqvist 1894 — *Ahlqvist A.* Wogulische Sprachtexte nebst Entwurf einer Grammatik // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 7. Helsinki, 1894.
- Anderson 1879 — *Anderson N.* Studien zur Vergleichung der ugrofinnischen Sprachen und der indogermanischen Sprachen. I. Dorpat, 1879.
- Anderson 1893 — *Anderson N.* Wandlungen der anlautenden dentalen spirans im ostjakischen. Ein Beitrag zur ugrofinnischen Lautlehre. St.-Petersbourg, 1893.
- Bakró-Nagy 2001 — *Bakró-Nagy M.* A hangtani rekonstrukció valószínűsége // *Budapesti Uráli Műhely II* / Hrsg. Oszkó B., Sipos M. Budapest, 2001. S. 15—24.
- Bárczi 1941 — *Bárczi G.* Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941.
- Bereczki 1964 — *Bereczki G.* Etimológiai megjegyzések // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1964, 66. S. 385—388.
- Bergsland 1962 — *Bergsland K.* The Lapp dialects south of Lappland // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 1962, 125. S. 27—39.
- Bergsland 1967 — *Bergsland K.* Lapp Dialectal Groups and Problems of History // *Lapps and Norsemen in Olden Times* / Ed. Hoff I., Bergen. P. 32—53.

- Budenz 1879 — *Budenz J.* Nikolai Anderson: Studien zur vergleichung der ugrofinnischen und indogermanischen sprachen // *Nyelvtudományi Közlemények.* 1879, 15. S. 309—324.
- Castrén 1858/1969 — *Castrén M. A.* Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnis. St. Petersburg, 1858 / Leipzig, 1969.
- Collinder 1960 — *Collinder B.* Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm, 1960.
- Csepregi 2014 — *Csepregi M.* Az obi-ugrisztika egyik rejtélye // *Folia Uralica Debreceniensia.* 2014, 21. S. 13—23.
- Csúcs et al. 1991 — *Csúcs S., Honti L., Salánki Zs., Varga J.* Statistik der uralischen Lautensprechungen. Budapest, 1991.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1993.
- EWUng 2 — *Benkő L.* Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Band II. Budapest, 1995.
- FUV¹ — *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. Stockholm, 1955.
- FUV² — *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. Second Revised Edition. Hamburg, 1977.
- Genetz 1896 — *Genetz A.* Suomalais-ugrilainen *d* ensimmäinen ja toisen tavuun vokaalien välissä // *Suomi.* 1896, 3/13. S. 3—12.
- Honti 1972 — *Honti L.* Észrevételek a finnugor alapnyelvi szibilánsok és affrikáták képviselőitől // *Nyelvtudományi Közlemények.* 1972, 74. S. 3—26.
- Honti 1979a — *Honti L.* Az ugor nyelvek jellemző vonásai (Észrevételek az ugor egység kérdéséhez) // *Nyelvtudományi Közlemények.* 1979, 81. S. 225—245.
- Honti 1979b — *Honti L.* Characteristic Features of Ugric Languages (Observations on the Question of Ugric Unity) // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1979, 29. S. 1—26.
- Honti 1981 — *Honti L.* Zur Frage nach der Herausbildung der ostostjakischen Mundarten im Lichte der Lautgeschichte // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1981, 31. S. 87—106.
- Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus. Budapest, 1982.
- Honti 1983 — *Honti L.* Zur ugrischen Lautgeschichte (Beiträge zur relativen Chronologie einiger Lautwandel in den ugrischen Sprachen) // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1983, 33. S. 113—122.
- Honti 1986 — *Honti L.* A vogul *s* és *š* U/FU alapnyelvi szibiláns előzményei // *Nyelvtudományi Közlemények.* 1986, 88. S. 258—263.
- Honti 1992 — *Honti L.* Adalék a magyar *l* ~ finn *t* megfelelésének és alapnyelvi előzményének magyarázatához // *Festschrift für Károly Rédei zum 60. Geburtstag — Emlékkönyv Rédei Károly 60. születésnapjára* // Hrsg. Derék P., Riese, T., Sz. Bakró-Nagy M., Hajdú P. Wien — Budapest, 1992. S. 209—213.
- Honti 1999 — *Honti L.* Az obi-ugor konsonantizmus története. Szeged, 1999.
- Honti 2001 — *Honti L.* Ung. *tó* 'See' ~ fi. *suo* 'Morast', ung. *toll* ~ fi. *sulka* 'Feder' (Ein Beitrag zum Konsonantismus der U/FU Grundsprache) // *Linguistica Uralica.* 2001, 37. S. 241—244.
- Honti 2004/2013a — *Honti L.* „The missing link”, avagy rokon-e a magyar *toll* és a finn *sulka*? // Mikola-konferencia 2002 / Hrsg. Mészáros E., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. Szeged, 2004. S. 75—84 // *Honti L.* Magyar nyelvtörténeti tanulmányok. Budapest, 2013. S. 139—151.
- Honti 2012 — *Honti L.* Hangtörténeti és szemantikai megfelelés az uralisztikai etimológiai kutatásban // *Nyelvtudományi Közlemények.* 2012, 108. S. 43—60.
- Honti 2013b — *Honti L.* Comments on Uralic Phonology // *Acta Linguistica Hungarica.* 2013, 60. S. 1—68.
- Honti 2014 — *Honti L.* Elnöki zárszó — Nyelvtörténet szekció // *Magyar őstörténet. Tudomány és hagyományörzés* / Hrsg. Sudár B., Szentpéteri J., Petkes Zs., Lezsák G., Zsidai Zs. Budapest, 2014. S. 219—222.
- Honti 2015 — *Honti L.* Ernst Kausen nyelvcsaládkönyveiről. Die indogermanischen Sprachen. Helmut Buske Verlag, Hamburg. 2012. Die Sprachen der Welt. Teil I: Europa und Asien. Helmut Buske Verlag, Hamburg. 2013. Die Sprachen der Welt. Teil II: Afrika — Indopazifik — Australien — Amerika. Helmut Buske Verlag, Hamburg. 2014 // *Nyelvtudományi Közlemények.* 2015, 111. S. 480—495.
- Honti 2016a — *Honti L.* Uráli etimológiai és hangtörténeti jegyzetek // *Nyelvtudományi Közlemények.* 2016, 112. S. 7—75.
- Honti 2016b — *Honti L.* A Halotti beszéd *isa* szavának kutatástörténete és etimológiája // *Magyar Nyelv.* 2016, 112. S. 269—283.
- Honti 2017 — *Honti L.* A magyar és a nyugati ótörök szókészleti kapcsolatairól. Budapest, 2017.
- Itkonen 1954 — *Itkonen E.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen // *Finnisch-Ugrische Forschungen.* 1954, 31. S. 149—345.
- Janhunen 1981 — *Janhunen J.* Uralilaisen kantakielen sanastosta // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1981, 77. S. 219—274.
- Kálmán 1965 — *Kálmán B.* A magyar mássalhangzó-rendszer kialakulása // *Magyar Nyelv.* 1965, 61. S. 385—398.
- Karjalainen 1905 — *Karjalainen K. F.* Zur ostjakischen Lautgeschichte // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* 23. Helsinki, 1905.

- Katz 1973 — *Katz H.* Noch einmal zur Entwicklung der finnisch-ugrischen Affrikaten und Sibilanten im Ugrischen // Советское финно-угроведение. 1973, 9. S. 273—290.
- Keresztes 1987 — *Keresztes L.* Geschichte des mordwinischen Konsonantismus. Szeged, 1987.
- Kiparsky 1966 — *Kiparsky V.* Etymologie gestern und heute // *Kratylos*. 1966, 11. S. 68—78.
- Korhonen 1990 — *Korhonen M.* Glottogenetik und Sprachgeschichte // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. 1 A. Sessiones plenares / Hrsg. Keresztes L., Maticsák S. Debrecen, 1990. S. 159—178.
- Kotliarov 2009 — *Kotliarov I.* Laws of Non-Indo-European Languages // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2009, 14. S. 227—235.
- KT — *Karjalainen K. F.* — *Toivonen Y. H.* Ostjakisches Wörterbuch I—II. Helsinki, 1948.
- K-WWb — *Wogulisches Wörterbuch*. Gesammelt und geordnet von Artturi Kannisto, bearbeitet von Eiras Vuokko, herausgegeben von Arto Moisio. Helsinki, 2013.
- Merlingen 1984 — *Merlingen W.* Laterale in altertümlichen Sprachen // *Linguistica et Philologica*. Gedenkschrift für Björn Collinder (1894—1984) / Hrsg. Gschwantler O., Rédei K., Reichert H. Wien, 1984. S. 331—337.
- Mikola 1976 — *Mikola T.* Hangtan és jelentés az etimológiában // *Nyelvtudományi Értekezések*. 1976, 89. S. 209—212.
- MSzFE 1 — *Lakó Gy.* A magyar szókészlet finnugor elemei. I. kötet. Budapest, 1967.
- MSzFE 2 — *Lakó Gy.* A magyar szókészlet finnugor elemei. II. kötet. Budapest, 1971.
- MSzFE 3 — *Lakó Gy.* A magyar szókészlet finnugor elemei. III. kötet. Budapest, 1978.
- MUSz — *Budenz J.* Magyar—ugor összehasonlító szótár. Budapest, 1873—1881.
- M-WWb — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986.
- Napolskich 2010 — *Napolskich V.* Über die Herkunft der Benennungen 'Silber' und 'Blei/Zinn' in den permischen Sprachen // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2010, 32—33. S. 447—460.
- Nigol 1975 — *Nigol S.* Über einige Fortsetzer des einstigen Dentalspiranten in dem Südestnischen Dialekt // *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus* 17.—23. VIII 1970. Pars I. Red. Hallap V. Tallinn, 1975. S. 298—300.
- Paasonen 1918 — *Paasonen H.* Die finnisch-ugrischen s-Laute // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 41. Helsinki, 1918.
- Papp 1968 — *Papp I.* Unkarin kielen historia. Helsinki, 1968.
- Papp 2014 — *Papp I.* Magyar nyelvtörténet // http://mnytud.arts.unideb.hu/ukh/papp_ukh.pdf, 2014.
- Rapola 1965 — *Rapola M.* Suomen kirjakielen historia pääpiirteittäin. I. Vanhan kirjasuomen kirjoitus- ja äänneasun kehitys. Helsinki, 1965.
- Rapola 1966 — *Rapola M.* Suomen kielen äännehistorian luennot. Helsinki, 1966.
- Rédei 1972 — *Rédei K.* L'évolution en hongrois des mots à structure proto-ouralienne et finno-ougrienne VC_s/sV et CVC_s/sV // *Études Finno-Ougriennes*. 1972, 8. S. 231—236.
- Rédei 1980 — *Rédei K.* Szófejtések // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1980, 82. S. 260—264.
- Rédei 1988 — *Rédei K.* Suomen *huuli*-sanain alkuperästä // *Virittäjä*. 1988, 92. S. 177—178.
- Rédei 1991 — *Rédei K.* Szófejtések // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1991, 92. S. 83—111.
- RTA 2011a — *Róna-Tas A., Berta Á.* West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. Part 1: Introduction, Lexicon: "A—K". Wiesbaden, 2011.
- RTA 2011b — *Róna-Tas A., Berta Á.* West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. Part 2: "L—Z". Conclusions, Apparatus. Wiesbaden, 2011.
- Salminen 2002 — *Salminen T.* Problems in the taxonomy of the Uralic languages in the light of modern comparative studies // *Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой* / Ред. Кибрик А. Е. Москва, 2002. С. 44—55.
- Sammallahti 1988 — *Sammallahti P.* Historical Phonology of the Uralic Languages // *The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences* / Ed. Sinor D. Leiden — New York — København — Köln, 1988. P. 478—554.
- Setälä 1896 — *Setälä E.* A finn-ugor δ és $*\delta$ // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1896, 26. S. 377—437.
- SKES 1 — *Toivonen Y. H.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. I. Helsinki, 1955.
- SKES 2 — *Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. II. Helsinki, 1958.
- SKES 5 — *Itkonen E., Joki A. J.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. V. Helsinki, 1975.
- SSA 1 — Suomen sanojen alkuperä. 1 / Hrsg. Itkonen E., Kulonen U.-M. Helsinki, 1992.
- SSA 2 — Suomen sanojen alkuperä. 2 / Hrsg. Kulonen U.-M. Helsinki, 1995.
- SSA 3 — Suomen sanojen alkuperä. 3 / Hrsg. Kulonen U.-M. Helsinki, 2000.
- Steinitz 1952/1980 — *Steinitz W.* Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus. Separatum ex Actis Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis. Series B. Linguistica 1. Stockholm, 1952. S. 15—39. // *Steinitz W.* Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Ostjakologische Arbeiten. Band IV. Budapest — Berlin — Den Haag, 1980. S. 117—141.
- Steinitz 1964 — *Steinitz W.* Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus. 2., mit einem Anhang und Wortregistern erweiterte Auflage. Berlin, 1964.

- Szinnyei 1897 — *Szinnyei J. Ezüst* // Nyelvtudományi Közlemények. 1897, 27. S. 165.
- TESz 3 — *Benkő L. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Harmadik kötet. Budapest, 1976.*
- UEW 1 — *Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Budapest — Wiesbaden, 1988.*
- UEW 2 — *Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band II. Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Budapest — Wiesbaden, 1988.*
- UEW 3 — *Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band III. Register. Budapest — Wiesbaden, 1991.*
- Verte 1990 — *Verte L. A. The Kazym-Hanty Noise Consonants* // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. Том 2. / Отв. ред. Федюнева Г. В. М., 1990. P. 457—459.
- Vértés 1970 — *Vértés E. Rekonstrukció és valószínűségsszámítás* // Nyelvtudományi Közlemények. 1970, 72. S. 297—322.
- Vértés 1994 — *Vértés E. Kikövetkeztetett alapnyelvi szibilánsaink problémáihoz* // Magyar Nyelv. 1994, 90. S. 453—455.
- Widmer 2002 — *Widmer P. Nugae uralo-tocharicae* // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2002, 24—25. S. 172—178.
- Zsirai 1937/1994 — *Zsirai M. Finnugor rokonságunk. Budapest, 1937/1994.*
- Верте 1979 — *Верте Л. А. Латеральные фонемы фонемы [l], [ʃ], [λ] в казымском диалекте хантыйского языка* // Фонетика сибирских языков (Сборник научных трудов) / Отв. ред. Надеяев В. М. Новосибирск, 1979. С. 14—27. {*Verte L. A. Lateral phonemes [l], [ʃ], [λ] in Kazym dialect of Khanty* // Phonetics of Siberian languages (Collected works) / Ed. by Nadelyaev V. M. Novosibirsk, 1979. P. 14—27.}
- Верте 1985 — *Верте Л. А. Основные характеристики консонантной системы языка казымских ханты* // Советское финно-угроведение. 1985, 21. С. 38—46. {*Verte L. A. The essential characteristics of the consonant system of the language of Kazym Khanty* // Soviet Finno-Ugric Studies. 1985, 21. P. 38—46.}
- Верте 1986 — *Верте Л. А. Ассимиляция согласных в языке казымских ханты* // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов / Отв. ред. Надеяев В. М. Новосибирск, 1986. С. 84—88. {*Verte L. A. Assimilation of consonants in the language of Kazym Khanty* // Phonetics of languages of Siberia and adjacent regions / Ed. by Nadelyaev V. M. Novosibirsk, 1986. P. 84—88.}
- Казанцев 1990 — *Казанцев Д. Е. К вопросу о реконструкции *δ и *δ̣ в финно-угорском праязыке* // Linguistica Uralica. 1990, 26. С. 180—187. {*Kazantsev D. E. Towards reconstruction of *δ and *δ̣ in Finno-Ugric proto-language*. Linguistica Uralica. 1990, 26. P. 180—187.}
- Лыткин 1964 — *Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.* {*Lytkin V. I. Historical vocalism of Permic languages. M., 1964.*}
- Оранский 1979 — *Оранский И. М. Введение* // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / Отв. ред. Расторгуева В. С. М., 1979. С. 10—128. {*Oranskiy I. M. Introduction* // Introduction to Iranian linguistics. Ancient Iranian languages / Ed. by Rastorgueva V. S. M., 1979. P. 10—128.}
- Серебренников 1974 — *Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.* {*Serebrennikov B. A. Probabilistic justifications in comparative studies. M., 1974.*}
- Хелимский 1982 — *Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М., 1982.* {*Helimski E. A. The earliest Hungarian-Samoyedic language parallels (Linguistic and ethnogenetic interpretation). M., 1982.*}
- Хелимский 1987/2000 — *Хелимский Е. А. Правило Хонти для венг. fészek и его аналог в маторско-тайгийско-карагасском языке* // Советское финно-угроведение. 1987, 23. С. 57—60 // *Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 218—220.* {*Helimski E. A. The Honti rule for Hungarian fészek and its analogy in Mator-Taigi-Karagas* // Soviet Finno-Ugric studies. 1987, 23. P. 57—60}

ZUSAMMENFASSUNG

Die etymologischen und lautgeschichtlichen Stellungnahmen im Buch von Róna-Tas—Berta (RTA 2011a, b) zwangen den Autor dazu, über gewisse uralisch-finnougrische grundsprachliche Konsonanten zu schreiben, was er zwar auch in seinem letzten Buch (Honti 2017) getan hatte, aber wegen der Thematik des Buches nicht auf jedes wichtige Detail eingehen konnte und seither auch auf sonstige Fragen Antwort gefunden hat.

In dieser Studie werden folgende Konsonanten behandelt: *δ, *δ̣, *ʒ, *ʒ̣, *ʎ, *ʎ̣, *s, *š. Die grundsprachliche Existenz von *δ und *δ̣ bezweifelt der Autor, schlägt jedoch die Aufnahme von *ʎ, *ʎ̣ und *ʒ vor, des Weiteren behandelt er, unter welchen Umständen die seltenen heutigen ugrischsprachigen Fortsetzungen der nicht palatalisierten Sibilanten entstanden: U/FU *s × *š > früh Ug *s > spät Ug *ʒ > ostjakisch s, wogulisch s und ungarisch sz anstatt der allgemeinen und als regulär betrachteten Vertretung ostjakisch l, ʎ, t, j, θ-, wogulisch t und ungarisch θ. Der Autor argumentiert außerdem auch, dass ugrisch grundsprachliches *ʒ über die Stufe *h im Ungarischen zu θ wurde.

SUMMARY

Statements on etymology and phonological development in the book by András Róna-Tas and Árpád Berta (RTA 2011a, RTA 2011b) encouraged the author to write about certain consonants in the Proto-Uralian/Proto-Finno-Ugric language again in his recent book (Honti 2017), but the main topic of the volume did not make it possible for him to discuss all the important details, and some new answers have been elaborated since then.

This paper focuses on the following consonants: * δ , * δ' , * ϑ , * ϑ' , * λ , * λ' , * s , * $\check{s}$. The author refutes the presence of the * δ and * δ' sounds in the proto-language, but suggests accepting the early existence of the * λ , * λ' and * ϑ sounds. The author also presents in what circumstances the rare sequels of the non-palatal sibilants in present-day Ugrian languages were formed: U/FU * $s \times \check{s} >$ early Ug * $s >$ late Ug * $\vartheta >$ Ostyak s , Vogul s and Hungarian sz , instead of the general and regular Ostyak $l, \lambda, t, j, \emptyset$ -, Vogul t and Hungarian $\emptyset$ correspondences. The author argues that the Proto-Ugrian * ϑ became $\emptyset$ in Hungarian via * h .

Schlüsselwörter: uralische Sprachen, dentale Fricative, Lautgeschichte

Keywords: Uralic languages, dental fricatives, historical phonetics

László Honti, Károli Gáspár Universität der Reformierten Kirche in Ungarn, Budapest Institut für Sprachwissenschaft der Ungarischen Akademie der Wissenschaften (Budapest); hontila43@gmail.com

László Honti, Károli Gáspár University of the Reformed Church in Hungary, Budapest Institut for Linguistics of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest); hontila43@gmail.com

Дискуссионная заметка к статье Л. Хонти “Bemerkungen zum Bestand der dentalen Spiranten der U/FU/UG Grundsprache”

Статья Л. Хонти посвящена описанию развития ПФУ анлаутных дентальных спирантов. Анализируя и подробно разбирая все «исключения» из правил развития этих звуков в языках-потомках, автор показывает, что система фонем должна быть реинтерпретирована. В целом мы согласны с анализом, предложенным автором статьи, но хотели бы подробнее остановиться на одном частном моменте, который в свете новых полевых данных, собранных Р. И. Идрисовым по южно-кудымкарскому диалекту коми-пермяцкого языка, возможно, должен быть рассмотрен не как частное обско-угорское позиционное развитие, а как указание на необходимость реконструкции особой фонемы.

Л. Хонти указывает, что

ПУ/ПФУ *ś → ПУГ *s в позиции перед *j и *ċ;
в других позициях ПУ/ПФУ *ś → ПУГ *š.

При этом в словаре [UEW] есть ряд примеров, когда переход ПФУ *ś → ПУГ *s происходит не в позиции перед мягким согласным. Ниже мы приводим рефлексy в мансийском языке, поскольку именно они являются диагностическими:

- ПУ *śarma ‘дымовое отверстие палатки’ [UEW: 463] > манс. *sōrēm* (K), *surēm* (P N);
- ПФУ *śāŋkV ‘зад, задняя часть’ [UEW: 472] > манс. *sāŋ* (TJ), *sāŋk* (KU), *sāŋk* (P), *sāŋk* (So.) ‘нежность’, *sāŋk* (LM) ‘чресла’, *soaŋkw* (P) ‘бедро’;
- ПФУ *śēme (*śōme) ‘(рыбья) чешуя’ [UEW: 476] > манс. *sēm* (TJ), *sām* (KU So.) ‘чешуя’, *sōm* (P) ‘кора дерева’, *sēm* (LU) ‘деньги, рыба чешуя’;
- ПФУ *śorV ‘узкий, становиться узким’ [UEW: 487] > манс. *sarē* (TJ), *sar* (KU) ‘маленькое болото’, *nār-sori* (So.) ‘узкая полоса между двумя болотами’;
- ПФУ *śuka ‘кожура, шерсть, кожа’ [UEW: 488] > манс. *sow* (KU P So.);
- ПФУ *śur(e)-ma ‘смерть’ [UEW: 489] > манс. *sorēm* (N), *sorəm* (So.);
- ПФУ *śurV ‘щука’ [UEW: 479] > манс. *sart* (TJ KU VNK), *sort* (So.);
- ПУ *śuwe ‘рот, пасть’ [UEW: 492] > манс. *sunt* (K), *sāt* (*sānti*-) (LU), *sut* (*sunt*-) (LM), *sunt* (N) ‘устье реки, горлышко сосуда’, *sūp* (N So.) ‘рот’.

Таким образом, развитие ПУ/ПФУ *ś → ПУГ *s, которое автор статьи постулирует для праугорского уровня, не имеет определенной позиции. Следовательно, оно может указывать на архаическое различие, сохранившееся в части мансийских диалектов и в определенной степени в венгерском языке.

В поисках соответствия этой особой праугорской фонеме мы обратились к полевым данным, собранным Р. И. Идрисовым по южно-кудымкарскому диалекту коми-пермяцкого языка в 2015 г. (словарь доступен он-лайн <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/522/4/perspective/522/5/view>).

Было выявлено, что ПУ/ПФУ *ś в анлауте имеет два возможных соответствия в кудымкарском диалекте коми языка. К сожалению, носители не всегда хорошо владеют диалектом, поэтому от разных носителей собраны не всегда совпадающие словники, но в говорах всех четырех носителей (TSS, TRA, VKP, LAS), с которым велась работа сохраняется это противопоставление, иногда в виде вариантов произнесения (у TSS часто встречаются колебания с *ε* анлаутным в то время как у TRA, VKP представлено *ś*), Приведем примеры этого противопоставления на материале исконной лексики у четырех носителей:

TSS *śermāt* ‘узда, сбруя’, *śizim* ‘семь’ vs *εāktān* ‘кочедык’, *εer* ‘узор’, *εerāvni* ‘смеяться’, *εerāv* ‘гнида’, *εāvācni* ‘плевать’, *εidzni* ‘попасть’, *εoj* ‘глина’, (*jur*) *εi* ‘волос’, *εivni* ‘петь’, *εójni* ‘есть’, *εera* ‘пятнистый, полосатый’;

TRA *śalām* ‘сердце’, *śed* ‘черный’, *śalá* ‘рябчик’, *śermāt* ‘сбруя’, *śizim* ‘семь’, *śur* ‘рот’ vs *εekit* ‘тяжелый’, *εivni* ‘петь’, *εorn’i* ‘разговор’, *εortn’i* ‘репа’, *εujni* ‘вложить’, *εu* ‘зерно’, *εera* ‘пятнистый, полосатый’;

VKP *śalām* ‘сердце’, *śizim* ‘семь’, *śimāt* ‘береста’ vs (*jur*) *εi* ‘волос’, *εo* ‘сто’, *εójni* ‘есть’;

LAS *śin* ‘глаз’ vs (*jur*) *εi* ‘волос’, *εortn’i* ‘репа’

Дальнейший анализ показал, что на многочисленных примерах слов, которые имеют рефлексy и в мансийском языке, наблюдается следующая корреляция южно-кудымкарского рефлекса и мансийского.

ПУ/ПФУ *ś → ПУГ *s — южн.-кудым. *ε*;

ПУ/ПФУ *ś → ПУГ *š — южн.-кудым. *ś*, ср., например:

ПУ/ПФУ *š → ПУГ *s — южн.-кудым. ε

ПФУ *šülke (*šülke) ‘плевать’ [UEW: 479] > манс. *sülk-* (TJ), *sälý-* (KU), *säll-* (P), *salý-* (So.); южн.-кудым. *εávzini* ‘плюнуть’;

ПФУ *šäje ‘волосы, пучок волос, плести’ [UEW: 471] > манс. *säw* (TJ), *säy* (KU), *sā* (LU), *say* (So.) ‘пучок волос’; южн.-кудым. (*jur*) *εi*, (*bur*) *εi*;

ПУ/ПФУ *š → ПУГ *š — южн.-кудым. š:

ПУ *šidä (-mV) (*šüdü (-mV)) ‘сердце’ [UEW: 477] > манс. *šäm* (TJ), *šim* (KU), *šim* (P), *sim* (So.); южн.-кудым. *šäläm*;

ПУ *šilmä ‘глаз’ [UEW: 479] > манс. *šäm* (TJ KU P), *sam* (So.); южн.-кудым. *šin*;

ПФУ *šorwa ‘рог’ [UEW: 486] > манс. *šörəp* (KU), *sörp* (KM), *šörp* (KO), *šörp* (P), *sörpi* (So) ‘самец оленя’; южн.-кудым. *šur*;

Безусловно, на основании приведенных примеров нельзя делать вывод о том, что речь идет об особой праязыковой фонеме. Необходимо дальнейшее обследование коми-пермяцких диалектов с целью выявления других говоров с рефлексацией ПФУ *š > ε, выявления диалектных границ этого перехода и расширения корпуса полевых данных по кудымкарскому диалекту, которые имели бы параллели в мансийском языке.

Сокращения

манс. — мансийский язык

К — кондинский диалект

КМ — среднекондинский диалект

КО — верхнекондинский диалект

KU — нижнекондинский диалект

LM — среднелозьвинский диалект

LU — нижнелозьвинский диалект

N — северный диалект

P — пельымский диалект

TJ — тавдинский диалект

So. — сосьвинский диалект

VNK — северновагильский диалект

ПУ — прауральский язык

ПУГ — праугорский язык

ПФУ — прафинноугорский язык

южн.-кудым. — южно-кудымкарский диалект коми-пермяцкого

Литература

UEW — Uralisches Etymologisches Wörterbuch, hrsg. von K. Rédei. Budapest, 1986–1991.

РЕЗЮМЕ

В статье показано, что ПУ/ПФУ *š > ПУГ *s vs. *š, возможно, не является угорской инновацией, связанной с влиянием соседних согласных, как предполагает Л. Хонти, а имеет параллели в южно-кудымкарском диалекте коми-пермяцкого языка: ПУГ *s соответствует южн.-кудым. ε, а *š — южн.-кудым. s'.

SUMMARY

The paper shows that PU/FU *š > PUG *s vs. *š may not be an Ugric innovation associated with the influence of neighboring consonants, as L. Honti suggests. This has parallels in the southern Kudymkar dialect of the Komi-Permian language: PUG *s corresponds to South.-Kudym. ε, and *š to South.-Kudym. s'.

Ключевые слова: угорские языки, коми-пермяцкий язык, фонетические соответствия

Keywords: Ugric languages, Komi-Permian language, phonetic correspondences

Норманская Юлия Викторовна, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Julia V. Normanskaja, Ivannikov Institute for System Programming, RAS; Institute of Linguistics, RAS (Moscow); julianor@mail.ru

А. В. Дыбо — выдающийся тюрколог, алтаист (к 60-летию члена-корреспондента РАН А. В. Дыбо)

Анна Владимировна Дыбо — видный ученый, известный тюрколог, алтаист, компаративист. Она возглавляет Отдел урало-алтайских языков Института языкознания РАН. Именно с этим научным учреждением, в котором Анна Владимировна прошла путь от лаборанта до заведующего отделом, связана практически вся ее научная биография.

Родилась А. В. Дыбо 4 июня 1959 г. в городе Богородицке Тульской области в семье лингвистов Владимира Антоновича Дыбо и Валерии Григорьевны Чургановой. Уже в детстве проявились ее выдающиеся способности, которые позволили ей поступить сразу во второй класс школы. Позже семья переехала в г. Мытищи Московской области, где Анна Владимировна училась в самой обычной средней школе. Родители с детства стали активно приобщать дочь к лингвистике. По рассказам самой Анны Владимировны, в школьные годы она учила латынь, греческий, санскрит. В начальной школе они с Ефимом Долгопольским, сыном известного лингвиста А. Б. Долгопольского, писали друг другу записки по-гречески. Уже со средней школы Аня стала участвовать в Ностратическом семинаре, одним из руководителей которого она является и сейчас. Под руководством ее отца, В. А. Дыбо, занятия семинара посещали С. А. Старостин, Е. А. Хелимский, С. Л. Николаев, И. И. Пейрос, О. А. Мудрак, Я. Г. Тестелец и другие молодые лингвисты, чьи научные результаты впоследствии определили развитие мировой компаративистики. Выбор профессии для Анны Владимировны был во многом предопределен ее выдающейся семьей и окружением, поэтому, поступив в 1975 г. на отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, она сразу стала очень активно участвовать в научной, в том числе экспедиционной, жизни под руководством Александра Евгеньевича Кибрика.

В 1981 г. А. В. Дыбо закончила отделение структурной и прикладной лингвистики, защитив под руководством А. А. Зализняка дипломную работу на тему «Деклинационные различия в новгородских диалектах XIII—XIV вв. и проблема локализации письменных памятников». В 2006 г. А. А. Гиппиус, один из ведущих славистов, в своей докторской диссертации напишет про дипломную работу Анны Владимировны: «Свое наиболее последовательное выражение данный подход [различение в рукописи трех почерков; языковые черты приписываются писцам] получил в дипломной работе А. В. Дыбо, предпринявшей попытку локализации диалектов трех писцов С[инодального] С[писка], основанную на анализе форм именного склонения». По его мнению, благодаря аккуратности проведенного анализа, эта работа, которая никогда не была опубликована, и через 25 лет не утратила своей актуальности. Отметим, что диплом был представлен к защите, когда первому ребенку А. В. Дыбо Филиппу не было еще и года.

В том же 1981 г. А. В. Дыбо поступила в заочную аспирантуру Института русского языка АН СССР и одновременно начала работать в Институте языкознания АН СССР в секторе тюркских и монгольских языков лаборантом в группе этимологического словаря тюркских языков (далее ЭСТЯ), которую в те годы возглавляла Лия Сергеевна Левитская. Лия Сергеевна, которой понравилась вдумчивая, знающая несколько европейских языков Аня Дыбо, дала ей задание по сбору материала для ЭСТЯ в Государственной библиотеке имени Ленина из журнальных публикаций, написанных на европейских языках. Так Анна Владимировна детально познакомилась с европейской литературой по тюркологии. Это помогло ей, во-первых, быстро войти в группу ЭСТЯ, во-вторых, усвоить методику источниковедения.

Работа в секторе тюркских и монгольских языков, увлечение алтайскими языками изменили научную судьбу А. В. Дыбо. Из аспирантуры Института русского языка она перешла в заочную аспирантуру Института языкознания АН СССР. В секторе тюркских и монгольских языков А. В. Дыбо начала заниматься турецким языком под руководством Э. А. Груниной, старомонгольским — под руководством Г. Ц. Пюрбеева, сравнительно-историческими исследованиями — под руководством Л. С. Левитской. Вскоре А. В. Дыбо стала полноправным составителем ЭСТЯ. Она — автор словарных статей в томах на буквы К, К—КА, Л, М, Н, П, С. Позднее она в одиночку написала девятый дополнительный том ЭСТЯ — «Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков», изданный в Астане в 2013 г., объемом 620 страниц.

1980-е годы были довольно насыщенными в жизни А. В. Дыбо. Одновременно с работой над ЭСТЯ она писала статьи, которые позже легли в основу ее диссертации, продолжала работать в группе Обще-

славянского лингвистического атласа. Позднее ее статья и карта, посвященные названиям орешника в индоевропейских языках, увидят свет в «Общеславянском лингвистическом атласе. Материалы и исследования 1985—1987 гг.». В 1984 г. она стала одним из соавторов третьего выпуска словаря «Опыт сравнения ностратических языков». Этот словарь создавался В. А. Дыбо совместно с А. Б. Долгопольским по картотеке их погибшего друга В. М. Иллича-Свитыча. После смерти Владислава Марковича, который уже в 1965 г. в 30 лет создал ностратическую теорию и до сих пор не превзойденную систему соответствий между индоевропейским, уральским и т.д. праязыками, В. А. Дыбо и А. Б. Долгопольский, отложив свои исследования, активно занялись подготовкой словаря по картотеке В. М. Иллича-Свитыча и привлекли к ней своих молодых учеников. В этой работе уже со школьного возраста принимала участие и Аня Дыбо. Нам кажется, что именно эти исследования, продолжавшие ностратический семинар, в работе которого она участвовала со средней школы, и заложили широкий научный кругозор Анны Владимировны, который в будущем позволил ей переключаться с исследований славянских языков на тюркские, затем на другие алтайские, уральские, иранские и для каждой группы получать значимые научные результаты.

Тогда же, в 80-е годы, А. В. Дыбо писала диссертацию по соматической лексике алтайских языков. В 1985 г. она родила второго ребенка, Анастасию, воспитывала первого, Филиппа, родившегося еще во время учебы в университете, и откладывала защиту кандидатской диссертации, которую представила научному руководителю только в 1991 г. Прочитав работу, ее научный руководитель Э. Р. Тенишев, а затем и сектор приняли решение о том, что диссертация может быть защищена как докторская. В 1992 г., с третьим ребенком, Матвеем, на руках, А. В. Дыбо блестяще защитила докторскую диссертацию на тему «Семантическая реконструкция в алтайской этимологии». В ней А. В. Дыбо установила несколько сотен новых лексических параллелей между алтайскими языками внутреннего круга на основании строгой системы соответствий, разработанной ею лично. Не менее важно, что в этой работе впервые был предложен системный подход к изучению исторического развития значений слов на примере названий руки в алтайских языках. Было выявлено, что типы «номинационных решеток», например тип 1: ‘рука – рабочий инструмент’ = ‘рука от пальцев до плеча’ (русское слово *рука*) vs. тип 2 ‘рука – рабочий инструмент’ = ‘кисть руки’ (немецкое *Hand*), тоже соответствуют определенным ареалам; ранее это было установлено только для фонетических и морфологических изменений. Это было прослежено на материале большинства языков Евразии в течение всей их письменной истории. Анализ этих ареалов позволил со значительно более высокой степенью надежности установить, какой тип номинаций следует реконструировать для алтайского праязыка. А. В. Дыбо использовала следующий принцип: если тот или иной тип представлен в компактном ареале, то это с большой степенью вероятности инновация; напротив, номинация, которая представлена сразу в нескольких независимых периферийных ареалах, является архаизмом. Этот подход был позднее удачно применен А. В. Дыбо при подготовке четвертого и шестого томов «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (далее СИГТЯ) при описании реконструкции названий жилища, ландшафта, частей тела животных и человека.

В СИГТЯ, созданной под руководством Э. Р. Тенишева в 1980-х — 2000-х гг., в томе «Лексика» А. В. Дыбо написала разделы «Животный мир», «Части тела», «О прародине, древнейших миграциях и контактах пратюрков», часть раздела «Введение». В томе «Региональные реконструкции» ею подготовлены почти все разделы по огузской группе тюркских языков. После смерти Э. Р. Тенишева А. В. Дыбо возглавила проект СИГТЯ и довела вместе с коллегами его до конца, отредактировав и издав в 2006 г. последний, шестой, том «Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка». В нем А. В. Дыбо принадлежат разделы «Имя» (в соавторстве с О. А. Мудраком), «Фонетика», «Жилище», «Антропоморфная и зооморфная метафора в тюркских языках», «Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков» и т. д.

В СИГТЯ и последующих статьях, посвященных тюркским языкам, А. В. Дыбо удалось расширить горизонты наших знаний об истории тюркских языков почти для всех уровней языковой системы.

При анализе лексики, помимо разработки метода сравнения номинационных решеток, А. В. Дыбо системно обосновала ареальные методики: это и чисто ареалогические разработки, верифицируемые диахронией, с особенно яркими результатами при отсутствии историко-лингвистических данных (на материале тунгусо-маньчжурских языков), и исследование лингвогеографическими методами наслоений различных языковых систем на пограничье языковых групп (особенно на тюркско-иранском пограничье). Ею проведена реконструкция семантики энциклопедически нагруженной лексики, которая строится с помощью выделения функциональных и топографических компонентов значения, образующих отдельные подсистемы признаков. Такой подход позволяет более точно восстанавливать области протолексикона, касающиеся природного окружения и материальной культуры предполагаемых носителей праязыка.

В цикле статей о системах спряжения на основании сравнительного анализа систем глагольных окончаний в тюркских языках и диалектах А. В. Дыбо удалось реконструировать два типа спряжений для пратюркского языка и проследить пути их развития в языках-потомках, в то время как предшествующие исследователи не видели системных закономерностей в появлении тех или иных окончаний.

Анализируя фонетику тюркских языков, А. В. Дыбо нашла в большинстве тюркских языков многочисленные свидетельства существования на пратюркском уровне долгих гласных, проявляющиеся, в частности, в различном отражении глухости vs. звонкости последующих согласных в огузских языках, которое ранее считалось результатом спорадического развития.

Во время работы над шестым томом СИГТЯ А. В. Дыбо начала активно исследовать лингвистические контакты ранних тюрков. Ею были установлены древнейшие заимствования в тюркских языках из иранских, самодийских, китайского и других языков. Для каждого периода заимствований А. В. Дыбо устанавливала четкую систему адаптации звуков и морфем, которая позволила определить, какие из ранее предполагавшихся заимствований являются просто похожими словами в соседних языках. При этом для многих настоящих заимствований благодаря применению сравнительно-исторического метода удалось установить абсолютную или относительную хронологию их адаптации. Поэтому данная работа имеет важное значение не только для лингвистов, но и для историков и археологов.

Исследования А. В. Дыбо важны и для иранистики, и для славистики. В области иранского языкознания А. В. Дыбо сделала несколько этимологических наблюдений, в основном связанных с контактной лексикой. В области славянского языкознания она занималась исторической диалектологией восточнославянских языков, изучая проблему локализации средневековых памятников письменности по их языковым особенностям. Недавно она опубликовала работу, где описала применение выработанной ею системы приемов к тексту «Слова о полку Игореве» (продолжая тем самым исследования А. А. Зализняка). Кроме того, она активно анализировала тюрко-иранские и славянские контакты, предложила ряд новых этимологий русских слов. Интересно отметить, что, по рассказам самой Анны Владимировны, первая новая этимологическая гипотеза (о заимствовании в русский диалект слова *шулюн* из калмыцкого языка) была предложена ею в восемь лет после чтения калмыцких сказок.

На протяжении многих лет А. В. Дыбо совместно с С. А. Старостиным и О. А. Мудраком вела работу по созданию «Этимологического словаря алтайских языков», который был издан в 2005 г. в Лейдене. В этом словаре ученые впервые на основе четкой системы соответствий, изложенной в Предисловии, предложили более 2000 алтайских этимологий.

А. В. Дыбо много лет совмещает с активными занятиями этимологической работой и экспедиционную деятельность. В настоящее время она проводит вместе с коллегами полевые исследования алтайских языков по всей России (в первую очередь, в Южной Сибири) и за ее пределами (в Казахстане, Монголии). На порталах lingvodoc.ispras.ru, <http://khakas.altai.ru/> под руководством Анны Владимировны создаются аудиословари и корпуса различных тюркских диалектов, которые позволяют на новом уровне точности с помощью компьютерных программ проанализировать фонетику и морфологию современных идиомов. Многие из этих материалов были собраны лично А. В. Дыбо в экспедициях к носителям хакасских, карачаево-балкарских, алтайских, тувинских диалектов.

С 1994 г. А. В. Дыбо ведет и преподавательскую работу. Долгие годы она работала в Отделении теоретической и прикладной лингвистики факультета (позднее Института) лингвистики РГГУ. Помимо основного курса по сравнительно-историческому языкознанию, в Институте лингвистики и Институте восточных культур А. В. Дыбо готовила и читала учебные курсы «Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков», «Методы этимологических исследований», «Введение в алтаистику», «Введение в сравнительно-историческую грамматику романских языков», «Теоретическая грамматика корейского языка», «Теоретическая грамматика турецкого языка», «Введение в ностратическое языкознание», «Методы историко-семантических исследований», «Диалектология корейского языка», «Диалектология тюркских языков», «Введение в сравнительно-историческое изучение славянских языков». По всем этим курсам ею опубликованы авторские программы. Она является организатором и руководителем учебных специализаций «Лингвистическая компаративистика», «Тюркская филология», утвержденных в РГГУ с 2002 г., магистратуры по направлению «Сравнительно-историческое языкознание — индоевропеистика». В разные годы А. В. Дыбо читала лекции по приглашению в университетах Новосибирска, Баку, Томска, Элисты, Вашингтона и др.

Мы не будем здесь перечислять многочисленных высоких должностей и званий А. В. Дыбо и останавливаться на официальном признании ее заслуг учеными России и мира. Отметим, как нам кажется, важную и отличительную черту ее научных работ, которая выделяет Анну Владимировну среди современников. Как сказал в 2000 г. Е. А. Хелимский (директор Института финно-угроведения в Гамбурге), «самым главным и очень редким даром А. В. Дыбо является то, что она, следуя методам Владимира Ан-

тоновича (отца), сумела совместить внимание к деталям и точность их анализа с очень широким охватом различных языков и проблематик».

Мы желаем Анне Владимировне, которая в настоящее время, опережая большинство молодых ученых, активно участвует в разработке новых цифровых технологий для анализа алтайских языков, больших творческих успехов, чтобы мы могли как можно дольше радоваться возможности наблюдать за исследованиями, в которых точность лингвистического анализа и чрезвычайно широкий научный кругозор сопровождаются выходом на уровень анализа «больших данных» в лингвистике.

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН; hisamitdinova@list.ru

Firdaus G. Hisamitdinova, Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of RAS; hisamitdinova@list.ru

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник*. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // *A magyar nyelv kézikönyve* / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // *Uralic languages today* / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // *ВЯ*. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
С. И. Переверзева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Svetlana Pereverzeva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >